

ЗАГАДКА

ЗАГАДОЧНОЙ ЗАГАДКИ

Басилий Чернов

Кажется, московский школьник Иван Белов потерял память...

Или нет, наверно, он стал ясновидящим... Опять нет? Ах, вон что — он просто попаданец в 1996 год, потерявший память о своей личности!

Ну что ж, придётся Ивану привыкать к новой семье, к новой школе и заводить новых друзей. Да вот беда — время такое, что шагу не ступить, не нарвавшись на криминал.

А подросткам только того и надо, ведь расследовать преступления — это так увлекательно, так просто, и с ними никогда-никогда не может произойти ничего плохого.

И чего это попаданец недоволен, и вовсе не хочет присоединиться к юными сыщиками?

Загадка загадочной загадки

— Чем, на Ваш взгляд, детский детектив отличается от взрослого?
— Во взрослых убивают взрослых, а в детских — детей. Шучу, конечно.
Из интервью В.Роньшина журналу «Маруся»

В детстве я любил читать детские детективы.

— Эх, — думал я тогда, закрывая очередную книжку про компанию с Большой Спасской или про Дашу с Петькой, — вот бы мне туда, к ним! Уж я-то бы показал, как надо вести расследование!

Некоторые герои вообще бесили меня своей недогадливостью, пустыми рассуждениями, глупыми действиями. Нет, авторов я не винил, я винил персонажей...

Я очень любил читать, и идея самому написать книгу преследовала меня примерно всегда. Да вот беда — у меня совсем туго с фантазией: много раз я садился перед чистым листом, вымучивал несколько абзацев и бросал это дело. Просто не дано. А писать хотелось. И вот однажды мне пришла странная идея — просто переписать чужую книгу, оставив прежний сюжет и героев, исправив только чересчур глупые диалоги и мелкие поступки, не влияющие на сюжет. Именно не фанфик сочинить, а тупо убрать всё, что мне не нравилось.

Понимаю, это звучит по-дурацки, но у меня внезапно организовалась бездна свободного времени, и я начал. Вроде что-то стало получаться, и я решил слегка изменить сюжет, самую капельку. Потом — изменить имена персонажей. Потом — изменить главного героя, а то он получался слишком взрослым. Пришлось ему стать попаданцем. И всё заверте...

В общем, так получилось то, что получилось.

Глава 1. Я становлюсь Ванечкой

— Ванечка, сынок, завтрак на столе, — в комнату заглянула мама. Я как раз заканчивал завязывать галстук. — О, ты уже оделся? — почему-то изумилась она.

— Доброе утро, — вежливо ответил я, не став отрицать очевидное.

Она удивленно моргнула. Я явно допустил какую-то промашку, но в чём?

— Доброе утро, — пробормотала она и скрылась, не закрыв дверь.

И я пошёл завтракать, как был — в школьном костюме и тапочках. Это был мой первый совместный завтрак с родителями — сегодня первое сентября, линейка назначена на девять утра, а сейчас восемь.

Обычно родители уходили на работу в девять, а я в это время только просыпался — каникулы. С завтрашнего дня снова будем завтракать порознь — уроки в моей новой школе начинались в восемь.

На кухне уже был отец. В пижамных штанах и майке, он поглощал кашу, сидя на самом удобном месте, где предпочитал сидеть и я, когда ел один — на широкой стороне стола, лицом к окну.

— Ну что, орёл? С новым годом тебя, а?! Смотри, учись хорошо! — он погрозил мне пальцем.

— Непременно, — улыбнулся я, усаживаясь с торца. Как же он меня бесит!

Пшённая каша, хлеб, сыр, варёная колбаса и чай. Просто и сытно.

В кухню влетела озабоченная мама — из-под халата виднелась офисная юбка.

— Ванечка, не испачкай костюм! Что это тебе взбрело в нём есть? И зубы чисти аккуратней, а то заляпаешь.

Я стиснул зубы и выдавил:

— Я очень аккуратно, мама.

— И я тут подумала — сегодня будут выдавать учебники, а ведь они не влезут все в твою сумку! Надо было всё же тебе кейс купить — они такие вместительные.

— Ничего, мама, я возьму с собой пакет. Мне не нужен кейс, мы это уже обсуждали.

Мама расстроено вздохнула и умчалась собираться дальше, и я позволил себе закатить глаза.

— Женщины... — ухмыльнулся отец.

Но вот завтрак был съеден, зубы почищены, пакет уложен в кармашек сумки, и я мог отправиться в школу. Отец пожал мне руку, мама поцеловала в щеку, я наконец-то вышел из квартиры, и вздохнул с облегчением. Никак не могу привыкнуть. Но уже хотя бы «мама» вылетает без запинки. Для двух недель в чужом теле и это казалось мне неплохим результатом.

Да, я попаданец. В пространстве и времени. Сначала-то я думал, что просто ясновидящий, но нет. Расскажу по порядку.

Из 2020 примерно года я попал в 1996.

Из небольшого, видимо, города в Москву.

Из примерно сорока лет в тринадцать.

Вообще-то то, что мой прежний город был небольшим и про сорок лет — единственное, что мне удалось выяснить про себя. Маловато, но хоть что-то. Сначала-то я вообще решил,

что сошёл с ума, и мне всё это кажется. Дико болела голова, знобило и ломило всё тело, перед глазами плавали чёрные мушки и цветные размазанные пятна. Через головокружение я смутно воспринимал плачущую женщину, приезд бригады скорой и укол, благодаря которому цветная туманная размазня в голове наконец-то стала проясняться. Разрывающая голову боль стала нудной и тупой, и я смог заснуть. А когда проснулся, сразу понял, что что-то не так. То есть даже хуже — не так было ВСЁ!

Не такая комната, не такое время года за окном, не такой, как надо я. А какой надо — не помню. И какой я сейчас — не знаю, но был-то другой!

Странные, вообще-то, мысли какие-то. Ну хоть они мои.

Справа послышалось шевеление — оказывается, в кресле у окна сидела женщина в цветастом халате.

— Ванечка, ты очнулся? То есть проснулся? — шёпотом спросила она, с тревогой наклоняясь ко мне.

«Я не Ванечка», — хотел сказать, но губы еле разлепились от сухости, и вышел невнятный хрип. Может, и к лучшему, потому что ответ на вопрос, кто я, если не Ванечка, я не смог сформулировать даже мысленно. Пока женщина наливала воду в стакан, я успел это понять. Ладно, пускай пока так.

Я попил из поднесённого стакана, чуть приподняв голову, и откинулся обратно. Не так уж плохо, ничего вроде не болит, но сил нет.

— Что случилось? — нейтрально спросил я. Вышло сипло.

— У тебя был приступ, — женщина всхлипнула. — Я с работы пришла, а ты лежишь и мечешься в жару, и в бреду. Скорая приезжала, помнишь?

— Смутно. И что они сказали? Скорая?

— Укол поставили, температуру сбили, и в больницу хотели, но я не согласилась. Сегодня педиатр должен прийти.

— Педиатр? — не дошло до меня.

— Ну да, участковый.

Всё равно не понял. Но на всякий случай промолчал.

— Ну и напугал ты меня, Ваня, — продолжала женщина. — Главное, папа в командировке! — И сама себя перебила: — Ты что-нибудь хочешь? Пить, есть? В туалет?

Я хочу узнать, кто я и где я, и кто ты вообще такая. Но тебе я этого не скажу. Пока что. Или может, вообще никогда.

— Нет, ничего.

Я прикрыл веки, типа, устал.

— Тогда отдыхай пока, а я пойду кофе попью. Зови, если что.

Дождавшись, пока она выйдет, я стянул одеяло и стал себя разглядывать. Зеркала в комнате не было, поэтому пришлось довольствоваться тем, что увижу сам. А увидел я худое тело мальчика-подростка в семейных трусах. Не, реально, не в боксерах, не в плавках, а прямо в семейниках. Оттянув резинку, я заглянул и в трусы — русский блондин. Посгибал руки-ноги — всё шевелится, как надо, согласно сигналам мозга. Почему я себя не помню? Была травма, приведшая к амнезии? Я ощупал лицо и голову — никаких следов ран, шишек и тому подобного не ощущалось.

Взгляд упал на полированный шифоньер в углу — в таких раритетах часто бывали зеркала с внутренней стороны дверец, надо проверить. Кстати... я более внимательно оглядел комнату. Действительно, мебель вся как из бабушатника: письменный стол и полки

над ним, деревянный стул с мягким сиденьем, массивная тумбочка и уже упоминавшийся шифоньер. Только кресло у окна выглядело поновее, но ненамного — уже не советским, но аля девяностые, плюшевое такое, пухлое. Торшер рядом с ним тоже соответствовал — с круглым желтым абажуром и маленьким столиком посередине ножки. Я машинально взглянул на потолок — ага, люстра с пластмассовыми висюльками в три ряда. А потолок очень высокий.

Ладно, сначала свой экстерьер, интерьер потом, — с этой мыслью я распахнул шкаф и вуаля — вот и зеркало! Я замер, разглядывая отражение — это лицо я видел первый раз в жизни! Это не я! Ой-ой.

— Ванечка, зачем ты встал? — голос за спиной заставил вздрогнуть.

— Да я это... Одеться хотел, участковая же придёт.

Вот почему педиатр, оказывается — Ванечка явно несовершеннолетний. А женщина тогда вполне может быть Ванечкиной мамой, и из этого следует, что «папа в командировке» — это Ванечкин папа, а не её. Вроде логично.

— Ох, горе моё, — пробормотала возможная мама, протискиваясь мимо меня к шкафу. Оттуда она достала спортивные штаны и белую футболку. — На, надевай и ложись снова. Есть точно не хочешь?

— Ну можно, — неуверенно сказал я. Есть не хотелось, но вдруг бы отказ выглядел подозрительно?

— Сейчас принесу, — обрадовалась женщина и поспешно вышла. На этот раз дверь она не закрыла, и я выглянул в коридор.

Планировка квартиры была мне незнакома — справа в конце коридора была видна прихожая и входная дверь, прямо напротив моей — ещё одна дверь, а налево коридор загибался, и что там за углом располагалось, было не понятно. Оттуда как раз раздалось звяканье посуды, значит, кухня точно там. Всё так же держа в руках штаны с футболкой, я осторожно заглянул за угол. Так, вот эти узкие двери — явно ванна с туалетом. Я потянул первую на себя — упс, не угадал — это кладовка: какие-то коробки, на переднем плане ведра и веники. Я быстренько захлопнул её, и потянул следующую — ага, ванная, отлично.

Я снова завис перед своим отражением, но сразу отдернул себя — пока не время, надо составить картину целиком, подробности потом. В стаканчике на зеркале две зубные щётки, обе сухие. И какая из них моя? Блин, а зубы-то почистить хочется. Я оскалился в зеркало — хорошие зубы — ровные и белые. Ладно, после еды. На стиральной машине (ого, «Вятка-автомат-12», неужто действующая?) — таз с сухим бельём, видимо, для глажки. Верёвки над ванной — прошлый век, опускающиеся сушилки куда удобней.

Я не увидел полотенец, кроме маленького для рук, и поэтому решил пока душ не принимать, а просто умылся над раковиной, уделив особое внимание вонючим подмышкам. Надел, наконец, выданную одежду — футболка нормально подошла, а вот штаны оказались мало того, что коротки, так ещё и жутко растянуты в коленях, не говоря уж о том, что были слишком тёплыми для домашних.

Покончив с водными процедурами, я посетил ещё и туалет, где висящий выше моего роста бачок с цепочкой слива произвел на меня неизгладимое впечатление. Вспомнился фильм «Стиляги», там такой же был.

А странная квартира, можно музей советского быта открывать.

Женщина-возможно-мама как раз несла понос в комнату, когда я вышел.

— Как ты? Голова не кружится? Иди ложись скорее.

— Вроде нормально, — неуверенно ответил я. Может, действительно притвориться больным? А то начнёт лезть с разговорами, спалит на раз. — Так, голова немного побаливает. И слабость.

— Ложись, ложись. Слабость от голода может быть. Покушай.

Я сел в кровати, она вместо салфетки укрыла мне колени полотенцем и подала миску с куриным супом. Вкусно! Я съел всё, хотя голода и не ощущал.

— Спасибо!

— На здоровье, сыночек!

Всё-таки мама... Ой-ой. Точно нельзя признаваться, что тело её Ванечки занято теперь... э-э... мною. Не могу вспомнить, как меня зовут на самом деле. Надо подумать, как быть — она же меня на мах раскусит! Необходимо хоть что-то узнать о Ванечке. Надеюсь, у него фейс ай ди или отпечаток, и графический ключ сбрасывать не придётся.

— Мам, а где мой телефон? Что-то не вижу.

— В смысле — где? В гостиной телефон, до сюда провод всё равно не дотягивается. А второй аппарат мы и не распаковывали ещё, забыл, что ли? А кому это ты звонить собрался?

— Провод? — тупо переспросил я, проигнорировав последний вопрос.

Мама обеспокоилась.

— Так тут розетки телефонной ведь нет, ты что, правда забыл? Ванечка...

— «Телефонной розетки?!!» — я еле успел подавить вопль, пришлось имитировать кашель. До меня начало доходить. Боже, боже, куда я попал! Или правильнее спросить — *в* когда я попал?

— Ах да, точно, — промямлил я. — Слушай, мам, а число сегодня какое?

— Тринадцатое, среда. Или нет, четырнадцатое уже.

— А не пятнадцатое? — подыграл я, для правдоподобия добавил. — У меня ощущение, что я больше суток спал.

— Фу, запутал, сейчас проверю, — нахмурившись, мама вышла, а я подошёл к окну. Зелень деревьев было видно и так, но я жаждал подробностей.

А высоко тут, этаж восьмой-девятый, если не выше. Окно выходило во двор, раскидистые тополя закрывали обзор, но вроде детская площадка есть, и ряд гаражей, что ли, виднеется. Листья на деревьях большие, лето, значит. Тем лучше, у Ванечки каникулы должны быть, а там уж мало ли кто как изменился за лето.

Ох, я так рассуждаю, будто навсегда уже тут остаюсь. Может, есть шанс вернуться? Я лёг в постель и сосредоточился из всех сил, крепко зажмурив глаза, пытаюсь вспомнить, кто я на самом деле. Пусто.

— Сынок, ты что? Что-то болит? — шурша газетой, появилась мама.

— Да, — слабым голосом отвечивал я, — голова...

В этот момент раздался дверной звонок.

— Ну наконец-то врач!

Мама упорхнула встречать, и я цапнул брошенную ей газету с программой телепередач. «Российская газета № 32 (112)», «Программа радио и телевидения на следующую неделю»... Да где же? А, вот, совсем мелкий шрифт — «пятница, 9 августа 1996 года».

Как девяносто шестой?? Был же двестищи двадцать второй!! — торкнуло в мозгу. Но тут вошла неопрятная толстая врачиха, на ходу облачаясь в мятый халат, и мысль ускользнула.

Глава 2. Плюсы и минусы

Начался опрос и осмотр. К счастью, на все вопросы отвечала мама, я изображал обессиленного. Удалось выяснить, что меня зовут Иван Александрович Белов, 1983 года рождения, то есть мне сейчас тринадцать лет. И что мы, оказывается, в эту квартиру переехали только в начале лета, поэтому и к детской поликлинике меня прикрепить не успели, а больничная карточка была у мамы «на руках». Солидная такая карточка, толстая и растрёпанная, с зайчиком из «Ну, погоди» на обложке — видимо, Ванечка рос болезненным мальчиком.

Странно было видеть, как мама заискивает перед этой нелепой хабалистой врачихой, которая ведёт себя, как хозяйка жизни, а у самой ни маски, ни перчаток, термометр стеклянный и маникюр облупленный.

Мысль была неправильной, но додумывать её я не стал, боялся пропустить важное.

В школу я должен был пойти с сентября в новую, «Высота» называется. Тут врачиха, тарача криво подведённые чёрным карандашом глаза (левый размазался), разразилась пятиминутной возмущённой речью на тему «Угробили образование, кто попало может какие попало школы открывать», игнорируя робкие мамины попытки что-то ей объяснить.

— Послушайте, — наконец не выдержал я, — давайте уже вы займётесь своим делом: протоколом осмотра и планом лечения. А с учёбой мы разберёмся сами.

Они обе уставились на меня, как будто заговорила кровать, на которой я лежал.

Мама ахнула и принялась извиняться за моё поведение, а у врачихи стал такой вид, будто я в неё плюнул. Резким движением она вырвала из блокнота листок, швырнув его на стол, и промаршировала к дверям, не удостоив меня ни словом.

Мама побежала за ней, всё так же бормоча извинения, а я взглянул на листок, на котором было накарябано: *«Постельный режим. На приём 19.08»*.

И всё.

Меня разобрал истерический смех. Вот курица-то, а?

— Не вижу ничего смешного, Ваня, — строго произнесла вернувшаяся мама. — Ты что, не понимаешь, чем твоя выходка может обернуться?

Я оборвал смех.

— Хм... понимаю. Твоей жалобой в министерство здравоохранения на недобросовестное лечение любимого сына, например. Ну и в страховую тоже.

— Что? В какую ещё страховую? — Слабым голосом переспросила мама, растерянно моргнув. Отчитывать меня она, видимо, передумала.

— Да ты посмотри, что она тут написала! — я сунул ей бумажку. — В медицинскую страховую, э... — я сверился с полисом, который остался лежать на письменном столе. — В «Московский городской фонд медицинского страхования», вот в какую. А заведующему поликлиникой лучше позвонить прямо сейчас, пока она до неё ещё не дошла.

— Что? Не собираюсь я никуда звонить! — мама с таким ужасом смотрела на меня, что я как-то сдулся.

— Как хочешь, — буркнул я. — Я устал, спать буду.

Я натянул на голову одеяло и отвернулся, но услышал, как Ванечкина мама вышла из комнаты, прикрыв дверь. Надо подумать. Надо хорошенько подумать.

Итак, приступим. Я жив, здоров, молод, имею крышу над головой и еду. Это плюсы.

Минусы: это не я, и я ничего не помню.

Как это могло произойти? Имел место перенос сознания. Спонтанно, или по воле высших сил, или в результате эксперимента — неизвестно. Что стало с моим телом — неизвестно, что стало с сознанием Вани — тоже. Его памяти во мне нет, это точно. Но и моей личной памяти во мне нет! Но ведь какая-то есть? Я знаю значения слов, умею пользоваться ложкой и всё такое, и даже знаю, что делать с борзыми врачами. Наверно, настоящий я был взрослым, и жил в 2022-м году. Из этого следует, что в 1996-ом я тоже уже жил, и даже выжил. Хотя нет! Я ведь мог родиться и позже, времени повзрослеть до 2022-го навалом.

А вдруг я на самом деле женщина — пришла вдруг странная мысль. Я покрутил её и так, и этак, и решил пока не отбрасывать такую возможность.

Ммм, ну и что дальше? О! — надо вспомнить, кем я был по профессии, это может пригодиться.

И вообще, надо вспомнить, что происходило в то время, между девяносто шестым и двадцать вторым. Основное — деноминация, дефолт 1998-го, Путин... Потом ничего, потом кризис 2008-го, Крым в 2014, снова ничего... Пандемия коронавируса в 2020-ом и Спецоперация в 2022-ом.

Хм, а интересно! Главное, пережить лихие девяностые, а там будет видно, произошла развилка событий или нет. Так, школу я, получается, закончу в 2000-м году. Символично.

Не о том думаю. Сейчас главное — легализоваться, или, вернее, натурализоваться. Удачно, что будет новая школа, и новое место жительства тоже мне в кассу, остаются родители, а это самое сложное. Многие изменения в поведении можно, конечно, списать на переходный возраст, но не все... Тут засада, маму и так уже шокировал.

Какая-то мысль свербела на краю сознания, я расслабился, давая ей сформироваться. Ага, полис-то был московский! Значит, мы живём в Москве? Нифига себе, прошлый-я точно тут не жил, значит, остатки памяти тут будут бесполезны. И это — засада номер два.

Устал я что-то от этих размышлений, как бы не потерять бдительность. Я провалился в сон.

Поскольку на следующий день мама вышла на работу, я потихоньку облазил всю квартиру, оказавшуюся трехкомнатной, изучал что где лежит, и вообще, чем богаты.

Было очень интересно — с одной стороны, как будто ходишь по музею, а с другой — будто ворует чужую жизнь. Мысли про чужую жизнь я задвигал подальше, наоборот, стараясь проникнуться, что всё вокруг моё родное. Квартира была просто роскошная, несмотря на простенький ремонт — высокие потолки, огромные комнаты, и вообще, жили мы очень неплохо для этих времён. Видно, деньги в семье водились — в гостиной, например, был мягкий гарнитур с журнальным столиком, стенка, шторы с ламбрекенами, телевизор неизвестной мне марки «Голдстар» с видиком, а также множество растений в горшках. Растения меня заинтересовали, но при ближайшем рассмотрении оказались неинтересными — щучьи хвосты, бегонии и алоэ.

Ещё в гостиной стояла куча картонных коробок и тканевых мешков, видимо, те самые неразобранные после переезда вещи, о которых упоминала мама.

Я полистал фотоальбомы, найденные в стенке, там же нашлись разные документы, из которых я узнал, что моих родителей зовут Александр Павлович и Ирина Васильевна. Жили мы действительно в Москве, на улице Скаковая, и это было довольно круто. Наткнувшись в

книжном шкафу на карту Москвы, я изучил близлежащие улицы и взял на заметку, что нужно зазубрить схему метрополитена. Жаль, документов на квартиру в стенке оказалось, очень интересно знать, принадлежит ли какая-то доля лично мне.

Потом я перекусил на кухне чаем с бутербродами, попутно изучил содержимое шкафчиков — где кастрюли, где что. На кухне ещё обнаружилась встроенная кладовка, забитая припасами — мыло, серая туалетная бумага, спички, соль, макароны... Я озабоченно стал копать, мне почему-то показалось важным найти гречку. Нашёл, облегчённо вздохнул, и невесело посмеялся — привычка делать запасы, видимо, уже укоренилась на генном уровне. Кто знает, что пришлось пережить этой семье, прежде чем прийти к нынешнему благополучию?

Я уже собирался перейти в спальню родителей для продолжения изысканий, но вдруг раздался звонок в дверь. Я вздрогнул от неожиданности. У мамы ключи, отец, она говорила, должен вернуться только в субботу. В домофон, а он тут был, не звонили. Соседи? Я снял тапки и босиком прокрался в прихожую по холодному линолеуму. Не зажигая света, осторожно заглянул в глазок. Звонок повторился.

За дверью стояла какая-то бабка. Видимо, действительно соседка, можно не открывать. Я вернулся к тапкам, а то ноги уже серьёзно замёрзли. И вдруг разозлился на себя — крадусь тут, звонков шугаюсь! Я у себя дома или где? Решительно топая, я вернулся к двери, крикнув: — Кто там?

Из-за двери послышался приглушенный голос:

— Ванечка, это Эмма Карповна!

Какая любезная бабка, теперь не надо выяснять, как её зовут. Я открыл дверь.

— Добрый день, Эмма Карповна.

— Здравствуй, Ванечка! А мама дома?

— Нет, её нет, зайдите вечером, — я постарался, чтобы звучало как можно вежливей, и собрался захлопнуть дверь.

— Ой, а я думала, она мне парочку яиц одолжит, — бабка была настроена на беседу.

Я пожал плечами и, извиняющиеся улыбнувшись, захлопнул дверь. Кажется, Эмма Карповна возмущённо ахнула.

Не, а чего? Надо яиц — сходи в магазин. Она ещё потопталась на площадке — я подглядывал в глазок — и наконец, скрылась в квартире напротив.

А я вдруг почувствовал страшную усталость, и решил полежать. Так и проспал до маминого прихода.

Проснулся, когда уже по квартире плыли аппетитные запахи жареной картошки, зашёл умыться и вышел на кухню. Как и ожидалось, мама была там.

— Как ты себя чувствуешь? — первым делом спросила она.

— Лучше, чем вчера, — осторожно ответил я.

— Хорошо, — с облегчением кивнула она, и тут же нахмурилась. — Меня подкараулила Эмма Карповна, говорит, ты ей нахамил.

Вот ведь карга старая. Я изумлённо поднял брови:

— Вовсе нет, я только сказал, что ты будешь вечером. Если она сочла это хамством, то у неё с головой проблемы.

— Ваня! — укоризненно воскликнула мама, и принялась докапываться дальше. — А яйца?

— Что — яйца?

— Она говорит, ты отказался одолжить ей яиц, а она как раз пекла кекс, — мама говорила, раскладывая по тарелкам картофель с сосисками. Я сел к столу.

— Никаких яиц она у меня не просила, — честно ответил я, ведь действительно, просьбой это было сложно назвать. — А даже если бы и попросила, я бы не дал, вдруг бы у тебя самой на них планы были? И вообще, прежде чем печь, надо убедиться, что у тебя есть всё необходимое, а не побираться по соседям, — я наконец-то занялся едой.

— Ваня, ты говоришь ужасные вещи, — мама тревожно смотрела на меня, трагично изломив брови.

Я чуть не подавился.

— Это какие?

— По-твоему выходит, что если я попрошу у соседки соль, или спички, то я побираюсь?

— Ты не попросишь, — уверенно ответил я, кивнув на кухонную кладовку, — но в общем-то да, так и есть.

— Какой-то кошмар, — пробормотала она, приложив ладонь ко лбу, словно проверяла температуру.

— Мам, ты чего? — ну вот, расстроил женщину. — Да она правда не просила яиц.

— Может, так и надо? — не слушая меня, вздохнула она и встала. — Посуду помоешь, я отдохну.

— Ладно, — я почувствовал себя виноватым — она после работы ещё ужин готовила, а я весь день дома просто так проторчал, да ещё соседка эта.

Так что я спокойно поел, помыл посуду и прибрался на кухне, пока мама смотрела «Санта-Барбару» в гостиной. Потом началась какая-то передача, но она выключила телевизор.

— Пожалуй, лягу пораньше, устала что-то.

Я тоже пошёл к себе в комнату, сел на подоконник и долго смотрел на небо, размышляя, как теперь дальше жить — подросток всё же существо зависимое: ни денег, ни свободы в принятии решений, или, например, передвижения. Если я всё же вспомню, в каком городе жил, поехать туда всё равно не смогу. И не потому, что в стране разгул преступности, а просто незачем. Выходит, надо строить свою жизнь с тем, что есть, не рассчитывая, что внезапно перенесусь обратно и всё станет, как было. Придётся принять это тело и эту семью как свою, и просто жить жизнь в меру своих способностей.

Глава 3. Возвращение отца

Спать не хотелось — днём выспался, и я от нечего делать стал разглядывать Ванечку в зеркало на внутренней стороне дверцы шкафа.

Ну, не красавец, но отнюдь не урод. Светло-русые волосы и широкие брови цветом чуть темнее волос, лицо с правильными чертами, светло-серые яркие глаза. Нос обычный, губы тоже. Был бы очень даже симпатичным, если бы не россыпь прыщей на лбу и ещё по-детски пухлые щёки. Ну, пухлость эта возрастная, и скорее всего пройдет в ближайший год, а вот от прыщей надо избавляться. Вспомнилась увиденная по телевизору реклама лосьона «Клерасил».

Я скинул футболку и штаны, но поскольку дверь была без запора, трусы снимать поостерегся, вдруг Ванина мама зайдёт за чем-нибудь. Ну что сказать, жалкое зрелище — тело было худым, хилым, и наверняка слабым. Над этим надо работать, хотя и не представляю, с чего начинать. С утренней зарядки и отжиманий, наверно, ведь никаких гантелей или домашних тренажеров в квартире я не видел. Надо хоть эспандер приобрести.

Я ещё погримасничал перед зеркалом, проверяя, как будут на лице смотреться разные выражения и эмоции, и поймал себя на том, что всё-таки отношусь к парню в зеркале, как к чужому, вот не верится мне всё же, что это я сам теперь так выгляжу.

Тут взгляд упал на часы, оказывается, давно уже ночь, так что я отправился чистить зубы — первый полноценный день в роли попаданца подошёл к концу.

Следующее утро я начал с зарядки, причём старался ловить своё отражение в зеркале, хоть это было неудобно, но мне казалось, что так я скорее свыкнусь с новой личиной. В список хотелок к «Клерасилу» и эспандеру добавилось настенное зеркало.

Как и вчера, Ванина мама уже ушла на работу. Так, надо даже мысленно перестать прибавлять «Ванина», просто «мама», и всё.

Позавтракав, я занялся тем, чем планировал вчера — осмотром спальни родителей. Размерами она была только чуть меньше гостиной, и мебели тут было много — огромный шкаф, комод, прикроватные тумбочки и ещё какая-то высокая тумбочка с ключиком, туалетный столик с пуфиком перед ним, и почему-то стулья.

Начал я с туалетного столика, заставленного косметикой и всякими сувенирными фигурками. Первым делом мне попался убогий маникюрный набор, но я и такому обрадовался — заусенцы на пальцах сильно мешались, да и ногти отрасли уже. Так что я занялся маникюром, снова подумав, не женщиной ли я был. В принципе, даже если так, то ничего страшного — размышлял я, и даже может помочь, если нужные знания вспомнятся в нужный момент. Вот, например, откуда я знаю, как правильно обрезать кутикулу? Просто всплыло откуда-то. И сколько у меня в подсознании таких знаний спрятано, не свойственных тринадцатилетнему мальчику, как узнать? Интересно, а может ли это женское во мне повлиять на сексуальную ориентацию? — задался я вопросом. Как бы это проверить? Не переставая обрабатывать ногти, я попытался придумать какой-нибудь тест на гейство. Кроме сходить в общую баню ничего не придумывалось. Ладно, это не к спеху. Какой есть, такой и есть, даже если я гей, заморачиваться по этому поводу не собираюсь.

Порассматривав косметику на столике, немедленного желания красить губы я в себе не обнаружил. Уходовая косметика была представлена в основном фабрикой «Свобода»,

декоративная была разных фирм, в том числе мне совсем незнакомых. За дверцами столика обнаружили старые записные книжки, шкатулка с бижутерией, зеркала, солнечные очки и прочая женская дребедень, ничего интересного.

А привлекающая моё внимание полированная тумбочка с ключиком оказалась швейной машинкой «Чайка», складывающейся вовнутрь, очень удобно. При случае надо будет проверить, умею ли я шить.

В комод с постельным и нижним бельём я поискал спрятанные деньги и ценности, не нашёл. Значит, в шкафу. Его я оставил напоследок, уж очень он здоров. Но всё оказалось не так страшно, вещей в нём было не очень много, или при переезде выкинули большую часть, или они всё ещё нераспакованные в тех мешках лежат. Или шкаф покупался «на вырост» — весь спальный гарнитур был недавнего обзаведения, наверно, уже в этой квартире покупался. А значит, никаких денег я могу и не обнаружить — возможно, все сбережения пошли на покупку квартиры и мебели. Или просто хранились на сберкнижке. Хотя нет, народ уже шуганный, банкам не доверяет. Тем не менее, я обшарил шкаф, и действительно, в секции с полками, аккуратно застеленными газетами, обнаружился конверт с деньгами старого образца, 1995 года. Я запомнил сумму, но она ни о чём мне не говорила, так как цен я не знал, и вообще...

В общем, я успел осмотреть спальню родителей и кладовку в коридоре, а часа в три меня снова вырубил до маминого прихода. В пятницу у неё был укороченный день, так что пришла она пораньше, в приподнятом настроении, и с полными сумками продуктов.

— Завтра папа возвращается, надо вечером тесто поставить, а прибираться будем сегодня, — за ужином уведомила она меня, из чего я заключил, что у Ивана были какие-то обязанности по дому, но видимо, из-за болезни мама его не грузила. Блин, не его, меня, меня!

Чтобы не выдать неосведомлённости я спросил, что мне сделать в первую очередь.

— Протри подоконники, а то столько пыли с улицы летит, ужас просто. Потом пыль вытри, да в большой комнате пропылесосишь. Полы я сама помою.

Я кивнул. Мама продолжала строить хозяйственные планы:

— Постели надо поменять, и стирку запустить. Кухню оставлю на завтра, а то ещё готовить.

И мы занялись делом. Я не халтурил: протёр подоконники, они, кстати, были деревянными, как и оконные рамы, крашенные белой краской, как следует вытер пыль. Пылесос меня поразил — старый, советский, круглый и блестящий, назывался «Эра», гудел он, как зверь. Пропылесосил ковёр, диваны и кресла в гостиной, помог заправить одеяла в пододеяльники. Мама ушла спать, чтобы встать пораньше и наготовить вкусняшек. А я перед сном снова пялился в зеркало, проводя сеанс аутотренинга. Кажется, это помогало — я уже не напрягался, случайно увидев чужое отражение в зеркале или полированной дверце.

И вот в субботу из командировки вернулся отец. Встреча отца с сыном прошла без сучка, без задоринки. Александр Павлович оказался толстеньким крепеньким человеком, весьма нервным и постоянно на что-то жалующимся. При том он показался мне жутким занудой. Хотя может, это его командировка утомила?

Оказалось, они с мамой работают на одном предприятии — она бухгалтером, а он — старшим технологом, что бы это ни значило. Их контора занималась поставками какого-то зарубежного оборудования в разные регионы страны, как мне кажется, не очень-то надёжный бизнес по нынешним временам. Хотя из разговора родителей я понял, что папаша

был о своей должности самого высокого мнения, и вообще считал, что вся контора держится только на нём. Пафосный и занудный индюк, в целом.

Впрочем, когда мама рассказала ему о моём «возмутительном демарше» против врачихи, он меня типа поддержал:

— Ей совершенно незачем лезть в вопросы обучения. А то, что она не назначила должного лечения, просто возмутительно. Хотя, он ведь и так поправился? Ну и прекрасно.

Так что жаловаться на врачиху он не стал тоже. Странные люди, ведь речь идёт об их сыне! А если бы у меня было что-то серьёзное? Так что соответствующие выводы я сделал — рассчитывать можно только на себя.

Радовало, что никаких изменений в моём поведении родители не замечали, вот совсем. Видимо, не очень-то хорошо они знали собственного сына, что мне, конечно, только на руку.

Глава 4. Выход в люди

На следующий день мама заявила, что раз я хорошо себя чувствую, то завтра идём наконец-то записывать меня в школу «Высота», директор которой, Екатерина Алексеевна Рогачёва, оказалась её близкой подругой. Обо всём уже было договорено, оставалось уладить формальности.

Это должен быть первый мой выход на улицу, и я изрядно волновался. Не то чтобы я думал, что на нас сразу налетят братки с битами и паяльниками, но, честно признаюсь, что-то вроде того. Я так и не смог вспомнить, проживал ли я девяностые сам, в своей прошлой жизни, или впечатления о них у меня составились из чужих воспоминаний или каких-нибудь передач и статей. Может, маленький был.

Вечером мама зашла ко мне в комнату «провести инвентаризацию в шкафу», как она выразилась. Я, конечно, там уже всё посмотрел, но ничего не трогал, чтобы не возникало лишних вопросов.

Мама вываливала вещи на кровать, и отбирала те, что были мне явно малы, или совсем уж затрапезно выглядели, заставляя меня примерять то одно, то другое. В итоге в шкафу стало гораздо свободнее, а мне было объявлено, что в ближайшее время меня ждут обновки. Я даже обрадовался, всё-таки приятнее иметь свои, чем донашивать Ванины, пусть они даже и были моими, ну, вы поняли.

С утра отец ушел на работу, а мы с мамой отправились в школу. Пешком, она вроде располагалась недалеко.

Мало того, что жили мы в крутом месте, наш дом оказался тоже весьма козырным — с двумя выходами: на улицу и во двор, облицованный жёлтым кирпичом, с мусоропроводом и двумя лифтами. Я старался всё подмечать, не сильно пялясь по сторонам.

Людей на улице было много, и они были... какими-то старомодными, что ли. Четверть века — большой срок, дошло до меня. Люди были неуловимо *иными*. С виду вроде те же — две руки, две ноги, но какая-то в них была нервозность и суетливость. Мне было очень не по себе, особенно в длинном подземном переходе с кучей киосков. К счастью, мама сама боялась меня потерять, поэтому крепко держала под руку.

— Ты что, Ванечка? — обеспокоенно спросила она, когда мы поднялись на поверхность и углубились в какие-то переулки. Я отвлёкся от созерцания прохожих и сосредоточился на запоминании дороги.

— Да отвык, столько дней дома просидел, — не придумал ничего лучшего я.

— Ну да, ну да. А вот и твоя новая школа, — с непонятной мне гордостью произнесла она.

Здание сияло розовой штукатуркой и высоким вовсе не было, всего три этажа. Историю названия школы я уточнять не стал, поскольку Иван наверняка её знал.

Нас беспрепятственно пустили в здание, на первом этаже была только сонная вахтёрша, она же, видимо, и уборщица.

Кабинет директора был на втором. Екатерина Алексеевна оказалась стройной дамой примерно маминых лет в жутком ядовито-зелёном костюмчике. Встретила она нас приветливо, хотя «я буквально разрываюсь на части, начало учебного года вот-вот, а ещё столько дел». Я мысленно поморщился — видимо, плохим организатором была эта подруга. Надолго мы там не задержались, мама отдала копии нужных документов и расписалась в

нескольких листах, даже не читая их. От этого меня снова покорило — ну да, подруги, но всё равно, что за беспечность, а ещё бухгалтер...

Кстати, я пытался вспомнить свою прошлую профессию, но пока безрезультатно. Просто брал любую сферу — медицина, бухчёт, кулинария, оружие, юриспруденция, программирование, ветеринария, фармакология, педагогика, и напрягал память — не окажется ли, что я в ней разбираюсь лучше, чем обыватель, но пока ничего не отзывалось. Я уже склонялся к тому, что видимо, никакого образования у меня не было, может, купленный диплом был, а может, я вообще дворником работал. Или видеоблогером. В общем, специальный перебор я бросил, но любую случайно пришедшую на ум профессию примерял на себя.

После школы я повернул было обратно к дому, но мама меня огорошила тем, что взяла отгул на целый день, специально, чтобы сделать необходимые покупки к школе. Я аж растерялся — специальный день для покупок? Не, я уж уяснил, что тут нет Озона с Вайлдберисом, но всё-таки — целый рабочий день тратить, это как-то слишком. Но мама явно не видела в этом ничего особенного.

Так что направились мы на вещевой рынок «Динамо». Это, доложу вам, было что-то с чем-то. Безбрежное море палаток и контейнеров, примерка на картонках за самодельными штормками, куча нерусских, в основном азиатской внешности, да и просто каких-то мутных личностей, зазывалы, бормочущие «Доллары, марочки, золото», бойкие тётки с тележками на колёсиках, полными пирожков, вопящие «Дарошшку, дарошшку!». Продавцы и покупатели курили прямо посреди торговых рядов, и тут же бросали мусор, перепинывая его друг другу. Жуткий шум и ор — люди пытались переорать музыкальные киоски, расставленные по всему рынку без всякой системы.

Честно скажу — я растерялся и даже испугался. Поначалу. Но потом, протащившись за мамой на буксире несколько рядов, поймал волну. Мама гнала вперёд, быстро окидывая взглядом товар — слаксы, в основном болотно-зелёные и пыльно-малиновые, свитера в ромбах и свитера с надписью «Boys», фланелевые рубашки в клетку, лосины и спортивные костюмы, кожанки и пуховики. Над всем царили джинсы, и всевозможные вещи из денима — шорты, рубашки, куртки, жилетки, юбки, сарафаны — просто какой-то шабаш джинсы, кажется, я видел даже джинсовый купальник! Вскоре я начал понимать, что, не смотря на кажущиеся разнообразие, все торговали почти одним и тем же.

— Что мы ищем? — спросил я маму, когда мы вынырнули из очередного ряда.

— Что-нибудь к школе, — раздраженно ответила она, закатив глаза.

— А конкретней? — решил я проявить настойчивость.

Но мама только махнула рукой и устремилась в следующий проход. Я, скрипнув зубами, двинулся следом. Так дело не пойдёт, тут, конечно, интересно, но не настолько, чтобы ходить мимо тысячной пары джинсов-близнецов. Нужно остановить это бессмысленное кружение. И подгадав момент на повороте в очередной ряд, схватил маму за хвост плаща, ловко заступил ей дорогу и развернул лицом к себе. Она попыталась возмутиться, но я был непреклонен.

— Стоп! Отвечай только «да» или «нет»! Что мне нужно к школе — костюм?

— Ну старые брюки ещё годятся, вчера ведь мерил, но...

— Только «да» или «нет», — рявкнул я.

— Ну если встретятся удачные...

Я со свистом втянул воздух.

— Рубашки?

— Да!

— Пиджак?

— Нет, у тебя ведь...

— Спортивный костюм?

— Да, твой ведь я Вите вчера отложила уже...

— Кроссовки? Обувь?

— На сменку надо что-то лёгкое...

— Сумка под учебники?

— Давай возьмём кейс, очень удобно.

Я застонал.

— Мама, нам надо купить целую кучу вещей, а мы тратим время, гуляя вокруг слаксов.

Мама вспыхнула.

— Мы не гуляем, а изучаем ассортимент!

— Ассортимент не нужного нам дерьма?

— Ваня, что за выражения!

— Выражения соответствуют сути содержимого, — туманно ответил я, и пока мама соображала, что это значит, потащил её в сторону, где раньше видел растяжку «ШКОЛЬНЫЙ БАЗАР».

— Начнём с сумки. Сколько у нас денег?

Мама вдруг начала пугливо коситься по сторонам.

— Что? — не понял я.

— Ты что, — зашипела она, — нельзя говорить, что у нас деньги с собой.

— Какая-то примета? Брось, мне надо знать, что почём выбирать.

Похоже, я сказал какую-то ересь, поскольку мама посмотрела на меня очень-очень странно. Наконец, ещё раз оглядевшись, она наклонилась к самому уху и прошептала:

— В два миллиона хотелось бы уложиться. Край — в два с половиной.

Я закусил губы, давя смех — миллионеры, блин, на вещевом рынке!

В общем, мне удалось удачно сторговать всё нужное, и всего лишь в двух местах. Неприятным сюрпризом стало то, что детей, даже моего возраста, тут в упор не замечали, все переговоры с продавцами велись через маму, продавцы просто не воспринимали меня как способного повлиять на выбор. Это ставило в тупик, повезло хоть, что мама меня слушала. На остатки денег я настоял купить трусов и носков, причём мама была против. Дело в том, что при вчерашней ревизии у Ванечки в шкафу обнаружилось только три пары носков — чёрные, белые и серые. На мой взгляд, явно недостаточно. Но не на мамин. Треш какой-то вообще — мне пришлось её уговаривать!

С рынка я припёрся выжатым, как половая тряпка. Да, тут такие в ходу — не насадки на швабры, а конкретно тряпки, из старых вещей — футболок там, или рубашек. Всё в дом, всё в дело. Даже пакеты сэкономили — мусорное ведро газеткой выстлали. А ведь советский Союз кончился пять лет назад! Интересно, сколько ещё эта традиция продлится?

Глава 5. Уборка "под себя"

На этой неделе я всё же начал уборку в своей комнате. Думаю, дальше тянуть нет смысла, Иван обратно в своё тело не вернётся, надо организовать всё под себя, мне тут жить. Расхламление доставляло мне удовольствие. Никаких угрызений совести от выбрасывания дорогих сердцу бывшего Ивана вещей я не испытывал. Просто удивительно, сколько ерунды он потащил с собой на новую квартиру. Ладно ещё старые игрушки или коллекцию киндеров можно объяснить ностальгией (я их выкинул бестрепетно), но реально сломанными, обшарпанными и просто страшными вещами был забит весь письменный стол, полшкафа и тумбочка.

Стёкла навесных полок я снял и засунул за шкаф, поскольку переводные картинки со зверюшками от них отковырять не удалось. Ящики письменного стола пришлось отдира́ть от наклеек со Шварценеггером и Сталлоне, из-под стекла выковыривать кучу непонятных бумажек, а вот в столе, среди прочего, нашлись припрятанными два порножурнала «Эротикон», их я внимательно изучил и решил оставить — комиксы там были просто огонь! С удовольствием отметил, что несмотря на обилие картинок и фоток с голыми мужчинами, всё-таки женщины мне интереснее, так что гейство отменяется.

Неплохо бы девчонку завести, прыщи на лице явно от недотраха. Но пока можно и с помощью журналов выравнять гормональный фон, всё-таки тринадцать лет рановато для полноценной половой жизни, хоть Иван уже достаточно созрел в этом плане — со стояком я иногда просыпался (не каждый день, но всё же), и волосы во всех нужных местах росли (подмышками я сбрил). Не, с девчонкой торопиться не буду, чтобы не пришлось объяснять свои странности: чем тут живёт молодёжь, я пока понимал весьма смутно, да и вообще — надо получше освоиться, в классе закрепиться, как-то организовать быт и досуг.

В общем, скоро комната приобрела приемлемый вид, ощущение захламлённости пропало, и даже из-за размеров стала казаться пустоватой, так как я специально оставил место для занятий спортом. Я озадачил маму тем, что хочу большое настенное зеркало, она обещала что-то придумать.

До школы оставалось ещё две недели. Жаль, не удалось разыскать документов на квартиру, я так и не смог понять, как мои весьма посредственные родители смогли её заполучить — вряд ли купили, хотя документы о продаже прошлой я нашёл — однокомнатная хрущевка на Юго-Западе была продана в мае, а из вечерних разговоров родителей я смог выяснить, что много денег пошло на ремонт, мебель и кухонную технику для этой. Обидно, что всё старьё скинули в комнату сына. Квитанции — телефонные и электрические — приходили на мамино имя.

Что странно — у меня совсем не было ломки от недоступности гаджетов или информационного голода, скорее, присутствовала досада. Пару раз я, забывшись, вслух звал Алису, но тут же спохватывался. Телефона не хватало, конечно, но скорее как устройства, всё время присутствовало чувство, будто мне чего-то не хватает в руках.

Неделя промелькнула незаметно, в выходные состоялся семейный выезд за покупками, снова на рынок Динамо, но уже в другую его часть, продуктовую. «Выезд», а не «выход», потому что на сей раз мы отправились за покупками на новенькой «девятке», и забили багажник довольно плотно. Как я понял, такой шоппинг устраивался раз в месяц после

зарплаты.

Отец подтверждал свои звания нытика и зануды, честное слово, не понимаю, как мама его терпит. Всё хозяйство было на ней, при том что работала она столько же, уходили и возвращались родители вместе, но мама после работы шуршала по дому или становилась к плите, а отец если и шуршал, то только газетами.

Поскольку я целыми днями торчал дома, то старался ей помогать, но без фанатизма — картошку там чистил, стирал в машинке, пол как-то помыл (тряпкой, но на швабре, да), ну и в своей комнате порядок поддерживал — после выбрасывания Ваниного мусора это было не сложно. Даже окно у себя вымыл.

Видимо, это не сильно выбивалось из поведения Вани, по крайней мере, мама меня хвалила, но не удивлялась. Общаться с родителями я старался поменьше, и никакая мысль о подмене к ним так и не забредала.

Через неделю я решил, что хватит сидеть дома, нужно и мир вокруг поразведать. Я, собственно, кроме рынка и школы и не видел ничего, а ведь в Москве есть что посмотреть. В музей, что ли, сходить? Погода к прогулкам располагала — последние летние денёчки. Хотя нет, в первую очередь — первоочередное. Надо разведать близлежащие магазины, а то пошлют меня за хлебом и прощай, конспирация. Ещё неплохо бы повторить путь до школы, а то вдруг заблужусь, и при этом время засесть, чтобы выходить не рано и не поздно.

Сказано — сделано, за следующую неделю я обошёл весь район, изучил все магазины, выучил маршруты транспорта на Ленинградском проспекте, по привычке к людям. Не потеряюсь теперь. Дворы здесь не огораживали, и даже многие подъезды были без домофонов. Что меня поразило, так это большое количество крупных собак, в наше время такого не было. То есть не будет. И если поначалу я напрягался, выходя на улицу — всё-таки девяностые кругом, тут на человека на улице напасть как здрасьте, то уже через несколько дней, не встретив ни одной разборки, гулял вполне свободно. Возвращался к приходу родителей, к семи часам, мы ужинали, и я уединялся в своей комнате.

Так как в столе я нашёл кое-какие деньги, то шатаюсь по магазинам, потратил их с пользой: обзавёлся хорошим маникюрным набором, двумя эспандерами, которые случайно увидел в отделе, торгующим часами, и всё... деньги кончились.

Первое сентября в этом году выпадало на воскресенье, так что линейка должна была состояться второго, в понедельник.

Глава 6. Первое сентября в западне

В школьном дворе толпилась толпа, но толпилась она только по краям, оставляя центр свободным. Сцена была организована на крыльце, прямо у входных дверей в школу.

Я присмотрелся, но не смог понять, как распределялись классы — точно можно было опознать только первоклассников, по цветам и родителям.

— Скажите, пожалуйста, как мне найти восьмой «б»? — вежливо спросил я у какой-то учительницы.

— Ты что, за лето своих забыл? — вместо внятного ответа получил я встречный вопрос.

Вот идиотка, и как таких в школу берут? Видимо, эта мысль чётко отобразилась на моём лице, потому что учительница смутилась и завертела головой.

— Вон Ольга Борисовна, классный руководитель восьмого «б», — кивнула она на женщину в красной блузке.

— Спасибо, — сквозь зубы процедил я, и двинулся к указанной женщине.

Суета и толкотня раздражала. Может, в прошлой жизни я был военным?

— Добрый день, Ольга Борисовна. Белов Иван, зачислен в восьмой «б», — кратко отрекомендовался я.

— Отлично, один новенький есть, — бодро отозвалась она. Я поморщился — ни «здрасьте», ни «насрать», ну и отношение тут к детям всё-таки — как к пустому месту. Может, это и не плохо, но очень уж непривычно. Ближайшая кучка учеников принялась меня разглядывать. Я равнодушно отвернулся, мельком отметив, что почти все девочки выше мальчиков.

Тут как раз музыка смолкла, и кто-то сказа в микрофон:

— Раз! Раз, два, три!

— Ребята, строимся, — засуетилась Ольга Борисовна.

На крыльце появилась уже знакомая мне директриса и начала приветственную речь.

Меня кто-то дёрнул за рукав. Я недовольно оглянулся — на меня смотрел толстый паренёк с чёрными волнистыми волосами.

— Ты «Бронзовую птицу» читал? Или хоть смотрел? — громким шёпотом спросил он.

Я кивнул. Но он почему-то недоверчиво прищурился.

— И как главного героя зовут?

— Миша Поляков, — нахмурившись, припомнил я. В чём прикол? Поди, уже какая-то проверка, только странная. Я заметил, что к нашему разговору прислушивается долговязая девчонка с острым лицом.

— Угу, правильно, — обрадовался пацан. — Слушай, чего скажу, — он придвинулся поближе и зашептал, — Нашей школе подарили точь-в-точь такую скульптуру птицы. Огромную! Я и подумал — а вдруг там тоже тайник? Пойдём, проверим, а? Пока все заняты. Она в приёмной директорской стоит.

Я подзавис. Предложение звучало так глупо, что я не мог найти, что сказать. Наконец, я выдавил:

— Так, наверно, уже проверили. Директриса, поди, тоже «Бронзовую птицу» читала. И учителя.

— Да нет, они бы не успели, — прямо мне в ухо продолжал шептать он. — Я время перепутал, на час раньше пришёл, и видел, как её привезли, перед самой линейкой. А если

кто-то и подумал про тайник, то при всех проверять бы не стал. Пошли, а?

Я потёр лоб. Что за бред. Скорее всего, это всё же проверка, и пацану поручено заманить меня в ловушку.

— А как? Там же вон, — я кивнул на директрису на крыльце, продолжающую вдохновенно вещать про наше счастливое детство.

— Можно через запасной вход, или через спортзал. В спортзале точно открыто, я видел.

Я колебался. С одной стороны, не хотелось вестись на провокацию и шагать напрямик в засаду, но с другой — уж лучше сразу выяснить, кто тут такие засады устраивает. Подраться, конечно, придётся, но лучше уж сразу закрыть вопрос.

— Ладно, давай, — наконец решился я и стал потихоньку выдавливаясь в задние ряды. Это не составило труда, и через минуту мы уже поворачивали за угол школьного здания. Бросив взгляд назад, я увидел, что остролицая девочка смотрит нам вслед.

Боковая дверь действительно была открыта, и вела прямо в спортзал, пустой и светлый. Значит, засада в раздевалке.

Мы пересекли зал бодрой рысью, миновали раздевалки и застеклённый переход, и вышли на боковую лестницу. Я чутко прислушивался, но никаких посторонних звуков уловить не мог, школа была пустынна.

По лестнице мы поднялись до второго этажа, хотя она вела выше, и вырулили в коридор. Да мы же уже у директорской приёмной — я узнал место. И никакой засады.

— Стой, — притормозил я, и протянул пацану руку, — Иван Белов.

— Бочкарёв Максим, — ответил он на пожатие. Я невольно улыбнулся — фамилия дивно ему шла. Он понял причину улыбки и насупился. — Вот приёмная, птица там.

Я встал на цыпочки, заглянув через стеклянную верхушку двери.

— Вроде никого. Заходим.

Действительно, птица была здесь — раскинув крылья, она занимала половину приёмной, и стояла, загораживая проход к ряду стульев у стены.

— Тайник должен быть в голове, — дрожащим шёпотом сказал Максим. Глаза его возбуждённо блестели. Его волнение передалось и мне, хотя ни в какой тайник, я, понятно, не верил.

Мы принялись ощупывать птицу, нажимали ей на глаза, на клюв, на лапы, в общем, на всё подряд.

— Что вы делаете! — раздался от двери громкий голос. Мы с Максимом так и подпрыгнули, с ужасом уставившись друг на друга. Ну конечно — в приёмную заглядывала та самая остроносая девочка.

— Савостикова! — простонал Максим. — Что ты тут делаешь?

— Нет, это что вы тут делаете? — грозно нахмурилась Савостикова.

— Разумеется, ищем клад, — спокойно сказал я. — То есть сперва, конечно, тайник, а вот потом уже и клад.

Макс возмущённо взглянул на меня.

— В директорском кабинете? Думаете, я совсем идиотка?

— Не знаю, мы ведь совсем не знакомы, — начал я заговаривать ей зубы, но Макс меня перебил.

— Не в кабинете, а в приёмной, это раз. А два — ты, Савостикова, дохлая шпионка! Пошли отсюда, — кивнул он мне, — всё равно тут ничего нет.

— Почему это я дохлая? — завопила Савостикова, уперев руки в боки и этим

перегораживая нам выход.

В коридоре послышался приближающийся шум.

— То есть против шпионки ты не возражаешь? — усмехнулся он ей в лицо. — Мотаем, сюда идут!

Топот и разговоры звучали уже совсем близко.

— Не успели, — зло зашипел Макс. — Всё из-за тебя!

Он пихнул нас к дверце в стене напротив входа в кабинет, к счастью, она была не заперта. Там оказалось маленькое помещение, наверно, раздевалка, по крайней мере тут стоял стул и ростовая вешалка с рогами.

В приёмную вошли люди, Макс захлопнул дверцу в последний момент. Мы оказались в темноте.

— Лидочка, сделай нам с Василь Васильевичем чаю, — раздался слащавый голос директрисы. — Или вы предпочитаете кофе, Василий Васильевич?

— Чай, пожалуйста, — отозвался чей-то бас. — Ого, каков орёл!

— Ах, это нам сегодня прислали, я даже не поняла кто. Пришлось пока сюда поставить.

— Знатная вещица, — похвалил Василь Васильевич. — Прямо как...

Он вдруг оборвал предложение.

— Прямо как что? — заинтересовалась директор.

— Да так, — невнятно пробурчал он. Послышалось звяканье посуды.

— Прошу в мой кабинет.

Макс ткнул меня в бок.

— Спорим, он тоже про тайник подумал? — с непонятным торжеством прошептал он.

Но мне уже было не до тайников.

— Какого чёрта мы стали прятаться? Надо было наплести чего-нибудь! — сердито зашептал я.

Савостикова тихо заскулила.

— Тихо ты, секретарша возвращается, — оповестил прильнувший к щёлочке Макс.

Боже, за что мне это всё! Положение — глупее не придумаешь, и что делать непонятно. Сколько нам тут сидеть, до вечера? Эх, был бы сотовый, можно было бы выманить их звонком.

— Как зовут секретаршу? — тихонько спросил я у Макса. Он, судя по движению воздуха, пожал плечами. Ответила Савостикова.

— Лидия Степановна её зовут, а что?

— Надо выходить, вот что.

— Не вздумай! — зашипел Макс.

— Да я один выйду, отвлеку их, и вы выскользнете.

— Не надо! — хором отказались они. Во дебилы-то.

— А вы что предлагаете?

— Рогачёва пойдёт мужика провожать, тогда и выйдем.

Савостикова заспорила.

— А если они там три часа просидят? У нас классный час сейчас, между прочим.

Но из приёмной уже снова слышались голоса — мужик прощался, и директор действительно пошла его провожать до выхода из школы.

— Может, и Лидочка упрётся? — жалобно хныкнула Савостикова.

— Или директор припрётся, — возразил я. — Выходим!

Секретарша при нашем появлении усмехнулась.

— А я-то думаю, кто там шуршит? А это седьмой «б»!

— Уже восьмой, — пискнула Савостикова.

— Мы орла смотрели, — покаянным тоном загундосил Максим.

— Извините нас, пожалуйста, — добавил я.

— Выметайтесь, — махнула рукой Лидия Степановна.

И мы вымелись.

— Ура, пронесло! — весело заорал Макс в коридоре.

— Действительно, удачно получилось, — Савостикова радовалась сдержанней.

Я брёл за новыми одноклассниками, и повода для радости не видел вообще — вляпались на пустом месте, и героически преодолели непонятно что.

Мы подошли к кабинету вовремя, классный час ещё не успел начаться.

— Ну наконец-то все в сборе! — с едва заметным неудовольствием воскликнула классная. — Садитесь!

Макс и Савостикова двинулись, видимо, на свои прошлогодние места, я остался стоять у доски, с любопытством оглядываясь. Класс был необычным — парты были рассчитаны на троих человек, были слегка закругленные, и стояли при этом не рядами, а полукружьями, беря в подкову учительский стол. На стенах висели портреты писателей. Ясно, классная ведёт русский и литературу.

— У нас новый ученик, Иван Белов. Ваня, садись вон туда, указала она мне на парту, где в одиночестве сидела белокурая девочка.

Под взглядами десятков глаз я двинулся по проходу, за моей спиной послышался голос:

— Не повезло Ване!

По классу покатались смешки. Девочка скорчила рожу говорившему, но оглядываться я не стал.

— Привет, — шепнул я, усаживаясь. Ответом меня не удостоили. Да и пожалуйста.

Классная начала речь. Была упомянута важность именно этого года обучения, новые предметы — химия, экология и экономика, ода спонсорам, в общем, скукота.

Я украдкой оглядывал своих одноклассников, пытаюсь вычислить лидеров, впрочем, безрезультатно. Парнишки в костюмах, девчонки в белых блузках — праздник, всё же. Школьной формы сейчас нет, хотя, когда записывались, я посмотрел стенды с фотками, вроде бы белый верх-чёрный низ тут соблюдался. Соседка сидела спокойно, равнодушно слушая учительницу. А она симпатичная — стройная, но с грудью, льняные вьющиеся волосы, лицо с высокими скулами, серые глаза. Видимо, пользуется успехом, и от этого много о себе воображает. Значит, игнорим её, нечего подогревать её самомнение.

Глава 7. Арина и Савостикова

— Так! — взглянула на наручные часики Ольга Борисовна, закруглив свою речь. — У нас есть десять минут до назначенного времени выдачи учебников. Может, кто-то хочет поделиться тем, как он провёл лето?

Класс замер в гробовом молчании. Кажется, делиться не хотелось никому. Классная занервничала.

— Тогда пусть новенькие расскажут о себе. Арина, прошу! Выйди к доске, чтобы всем было видно тебя, — обратилась она к девочке с тёмным каре, сидевшей на первой парте.

О, значит, я не единственный новенький. Но что-то мне не хочется стоять тут перед всеми, и к тому же я не знал, как Ваня провёл лето.

Арине не хотелось тоже. Она смущённо что-то пробормотала, низко склонив голову.

— Ну что же ты, Арина! — это совсем не понравилось Ольге Борисовне. — Всему классу интересно, кто вливается в наш дружный коллектив!

Она недовольно посверлила девочку взглядом, но видимо, поняв, что толку не будет, переключилась на меня.

— Иван, тогда ты. Выйди к доске и расскажи нам о себе.

Чёрт! Я встал с места.

— Извините, Ольга Борисовна, я не могу — жутко стесняюсь, — громко сказал я, глядя ей прямо в глаза.

Со всех сторон послышались смешки. Классная растерялась. Смешки стали громче.

— Тихо! — отмерла она. — В таком случае, строимся парами для похода в библиотеку. — Решила сделать вид, что ничего такого не произошло. — Сумки с собой не берём, учебники до класса понесёте в руках!

Поднялась суета и толкотня, я тоже неспешно выбрался из-за парты и направился к Арине, которая так и осталась сидеть на своём месте, не поднимая головы.

— Пойдём, я твоя пара, — протянув руку, тихо сказал я, на мгновение испугавшись, что если она сейчас не встанет, или пойдёт сама, я бужу выглядеть ужасно глупо. Но она послушно взяла меня за руку. Мы встали в колонну последними. На нас оглядывались, но громко своего мнения не выражали.

На лестнице я тихо спросил Арину:

— У тебя летом что-то плохое произошло?

— Родители погибли в автокатастрофе. Пьяный джип, — не глядя на меня, пробормотала она.

Я молча сжал её ладонь. Печально. Но могло быть и хуже — она могла попасть в детский дом, а раз оказалась в этой элитной школе, то значит, живёт с какими-то родственниками.

В библиотеке поднялся жуткий галдёж — нужно было выстроиться в алфавитном порядке. Замученная библиотекаря не могла справиться с чересчур активными школьниками, а выкрывающая глупые команды Ольга Борисовна только добавляла шума и неразберихи.

— Чего кривишься? — улыбаясь, спросил протиснувшийся ко мне Бочкарёв. — Весело же!

— Да ну! — не разделил я его мнение. — Развели базар-вокзал. Суетологи всяя Руси.

блин.

— Как-как? — сложился от смеха Бочкарёв, хотя вроде ничего смешного я не сказал.

К несчастью, мои слова достигли ушей классной.

— Разумеется, ты бы, Белов, организовал всё куда лучше, — сказала она ехидно.

— Разумеется, — полез в бутылку я. — Это же так просто — взять с собой список и вызывать к стойке по одному.

Классная шумно втянула носом воздух и резко развернулась к нам спиной.

— Буду держаться рядом, — сказал отсмеявшийся Бочкарёв, и пояснил. — Я за тобой ведь по списку.

— Астраханцева! — раздался от стойки истошный крик классной.

Я с удивлением понял, что она последовала моему совету, и некрасивая из-за глубоко посаженных глаз и вздёрнутого носа девочка забирает первую стопку книг.

— Белов!! — ещё громче завопила училка.

Я распишал одноклассников и с непроницаемым лицом протиснулся вперёд.

— Это новенький, ему ещё геометрию и биологию надо выдать, — пояснила она для библиотечарши. Та кивнула и дополнила мою стопку ещё двумя учебниками — толстенной оранжевой «Геометрией 7–9» и ярко-жёлтой «Биологией 7–8».

— Бочкарёв! — продолжились крики.

Дело пошло, и уже через десять минут мы отправились обратно в класс. Там классная ещё напомнила о бережном отношении к учебникам и о том, что их надо подписать и обернуть. Прервал её только звонок.

Остальные два урока — русский и литература — проходили в том же кабинете, и обошлись без происшествий. Я сидел молча, Ольга Борисовна тоже меня игнорировала. На перемене между ними я пролистал учебник литературы, и поразился разбросу произведений, которые предстояло изучать: в один учебный год умудрились запихать всё — от народных песен и жития Сергия Радонежского до Твардовского и Шукшина. А по внеклассному чтению Ольга Борисовна задала «Два капитана». Покопавшись в памяти, я смог установить, что всё это я уже читал, но подробности уже позабылось.

После уроков я хотел переписать расписание на неделю, но перед стендом кучковались ученики. Вообще, как я заметил, в этой школе любили создавать толпу по любому поводу. Тогда я направился на третий этаж, в библиотеку. На лестнице меня догнала Савостикова.

— Белов, ты куда?

— В библиотеку. Чего тебе? — невежливо ответил я.

Но она не обиделась.

— Я с тобой. «Двух капитанов» хочу взять, пока не разобрали.

— Сегодня же и так тяжело тащить, — покосился я на её туго набитый рюкзак, — взяла бы завтра с утра. Она толстенная.

— Откуда ты знаешь? — проигнорировала она моё предложение.

— Читал, — пожал я плечами.

— Тогда зачем тебе она снова? Нам ведь месяц дали на прочтение.

— Мне она и не нужна, — мрачно сказал я. Вот ненавижу, когда за меня додумывают.

Савостикова растерялась. Видимо, память у неё, как у хлебushка — уже забыла, что повод для посещения библиотеки я не озвучивал.

А библиотека оказалась заперта, хотя, судя по табличке на двери, перерыв начинался только в 14 часов, а сейчас... Я вскинул руку с дурацкими электронными часами, Ваниным

наследством... сейчас только десять минут первого. Наверно, учебники всем раздали, а что найдутся умники типа меня, желающие посетить библиотеку в первый учебный день, библиотекарше и в голову не пришло.

Ладно, как бы мне не хотелось поскорее выяснить школьные правила, но придётся отложить до завтра. Или позанудничать, обратиться к завучу? Если толпа у расписания не рассосалась, так и сделаю, а если рассосалась, то перепишу уроки и хватит на сегодня событий — размышлял я, вновь спускаясь по лестнице.

Савостикова семенила рядом.

— Ваня, а ты отличник? — огорошила она меня вопросом.

— Нет, — уверенно ответил я. Ванины дневники с пятого класса, найденные в письменном столе, я изучил, пятёрки там были редки, за год так вовсе «джентельменский набор» — физкультура, музыка, изо, труды.

— А какой твой любимый предмет? — не отставала Савостикова.

— История, — неожиданно даже для себя ответил я, и вдруг понял, что это правда. Надо же. Надо бы свою прошлую профессию прощупать в этом направлении.

Савостикова спрашивала что-то ещё, но я уже не слушал.

— Слушай, — перебил я её, — а как тебя зовут?

— Вера, — она растеряно захлопала глазами.

— А ту, с которой я за партой сижу, как зовут?

— А, это Анжелика, фамилия — Олейник, прозвище — Маркиза. Жуткая воображала ни с кем не дружит, списывать не даёт, и вообще, всегда сама по себе, — вывалила она.

— А ты с кем дружишь?

— Я-то? А... я... Я со всеми! — сердито сверкнула она глазами.

— Понятно, — хмыкнул я.

Народу у стенда с расписанием стало поменьше, и я смог его переписать. Савостикова толкаться не стала, поджидая меня в сторонке у подоконника. Я подошёл к ней.

— Запишешь? Я продиктую, — помахивая листочком, великодушно предложил я.

— Расписание? Да я уже переписала, — отмахнулась она.

Вот же стерва, могла бы и мне дать, — злобно подумал я, запихивая бумажку в боковой карман сумки.

Раздражение надо было на кого-то выплеснуть.

— У нас в классе староста есть? — недовольно спросил я.

— Так я староста! С пятого класса, между прочим, — похвасталась эта идиотка, не заметив перемены моего настроения.

— Так что же ты так отстойно исполняешь свои обязанности, староста? — холодно и чеканно стал я высказывать претензии. — Узнала расписание, нет бы всему классу объявить, так зажала только для себя, а остальные пусть толкаются? И вообще, что-то я пропустил, кто тебя назначил старостой в этом году?

— Да я... Да я... — дрожащим голосом пролепетала Савостикова, и её глаза стали наполняться слезами, что меня несколько не впечатлило. Но внезапно она резко перестроилась, надменно откинув голову и тряхнув хвостом. — А вот потому и не объявила, что в этом году меня старостой никто не назначал! — с торжеством выпалила она.

Ну ладно, логично. Один — один. Я кивнул:

— Принято.

Савостикова торжествующе улыбнулась. Детский сад! Я посмотрел на неё с жалостью, и

дальше давить не стал. К чему ссоры?

Из школы мы вышли вместе. У ворот обнаружился Максим.

— О, Вань! А я тебя жду, хотел спросить, ты где живёшь, может, по дороге?

— Я-то? — недоуменно переспросил я. — На той стороне проспекта... Да я не домой, в канцтоварный зайти хочу, за обложками.

— Я с вами, — тут же заявила Савостикова.

Максим пожал плечами.

— Ну пойдёмте.

Я на компанию не рассчитывал, но возражать не стал. Этот Макс явно набивался ко мне в друзья, а я даже и не знал, надо ли мне это? Так что пока решил просто плыть по течению, посмотреть, что из этого получится.

Глава 8. Странный Макс

— Мы куда, в «Селену», что ли? — спросил Макс, когда я свернул.

Я кивнул.

— Не, пойдём лучше в Дом военной книги, там дешевле магазин.

— Да? А это где? — заинтересовался я.

— В ту сторону, — махнул рукой Макс.

— Ну мне всё равно, пойдёмте. Мы недавно переехали, — объяснил я, — ещё не знаю удачных мест.

Максу было приятно, он почувствовал себя экскурсоводом, поясняя, где какие магазины с хорошими ценами.

— Ты сам, что ли, за продуктами ходишь? — послушав его, спросил я. — Мы на «Динамо» мелким оптом закупаемся.

— А, у вас машина, да? — сразу скис тот, непонятно, почему.

— Ну да, а что? — не понял я причину его разочарования.

Савостикова тоже глянула озадачено, она всю дорогу молчала, слушая Макса. Тот вроде как замялся, но всё же ответил.

— Да у нас тоже была, да прошлой осенью отец в аварию попал, теперь ни машины, ни... — он махнул рукой.

— Насмерть, что ли? — переспросил я. Надо же, уже второй случай, о котором я слышу за день.

— Тьфу на тебя, нет, конечно! Ноги-руки переломал, и теперь долг теперь выплачивает за чужую тачку.

— А-а, — с облегчением протянул я, — страховки не было, да?

— Страховки? Ты что, из Америки? Нам страховки не по карману.

Я аж поперхнулся. Много чего можно было ему ответить, но я предпочёл помолчать, хотя прямо язык чесался высказаться.

— А сейчас он уже поправился? — спросила Савостикова.

— Ну как бы да, — промямлил Макс и отвернулся. Мы с Савостиковой недоуменно переглянулись. Она сделала страшные глаза, типа, чтобы я не продолжал тему, и перевела разговор:

— Белов, а у тебя братья-сёстры есть?

— Нет, а у тебя? — подхватил я.

— Брат младший, во втором классе.

— У нас, в «Высоте»? — из вежливости уточнил я.

— Да, но они в этом году во вторую смену учатся, да и корпус у началки отдельный.

— А у тебя, Макс? — тронул я его за рукав, потому что он так и шёл, отвернувшись.

— Что? — неохотно переспросил он, видимо, прослушал, о чём мы говорили.

— Братья-сёстры есть у тебя?

— Сестра старшая, Настька, но она взрослая уже, отдельно живёт, — неохотно ответил он, снова помрачнев.

Я остановился.

— В чём дело? — прямо спросил я, пытаюсь поймать его взгляд, он отводил глаза.

— Ни в чём. Мне домой надо, — неожиданно заявил он, развернулся и быстрым шагом пошёл в обратную сторону.

Мы с Савостиковой остались посреди тротуара.

— Странно, — протянула она.

Я пожал плечами.

— Ты у него дома была когда-нибудь? — зачем-то спросил я.

— Нет, мы и не общались раньше. Да он только в прошлом году к нам пришёл.

— Получается, прямо перед тем, как... — я недоговорил.

— Получается, да, — задумчиво повторила она. — Я и не знала. А у него ведь матери нет!

— Как — нет? Умерла, что ли?

— Не знаю. Я журнал же ношу, как староста. Ну и смотрю иногда. Там на последних страницах всякая информация — адреса, телефоны, место работы родителей. Так у него только отец вписан.

— Он не похож на нуждающегося. Странно — матери нет, отец после аварии...

— Пособия? — неуверенно предположила Савостикова.

— Не смешно! Сестра, может? Ладно! — встрепенулся я. — Чего мы тут встали, пойдём давай. Ну нафиг эту военную книгу, давай в «Селену» всё же.

И мы пошли обратно. Раскрутить, что ли, Макса на откровенность? Оно мне надо? У каждого могут быть свои заморочки. Чем я ему помогу? Да и не просил он о помощи... Вот только, когда он уходил, мне показалось, что он сдерживается, чтобы не разреветься. Показалось?

Мы молча дошли до магазина, думая каждый о своём, вяло купили обложки. Оказалось, Вера Савостикова живёт прямо на проспекте, так что вышло, что я её прямо до дома проводил.

Родители были на работе, так что обедал я в одиночестве.

У себя в комнате я сел за письменный стол и выгрузил все учебники. Подписал в библиотечном штампе, с удовольствием выводя «Белов Иван 1996/97». Видеть написанным своё имя оказалось неожиданно приятно (я вспомнил своего любимого «Волкодава»), так что заодно подписал и все тетрадки. Почти все они были, кроме русского и алгебры, были в картонных обложках, так что их оборачивать было необязательно.

С бумажки, которую смял в сердцах, переписал расписание на отдельный листочек, чтобы сунуть его под оргстекло на столе, и только тут как следует вчитался в него. И просто обалдел — по семь уроков каждый день! Каждый день! По семь уроков! Это вообще законно? Причём физкультура только один раз в неделю, как раз завтра.

Хотя по субботам мы не учились. Хм, и что лучше — учиться пять дней побольше, или шесть поменьше? Даже сразу и не сообразишь.

Я переписал расписание в дневник, стараясь делать почерк как можно круглее, чтоб было понятнее. Выполнил единственный урок на завтра — русский. Все эти дела мне ужасно нравились: нравились канцтовары, нравилось раскладывать тетрадки и писать от руки. Надолго ли?

Я лёг на кровать, закинув ноги на стенку, и, мацая эспандеры, стал думать про Макса.

Мы знакомы меньше суток. Дурацкая бронзовая птица. В гомоне библиотеки «Весел же!». Добродушный толстяк, ищущий приключений. Автомобили и сестра — нежелательные темы. Или про сестру мне показалось? Ладно, завтра в журнале посмотрю его адрес, может,

и пригодится.

Глава 9. Первый учебный день

Вечером, за ужином, я рассказывал как прошло "первое сентября", за исключением, конечно, бронзовой птицы.

— А потом она мне сказала, что её родители разбились в автомобильной аварии этим летом. Это же ужасно, что классная хотела заставить её рассказывать о себе, да ведь? У меня даже сложилось впечатление, что она не знала о её семейных обстоятельствах, но такого ведь не может быть, как ты считаешь, мам?

Мама смотрит испугано.

— Я даже не знаю... Бедная девочка! Постарайся с ней подружиться, может, это её как-то поддержит.

Отец кивает.

Блин! Я рассчитывал совсем не на это! Я думал подтолкнуть маму к тому, чтобы поделиться этой историей со своей подругой Рогачёвой, чтобы та уже накрутила хвост нашей классной.

Я делаю жалобные глаза.

— Вы уж ездите поаккуратнее, от такого никто *не застрахован*, — я делаю упор на последних словах.

Мама готова прослезиться, отец подозрительно закашлялся.

— Ну вот, а по внеклассному чтению нам задали «Двух капитанов». У нас есть?

— Да, была, наверно, в коробках всё ещё. Хорошая книга, поучительная, — сказал отец. Вот зануда, лишь бы поучать.

— А потом мы со старостой, Верой Савостиковой, зашли купить обложки на учебники, ну и всё. Кстати, мам, можно мне денег, я хочу купить витамины, и какое-нибудь средство от прыщей.

Родители как-то многозначительно переглянулись. Так, зря я упомянул прыщи сразу после Веры, они решили, что я хочу ей понравиться. Ладно, не буду оправдываться, ещё хуже будет.

— Или лучше, может быть, вы будете давать какую-то сумму раз в неделю?

— И сколько бы ты хотел? — нахмурился отец.

— Ну... тысяч десять, а лучше двадцать.

— А что не тридцать, — начал закипать отец.

— Тридцать было бы чудесно. Тогда и на парикмахерскую хватит. Значит, договорились? — я поднялся из-за стола, а мама успокаивающе положила руку на отцовский локоть, а то что-то он стал пыхтеть и наливать нездоровой краснотой. Я быстро выскочил из кухни.

А наутро — я как раз делал зарядку — мама заглянула ко мне в комнату и быстро сунула свёрнутые рулетиком купюры. Понятно, в тайне от отца. Что ж, пока так.

Перекусив бутербродами, я быстро собрался, благо, всё приготовил с вечера, в том числе пакет с физкультурной формой, и отправился в школу. Первым уроком была география. Соседка Анжелика мой «привет» проигнорировала, как и вчера. Видимо, у нас начала складываться традиция. Класс географии, в отличие от литературного, был обычным, с тремя рядами двухместных парт, и где моё место я сумел определить только по Анжелике,

сидящей у окна на предпоследней парте первого ряда. А вот новенькая Арина растерялась: стоя у доски, она шарила глазами по новым одноклассникам, видимо, не находя своего соседа. Её растерянность заметила вошедшая Савостикова. Сегодня Вера сменила причёску с конского хвоста на низкий пучок, что пошло ей на пользу — лицо хоть и не перестало быть по-лисий остроносым, но смотрелось гораздо приятнее. Я услышал, как она сказала новенькой:

— Можешь сесть со мной.

Арина с облегчением пошла за ней, и они устроились за партой во втором ряду, как раз через проход от меня — Арина поближе, на первом варианте, Вера подальше, на втором.

Со звонком в класс вошла седенькая старушка в букольниках, а следом, чуть не сбив её с ног, ввалился Макс.

— Извините, Марьвасильна! — крикнул он, и ничуть не сомневаясь в её прощении, кинулся по проходу, крутя головой в поисках места. Свободными оставались только задние парты, и он кинул рюкзак за Савостиковой и Ариной.

Марьвасильна кротко вздохнула, и взобравшись на постамент с учительским столом стала рассказывать, как заполнять дневник погоды, который мы должны будем вести весь учебный год, включая каникулы. Данные о температуре, влажности и направлении ветра предполагалось ежедневно брать из прогноза по радио в шесть утра, заносить в соответствующие графы дневника, а в конце месяца строить графики и розу ветров.

Я слушал с интересом, перечерчивая в тетрадь образец таблицы, но по классу покотился недовольный гул.

— А у меня нет радио!

— А я в шесть ещё сплю!

— Мы что, метеорологи?

— Да они говорят одно, а потом совсем другая температура бывает!

Учительница резко хлопнула указкой по столу, и все разом заткнулись.

— Каждый месяц дневники погоды сдаются на проверку. Можете не вести, но кто не сдаёт — получает заслуженную двойку. Учитывайте при расчёте своих четвертных оценок, чем будете их закрывать, какими дополнительными сообщениями. Вот и всё!

— У-у-у... — прокатилось по классу, но возражения прекратились.

— Марьвасильна добрая, — сказала Савостикова Арине, — двойку закрыть всегда можно.

В конце урока была переключка с отмечанием отсутствующих, я старался запомнить как можно больше фамилий, между прочим узнав и фамилию Арины — Звягинцева.

— Староста, возьмите журнал, — завершила урок географичка.

Савостикова встала.

— В этом году староста ещё не назначен. — Все удивлённо оглянулись на неё. — Но пока я могу поносить журнал.

— Будь уж так любезна, Верочка, — кивнула ей учительница.

Из кабинета я выходил следом за Савостиковой и Ариной, не специально, просто так получилось. Макс догнал нас и дёрнул меня за рукав, Арину за сумку:

— Как вам географичка?

— Чудесная бабулька, — ответил я, мне она правда понравилась. Арина в подтверждение кивнула.

— Все они чудесные... Вот попросыпаетесь в шесть утра, пересмотрите своё мнение, — фыркнул он.

— Прогноз же не один раз в день передают, — пожал я плечами.

— Так он же меняется потом, — посмотрел на меня как на дурачка Макс. — В шесть утра одно передают, в восемь — уже другое.

— Правда, что ли? — растерялся я. Как же сложно без интернета.

Савостикова заявила:

— А я всё равно в шесть встаю, с собакой гуляю.

— Так, я с тобой дружу! — тут же застолбился Макс. — Мне в шесть ни за что не проснуться, а вот графики построить — раз плюнуть, если данные будут.

— Ещё чего! — гордо вскинула голову вредная Верка, искоса глянув на меня — не попрошу ли я тоже. Но я промолчал, поскольку ещё не определил своего к ним отношения, а заранее одалживаться не хотелось. Подумаешь, в шесть утра встать, больше времени на зарядку будет. Всё рано я планировал скоро ещё и отжимания добавить. И подтягивания, если будет, на чём.

— А у тебя, случайно, собаки нет? — переключился тогда Макс на Арину.

— Собаки? Нет, у бабушки только кошка, она собак вообще не выносит, — вздохнула Арина. — А мне хотелось бы.

До чего же она милая и вся такая несчастная, просто оленёнок Бэмби — обнять и плакать. Остальные, наверно, почувствовали то же самое, потому что Макс сочувственно засопел, забыв про свой корыстный интерес к собакам, а Вера спросила:

— Хочешь, я тебя со своим Ричем познакомлю?

— Конечно! — Арина просияла, и они заворковали про породы.

Макс отвернулся и заторопился вперёд, видимо, чтобы я не заговорил о вчерашнем. Да я и не собирался, вообще-то. Так что вместе с девчонками мы спустились на первый этаж, именно там был кабинет МХК, и выглядел он тоже необычно — парты стояли как бы квадратным амфитеатром, то есть первые — просто на полу, потом была очень широкая ступенька, на которой расположились вторые парты, потом ещё выше ступенька для третьих парт, и так далее. Стоя на последней, пятой, можно было, наверно, вытянутой рукой дотянуться до потолка. Очень необычно. Мы с Ариной переглянулись, она тоже впечатлилась.

Расселись как на прошлом уроке. Учебников по МХК не выдавали, так что я достал только тетрадь и ручку. Учительницей оказалась экзальтированная женщина средних лет, то и дело кутающаяся в огромную шаль, кисти которой мели пол. Звали её Галина Олеговна. Из вступительной речи я понял, что этот учебный год будет полностью посвящён эпохе Возрождения, и оказалось, меня это устраивало, я смог вспомнить много работ перечисляемых ею авторов, так что проблем с этим предметом не предвиделось.

Зато, как я и предвидел, слышались шуточки с места про черепашек-ниндзя, как тут их не вспомнить, если слышишь одновременно про Леонардо, Микеланджело и Рафаэля (Донателло не был учительницей упомянут). Заводилой, как и на прошлом уроке, был чернявый пацан, Саша Карпов. Видимо, местный «клоун», в каждом классе такие есть. Училка, как и ожидалось, отреагировала нервно — хотя смеялись все, вызвала именно его, и стала валить по программе прошлых лет, от античности до средневекового Китая. И хотя отвечал он вполне сносно, мстительно поставила ему два, вызвав недовольный ропот класса — видимо, Карпова одноклассники любили, а не просто развлекались за его счёт. Открыто

выступил, впрочем, только Макс:

— Несправедливо, Галина Олеговна, — встав с места, громко сказал он. — Нас не предупреждали об опросе по прошлым темам!

— Несправедливо? — взвизгнула училка. — А великих мастеров прошлого оскорблять — справедливо, а, Бочкарёв?

— Он никого не оскорблял, а если и так, двойка должна быть по поведению, а не по предмету.

— Спасибо, что напомнил. По поведению тебе, Карпов, тоже два.

И под звук звонка она торжествующе захлопнула журнал. Макс замер с открытым ртом.

— Ну, Бочкарёв... — зло прищурившись, протянул Карпов.

— Я как лучше хотел, — промямлил тот.

— А получилось, как всегда! — криво улыбнувшись, Карпов закинул сумку на плечо и пошёл к выходу. Поняв, что стычки не будет, за ним потянулись остальные.

— Придурки, — тихо пробормотала моя соседка Анжелика, а я даже вздрогнул, это было первое слово, услышанное от неё. Я кивнул, соглашаясь, и поспешил за остальными в другое крыло — сейчас сдвоенная физкультура, а перемена только десять минут, надо успеть переодеться.

В раздевалке Макса не было, я быстро переоделся с остальными и пошёл в зал, но физрук объявил, что урок будет на улице, в зале только построение. Он начал менять нас местами — за лето многие выросли. Я оказался вторым по росту, сразу за высоким Карповым, а среди девчонок первой ожидаемо стала Савостикова. Тут и Макс заявился, а то я уже решил, что у него освобождение.

Мы прошли через уже знакомую мне дверь на улицу, в школьную хоккейную «коробку». После разминки, ради первого занятия были просто эстафеты, весело, я даже увлёкся. Потом заминка, и нас отпустили пораньше, вторая из физкультур едва перевалила за середину, причём физрук пообещал, что будет так отпускать всегда, чтобы мы успели охолонуть к следующему уроку, так как у нас самое неудобное время — третий-четвёртый уроки.

Макс опять куда-то делся, так что переодевшись, я решил, что успею в библиотеку за Уставом школы, который так и не смог взять вчера. Впрочем, оказалось, что его в библиотеке и нет, сильно удивившись, зачем он мне нужен, библиотекарьша посоветовала обратиться в школьную канцелярию, хотя посомневалась, что мне его вообще дадут.

— Пусть попробуют рискнуть, — усмехнулся я. Она проводила меня задумчивым взглядом, и я мысленно выругался, обещал ведь себе вливаться потихоньку, не привлекая внимания, особенно взрослых. Пожалуй, качание прав стоит отложить до лучших времён, а пока наработывать репутацию. Недовольный собой, я поплёлся на биологию.

Уроки закончились почти в час дня, и есть хотелось зверски. И это при том, что седьмой урок (английский) отменили. Когда будет по семь, наверно, на стенку лезть буду. От голода. Большой перемены не предусмотрено, а за десять минут очередь в буфет явно не одолеть. Это мне Макс рассказал, поделившись со мной булкой, добытой после физкультуры.

— Буду брать бутерброды, — вслух прикинул я.

Макс вытаращился.

— И будешь, как лох, за партой есть?

— Почему «как лох»? — не понял я.

— Только лохи и бивни всякие из дома еду приносят, — как само собой разумеющееся сказал он. Кто такие «бивни» я не понял, но масштаб проблемы осознал.

— И что делать?

— Для восьмых классов третья перемена обеденная. Льготники, сироты там всякие бесплатно едят. Только это по-лошарски. Над ними все ржут. И в буфете в эту перемену только восьмые должны быть.

— Кто ржёт? — решил уточнить я. Школьники тут были довольно дружелюбными, и это казалось мне подозрительным, но теперь стало нормально.

— Да все! Это... ну... по-лоховски это, и всё. А у вас не так было?

— У нас большая перемена была, — соврал я. Может, и не так, откуда мне знать.

Значит, надо просто завтракать плотнее, сделал вывод я, и после школы обедать обязательно, а то желудок испортить — раз плюнуть.

За разговором мы вышли на школьное крыльцо, и я довольно потянулся — погода стояла замечательная, солнышко, птички щебечут, рябины вокруг школы пламенеют, цветы на большой круглой клумбе перед входом колышутся от ветерка. Жить, как говорится, хорошо!

— Ой, — вдруг вспомнил я, — мне вернуться надо, я пакет с формой в раздевалке забыл. Так что пока!

— Да я подожду, вместе пойдём, — ответил он, и я устремился в школу, а когда вернулся с пакетом, у крыльца вместе с Максом стояли Савостикова и Арина.

— Мы с Ариной, оказывается, в одном доме живём, и в одном подъезде, — радостно объявила мне Савостикова. — Тебя вот ждём, нам же по дороге.

— Весьма польщён, — буркнул я. Что же мне теперь, её каждый день провожать, что ли! Прозвучало невежливо, и я быстро обратился к Максиму. — А ты где живёшь?

— На Правде, дом восемь. Но я с вами, мне в ремонте обуви надо ботинки забрать.

— Ой, да, имей в виду, Ваня, там в будке у вашего дома лучшая мастерская в районе, — подхватила Савостикова. — Делают, правда, небыстро, но оно того стоит.

Блин, вот почему так — она говорит, в общем-то безобидные и даже полезные вещи, а мне ей в ответ нахамить охота... И Максиму, похоже, тоже, судя по тому, как он кривится. Но я сдержался, и даже заставил себя сказать как можно мягче:

— Спасибо, Вера, пригодится на будущее.

Савостикова даже зарделась от удовольствия, вот дурында. Я изо всех сил придавил недовольство, она просто хочет быть полезной, и, видимо, отчаянно нуждается в друзьях. Как и Макс, наверно.

— Я так рада, что с вами познакомилась, — говорила между тем Арина, — и что с Верой буду сидеть. Мой прежний класс был совсем не дружный, каждый сам за себя, и школа у вас такая необычная, всё новенькое, везде ремонт хороший. Это редкость сейчас.

— Это точно, — поддакнул Макс, — на образование совсем копейки выделяются. Но мы за счёт спонсоров выезжаем, директриса умеет как-то находить, вертится изо всех сил.

— Орлов в подарок получает, — фыркнул я.

— Каких орлов? — была не в курсе вчерашнего Арина.

Савостикова с Максом, смеясь, стали наперебой пересказывать вчерашнее происшествие, Арина восторженно ахала. Я снисходительно улыбался, слушая их, чувствуя себя старым и мудрым. А хорошие они, всё же, ребята.

В поземном переходе пришлось замолчать — слишком уж там было шумно, а когда

выбрались наружу, Арина неожиданно сказала:

— А давайте сейчас ко мне зайдём. Я вас с бабушкой познакомлю, чтобы... ну...

— Чтобы она посмотрела на нас, и убедилась, что мы подходящее знакомство? — подхватил Макс.

— Ну что-то вроде того... — пробормотала Арина, смущённо теребя ремешок своей рыжей сумки с учебниками.

— Не, — отказался я, — очень есть хочется. Да и сразу такой толпой заваливаться как-то не комильфо.

Никто не переспросил, что такое «комильфо», а Арина принялась уговаривать:

— У нас целая кастрюля борща сварена. Да и какая толпа, всего-то три человека!

— Я иду, а вы как хотите, — заявила Савостикова.

— Может тоже зайдём, Вань? — неуверенно покосился на меня Макс.

— Ну... — заколебался я. Честно говоря, было интересно посмотреть, как живут местные. — А это точно удобно? Без предупреждения?

— Да конечно, удобно, — засмеялась Арина. — Какое там предупреждение, просто одноклассники зашли.

И мы отправились к Арине.

Глава 10. В гостях у аборигенов

Её бабушка, Маргарита Николаевна, оказалась довольно бодрой пожилой женщиной с крашеными в ярко-рыжий цвет волосами и громким, каким-то театральным голосом. Наверно, из-за этого у меня возникло чувство, будто я участвую в спектакле. Обстановка тоже располагала — поскольку дом был «сталинкой», квартира была огромная, и соответственно обставленная — вешалка из оленьих рогов в прихожей, шторы с бомбошками окаймляли дверные проёмы, круглый стол в гостиной под абажуром с бахромой. Очень атмосферная квартирка.

— Как в музее, — шепнул мне Макс, когда девчонки засновали в кухню и обратно, накрывая этот самый стол к обеду. Нас, как мужчин, от этой обязанности освободили, мы пошли мыть руки. Ванная комната вот была убогой, наверно, не отремонтированной с момента постройки дома.

За столом основное внимание Маргариты Николаевны досталось Савостиковой и Максиму, как старожилкам школы. Арину бабушку интересовало буквально всё — учителя, еда в столовой, наполнение библиотеки и оснащение спортзала. Верка чувствовала себя свободно и тарыхтела за двоих, мне тоже было вполне комфортно в обществе хозяйки, а вот Макс жутко смущался, когда она к нему обращалась, краснел, пыхтел, и было видно, что еда ему не лезет в рот.

Он ощутимо вздохнул с облегчением, когда Арина увела нас в свою комнату. Тут от сталинского ампира не было и следа, а обстановка напоминала мою, только в девичьем варианте — подушечки, мягкие игрушки на кровати, плакат с какой-то слащавой мальчишеской группой на стене. «Ха-Ха» — гласила надпись на нём, но мне название ни о чём не говорило, хотя многих уже слышанных тут исполнителей я «узнавал» — Газманова, например, или там Меладзе.

Я с любопытством оглядывался, заметив на полке показавшиеся мне знакомыми книги из серии «Детский детектив», наверно, я их читал когда-то. Я вытащил одну — Энид Блайтон, «Тайна пропавшего ожерелья». Точно читал, это про Тайноискателей. Бочкарёв сразу устремился к стойке с кассетами и начал их перебирать, девчонки уселись на кровать. Повисло молчание.

Я понятия не имел, что теперь положено делать, в принципе, я удовлетворил своё любопытство, вкусно поел, и хотел бы уже уйти, но было как-то неловко, тем более, Арина как раз сказала:

— У меня такое чувство, как будто мы дружим уже сто лет!

У меня такого чувства вовсе не было, и вообще, разве мы дружим? А ещё вроде в этом возрасте девочки дружат только с девочками, а мальчики с мальчиками, нет?

Но Савостикова в ответ на такое заявление радостно заулыбалась, а Макс почему-то покраснел.

— Может, что-нибудь из уроков сделаем? Устное? — предложила Савостикова.

— Давайте, — подхватила Арина. — Вместе веселее!

Я взглянул на Макса, думая, что он откажется, и будет повод уйти, но он пожал плечами:

— Из устного только литру пока задали.

Арина сбегала в прихожую, где мы оставили сумки, и вернулась с учебником.

Устроилась поудобнее на кровати, и стала вслух читать параграф про устное народное творчество. Макс уселся на стул перед письменным столом, я на второй стул, Савостикова так и сидела на кровати, привалившись спиной к боковине шкафа.

Вроде всем было нормально, но я чувствовал себя глупо.

Арина читала увлечённо, выразительно, и я невольно заслушался. Макс тоже, а я думал, он начнёт прерывать какими-то шуточками. К концу Савостикова всё беспокойнее поглядывала на настенные часы. Едва Арина закончила, она сказала:

— Мне пора, надо с Ричем погулять, мы в три часа всегда ходим.

Арина с сожалением кивнула.

— А ты же хотела с ним познакомиться, может, вместе зайдём ко мне?

— Давай, а то жаль расставаться, — обрадовалась она. — Ой, мне, наверно, переодеться надо?

Мы вышли в прихожую, и пока обувались, она молниеносно переделалась в джинсы и футболку. Я перехватил восхищённый взгляд Бочкарёва, но тут попрощаться вышла Маргарита Николаевна.

— Я так рада, что у Арины появился круг общения из ровесников. Заходите непременно, я буду рада пообщаться с молодёжью.

— Спасибо за обед, — ещё раз поблагодарил я, и Макс судорожно закивал, как китайский болванчик. — До свиданья!

— До свидания!

— Ты выше или ниже живёшь? — спросил я Савостикову уже на площадке.

— Выше, на пятом, только у нас четырёхкомнатная. Вы идите на улицу, а я Рича возьму и спущусь, — и она понеслась вверх по ступеням.

Мы не стали вызывать лифт, и тоже пошли по лестнице.

— На собачью прогулку я не пойду, — сказал я, когда мы вышли из полутёмного предбанника подъезда на солнечный свет. — Ты тоже домой, Макс?

— Да не знаю... — неуверенно начал он, но прервался, так как позади нас, за уже захлопнувшейся дверью подъезда, послышался какой-то шум и вроде как приглушённые крики.

— Что это? — вздрогнула Арина.

— Рич? — предположил я, хотя было понятно, что Савостикова не смогла бы догнать нас так быстро. Ей ведь, поди, тоже переодеться надо.

Макс со всей силы дёрнул дверь, но она не открылась — ведь на ней был установлен домофон.

— Ключ есть? — хором спросили мы Арину.

— Не помню... — она уже и без того шарила по карманам джинсовой курточки. Через несколько секунд судорожных поисков наконец извлекла связку ключей, и почему-то протянула её мне, вместо того, чтобы просто открыть дверь. Крики в подъезде с некоторыми перерывами продолжались всё это время.

Я приложил таблетку ключика к домофону, и распахнул дверь.

— Скорее! Скорее! Валим! — слышали мы.

Уличный свет из-за моей спины осветил короткую лестницу к площадке первого этажа, где что-то происходило, метались какие-то люди. Один из них вдруг срочно решил покинуть подъезд, и попёр прямо на меня, я еле успел убраться с его дороги, вильнув в закуток тамбура. Макс, стоявший прямо за мной, даже шага назад не успел сделать, и выходящий

пихнул его обратно на улицу. Пискнула Арина, но её заглушил топот позади меня — второй мужик догонял первого, промчавшись мимо меня и сбив с ног несчастного Макса.

Я развернулся посмотреть, не спешит ли ещё кто на выход, но больше никого не было, только на этаже лежала непонятная куча.

Раз так, я вышел проверить Макса. Этих мужиков во дворе уже не было видно. Макс невнятно ругался, отряхиваясь, но не так уж и сильно он пострадал — крыльцо состояло всего из одной ступеньки, с которой он и свалился. И вообще, он довольно упитанный, должен был самортизировать при падении. Меня больше интересовала куча в подъезде.

— Там что-то непонятное появилось, — сообщил я Арине, возвращаясь обратно. Дверь я придерживал, и она не захлопнулась.

Переход со света в темноту снова на мгновение дезориентировал меня, я поморгал, привыкая, и поднялся по ступенькам. Макс с Ариной зашли тоже, дверь захлопнулась за ними.

В сумраке подъезда лежал и копошился человек, полузавёрнутый в простыню. Вся площадка вокруг была усеяна стодолларовыми банкнотами.

Глава 11. Человек с портфелем

— Ой, что это? — дрожащим шёпотом спросила Арина, а Макс нервно хохотнул. Я недовольно глянул на него — ещё истерики тут не хватало!

На лестнице послышались шаги спускающегося человека. Через мгновение появилась Савостикова с кокер-спаниелем на поводке. Мне сразу стало спокойнее, и почему-то захотелось заржать — тоже нервное, наверно.

— Что здесь происходит? — очень громко спросила она.

— Ну-у-у... — протянул я, не зная, с чего начать объяснения.

Человек в простыне застонал, Савостикова бросилась к нему:

— Виктор Николаевич! Что с вами? — она стала помогать ему выпутываться.

— Ты его знаешь? — настороженно спросил Макс.

— Ну да, — она оглянулась через плечо, — это наш сосед напротив. Рич, сидеть! Что случилось-то? Откуда простыня?

— Верочка? Это ты? — невнятно прохрипел мужчина, вглядываясь в Савостикову.

— Да, да, Виктор Николаевич. Где ваши очки? Откуда деньги?

— Деньги? — тупо повторил он, и внезапно завопил. — Деньги! Мои деньги!

Макс дёрнулся. Арина попятилась. Я с любопытством наблюдал, что будет дальше.

— Что вы стоите? — завопила и Савостикова тоже. — Помогите человеку! Вон его очки, поднимите! — кивнула она за лифт.

Я, не церемонясь, прямо по купюрам прошлёпал вперёд и заглянул в тёмный закуток за лифтом. Действительно, очки валяются. Я поднял их и протянул мужчине, который наконец-то смог выпутать руки и сесть, привалившись к какой-то обшарпанной двери, вряд ли квартирной, скорее, какого-нибудь подсобного помещения. Он схватил очки и водрузил на нос. Руки у него дрожали.

— Что случилось? — тормозила его неугомонная Савостикова.

Но он наконец разглядел валявшиеся стодолларовые банкноты, и с невнятными восклицаниями принялся хватать те, до которых мог дотянуться, но ему мешали спутанные простыней ноги. И Савостикова, конечно, тоже.

— Это ваши деньги? Виктор Николаевич, ЭТО ВАШИ ДЕНЬГИ? — прямо ему в ухорала она.

— Да, Вера, это мои деньги. Не нужно так кричать, — хватаясь за оглушенное ухо, наконец ответил он. — Помоги собрать. На меня напали.

— Напали? Кто? — она как-то нехорошо посмотрела на меня. Я пожал плечами.

— Не знаю, Верочка, я вышел из лифта, и мне на голову накинули вот это, — он потянул край простыни. — Стали толкать, что-то кричали, я ничего не понимаю...

Рассказывая, он суетливо собирал купюры, Савостикова тоже. Арина с Максом переглянулись, и присоединились. Я тоже нехотя присел на корточки. Рич послушно сидел на ступеньке, как велела хозяйка.

— А где у вас лежали деньги? — спросил я.

Он недоуменно вскинул на меня глаза.

— Что значит где? А вы кто? — он огляделся, и, кажется, только сейчас заметил, что кроме Савостиковой тут ещё кто-то есть.

— Мы Верины одноклассники, — быстро сказал я, и пока он не задал следующий вопрос, повторил свой:

— Так где у вас деньги были? В кармане?

О, это был хитрый вопрос! Купюры были разбросаны по всей площадке, и из кармана, да ещё из-под простыни, они бы так далеко не разлетелись.

— Нет, они были в портфеле. А какая, собственно, разница?

— Действительно, — злобно процедила Савостикова, волком глядя на меня. Я не обратил внимания.

— И где этот портфель? — продолжил выяснять я.

— Портфель? Где? — растерянно переспросил он и завопил, вставая на колени, потряхнул несчастную простыню, и оказалось, что портфель был под ней, он, получается, прямо на нём и валялся, спелёнатый.

— Вот он! Мой портфель! — Явно обрадовался мужчина.

— Так вы проверьте, может ваши деньги на месте, в портфеле?

— А... как же... а эти чьи тогда... — растеряно захолопал он на меня глазами поверх очков.

Савостикова фыркнула. Макс с Ариной растерянно замерли с деньгами в руках. Мужчина озабоченно полез в портфель, подрагивающими руками еле попадая по пряжкам. Все, включая Рича, уставились на него, но краем глаза я уловил движение: Макс потихоньку засунул купюру себе в носок. И может, даже не одну.

— Нет, нету тут никаких денег, — порывшись во всех отделениях, мужчина доверчиво протянул портфель мне. Ну, я взял, и проверил тоже. Раз дают. Видно, же, что этот Виктор Николаевич полный лопух — трёх человек и собаку у себя под носом не заметил, может, и пачку денег тоже пропустил. Не в себе человек, мало ли.

Но денег в портфеле действительно не было.

Савостикова снова фыркнула.

— Будь здорова! — сказал я ей, возвращая портфель владельцу. Она гневно сверкнула глазами. Макс подавил смешок, и даже Арина улыбнулась.

— Я опаздываю! У меня важная встреча, — захохотал Виктор Николаевич, как попал засовывая собранные деньги в портфель, даже не пересчитав. Повезло Бочкареву. Возможно.

— Как же вы пойдёте? Вы весь в пыли! Вам надо вернуться домой, переодеться. И позвонить, что задержитесь на вашу важную встречу, — раскомандавалась Савостикова.

— Ох, да, ты права, Верочка, — хлопая себя по костюму свободной от портфеля рукой в попытках смахнуть пыль, огорчился Виктор Николаевич. — Ну ничего, зато деньги целы.

И он нажал кнопку вызова лифта.

Я взглянул на часы. 15:13. Всего-то? Мне казалось, прошло гораздо больше времени.

Как только двери лифта закрылись за бедолагой, Рич стартанул к уличной двери. Я устремился за ним. Этот подъезд мне осточертел!

Глава 12. Что это было и что делать?

После сумрачного гулкового подъезда даже тихий двор оглушал. Я медленно моргал, как не вовремя разбуженная сова, остальные, похоже, тоже испытывали нечто подобное. Кроме Рича, тот сразу бросился к ближайшим кустам, задрал лапу. Мы медленно двинулись за ним вдоль дома.

— Почему он не вызвал милицию? — тихо спросила Арина.

— Наверно, потому что ничего не пропало? — предположила Савостикова.

— Но ведь было нападение! Напали на него, могут ведь и на других...

— А он даже не заикнулся, — поддержал Арину Макс.

— Но он даже не видел нападавших, что ему сказать милиции? — начала спорить Савостикова.

— Вообще-то *мы* их видели! Мог бы и спросить, — с некоторой обидой высказался Макс.

Савостикова резко остановилась.

— Вы видели?! — вскричала она. — Так чего же вы молчали?!

— Так ты трындела за всех, — Макс довольно похоже передразнил, — «Виктор Николаевич, что случилось? Ах, ваши очки! Ах, ваши деньги! Ах, ваш портфель!».

— Про портфель я не трындела, — запальчиво перебила она. — Это Белов с дурацкими вопросами полез. И вообще, вы что, стояли и смотрели, как бедного Виктора Николаевича грабят?

— Мы не стояли! — запротестовала Арина.

— Ничего он не бедный, очень даже богатый, — запротестовал Макс.

— Рассказывайте! — потребовала она, двинувшись дальше. Мы удалялись от Ленинградского проспекта, там впереди, я знал, было что-то типа сквера, где выгуливали собак.

Перебивая и дополняя друг друга, Макс с Ариной рассказали, как мы вышли из подъезда, услышали крики внутри, открыли дверь...

— А там темнота, со свету ничего не видно! — И тут он выскочил прямо на меня! — И прямо вытолкнул его на улицу, представляешь? — А я опять вовнутрь! — А тут второй как понесётся, и снова на Максима! — И я грохнулся с крыльца, да?! — А он бежать! — А тут Ваня выходит и говорит!..

— Так, стоп! — вскинула руку Савостикова. — Белов что, в подъезде остался?

Она так подозрительно взглянула на меня, что я развеселился. Она меня что, сообщником нападавших считает?

— Да нет же! — горячо воскликнула Арина. — Я же говорю, мы вышли вместе! А потом Иван первым обратно зашёл, а мы за ним!

— А бандиты нам не дали войти! И потом он вышел, уже после них, и говорит...

— Значит, ему дали войти, а вам не дали? И вышел после них? — многозначительно протянула Савостикова, с прищуром глядя на меня. Я улыбнулся ей как можно лучезарнее. — А у него самого языка что, нет? Почему он молчит? — почему-то в третьем лице спросила она меня обо мне.

Улыбку с лица Арины как будто пипидастром смахнули. Да и Бочкарёв вытаращился на

неё:

— Да ты что, Верка? — и обернулся ко мне, — Скажи ей, как было!

— Ну... — я почесал в затылке и огляделся. Мы стояли посреди тротуара, до сквера было всего ничего. Бедный Рич, такими темпами мы нес скоро доберёмся. — Дай собачке погулять, — кивнул я на сквер. Свободных скамеек в пределах видимости не было, поэтому мы встали просто на дорожке в тенике, Савостикова спустила пса с поводка, и теперь рассказ начал я.

— Короче. Когда ты смотрела на часы и говорила, что тебе пора, было без десяти три. (Очередное фырканье я проигнорировал). То, сё, переодевание, прощание — минут семь. То есть без трёх три. Ты наверх, мы вниз. Лифт гудел, поэтому пешком. Наверно, как раз Виктор на пятый его вызвал. Встретила его на своей площадке?

Теперь глаза тарасила уже Савостикова. Подумала, отрицательно помотала головой.

— Значит, как раз в лифт сел, и поехал вниз. На лестнице никого. Мы — на улицу. Дверь захлопывается плавно — секунды две. И сразу крики. То есть, они или прятались за лифтом, или вышли из двери на первом этаже. Что за дверь там? Не квартира ведь?

— Это запасной выход из магазина, — растеряно ответила Савостикова. — На первом этаже квартир нет.

Я кивнул.

— Мы прислушиваемся, дёргаем дверь, Арина ищет ключи — не больше минуты. Я захожу по темноте сразу до лестницы, Макс с Ариной пока в дверях подъезда. На площадке кишат, бегают, мне показалось, много людей. Они сразу свет из двери должны были увидеть, — тут я задумался, припоминая. — Кричали «Скорее! Быстрее!». Один быстро по лесенке на выход прямо тараном, я еле успеваю вбок отойти. Макс с Ариной снова на улице. Потом второй за ним, но когда первый уже вышел. Куда пошёл, видели? — смотрю на Арину.

— Первый не свернул, прямо пошёл... Да я и не смотрела... А второй Макса пихнул, не знаю, может в другую сторону вообще...

— Так. Первый в синей джинсовой куртке и футболке, в тёмных штанах, бейсболка, в руках ничего не было. Ещё что вспомните?

Похоже, мои короткие фразы и хронометраж заставили их отвлечься от эмоцио и перейти к рацио.

— Потом пахло от него, — сморщила носик Арина.

— Ремень у него с пряжкой такой приметной, в виде орла, — вспомнил Макс.

Неплохо. Я подождал ещё, но они покачали головами — ничего больше не вспоминалось.

— Второй... Что-то тёмное, с длинным рукавом, без куртки. Глаза карие.

И вопросительно на Арину смотрю. Она покачала головой.

— Часы! Часы у него в золотом корпусе, а циферблат чёрный! — возбуждённо говорит тут Макс. — Он меня кулаком двинул, я запомнил.

— Хм, — что-то странное, чую. —левой двинул, или часы на правой были?

— Эээ... — Макс, сосредоточенно хмурясь, изобразил пантомиму удара в живот. — Правой двинул, а на ней часы.

— Угу, — кивнул я. — А я жду третьего, но он не пошёл сюда. И я...

— Какого третьего??! — хором перебивают меня.

Я озадаченно почесал в затылке, и медленно сказал:

— Там на площадке много людей было... А сбежало всего двое... Значит...

— Значит, остальные затаились в подъезде, пока мы там ползали? — с ужасом прошептала Арина.

— Я же пешком шла, никого на лестнице не было, — тут же возразила Савостикова.

— И за лифтом никого, — подхватил я. — Значит, всё же та дверь! В магазин.

Мы уставились друг на друга.

— И что теперь? — прошептала Арина.

— Надо предупредить Виктора Николаевича, — решительно заявила Савостикова.

Я закатил глаза.

— О чём его предупреждать? Его ведь уже ограбили! Если уж предупреждать, так других жильцов.

— В смысле — ограбили? — взвилась Савостикова. — У него ничего не взяли! Ни единой денежки!

Я заметил, что Макс стал краснеть. Стыдно? Или боится разоблачения? Да пофиг! Я высокомерно глянул на Савостикову:

— Да прям! У него взяли *все* денежки! И рассыпали вокруг фальшивки, чтобы он сразу в поли... в милицию не побежал.

Пока Савостикова переваривала это, Макс пронзительно глянул на меня. Я постарался глянуть в ответ не менее пронзительно, и при том опустил взгляд на его ботинки, и тут же снова — ему в глаза. Он понял, и из красного резко стал бледным.

— Да с чего ты это взял... — начала заводиться Савостикова, а я вдруг понял, что мне всё это резко надоело. Я демонстративно глянул на часы.

— Мне пора. Счастливо оставаться!

Круто развернулся и пошёл в сторону дома.

Конечно, уйти мне не дали. Они втроём догнали меня, окружили, отрезая пути к отступлению, и загалдели каждый своё. В целом, галдёж сводился к тому, что нельзя это так оставлять, надо выяснить всё до конца, и заявить в милицию.

— Слушайте, чего вы от меня хотите? — отбивался я. — Может, Виктор Николаевич и сам вызовет милицию. Или не вызовет, это ему решать, *он* ведь потерпевший. Если спросят, я расскажу, как было, а сейчас хочу домой.

Но понимания я не нашёл ни у кого.

— Но у нас в подъезде бандиты, как мы пойдём домой? — вопрошала Арина.

— Надо всех предупредить, и надо сказать Виктору Николаевичу, что нападавшие вышли из той двери! — настаивала Савостикова.

— Надо пойти в тот магазин, и найти там этих мужиков! — заявил Макс.

Девчонки сразу резко замолчали, обдумывая такой ход. Я простонал.

— Зачем? Зачем ты хочешь их найти? И что будешь делать, когда найдёшь?

— Э-э... в милицию заявлю!

— На что? На то, что тебя столкнули с крыльца? Да вряд ли они там работают, скорее всего, там просто сообщник. — Я разгорячился. — И сам ты его никак не определишь среди других сотрудников! Поймите же, всё было спланировано — они заранее знали, во сколько и где будет идти мужик с тысячами долларов! Он же их явно куда-то нёс, а не просто на расходы прихватил! И вообще, откуда они у него?! — Я выдохся, и подытожил уже спокойнее. — Короче, это мутная история, и я не хочу в неё влезать. Заявлять должен сам потерпевший, он взрослый человек, а не бабулька доверчивая. И если он не заявит, значит, у

него есть причины, и знать я их не хочу, ясно?

Я оглядел притихших одноклассников. Моя речь их явно впечатлила. Но не совсем так, как я рассчитывал.

— Ой, Ваня, — восторженно воскликнула Арина, — как ты так сумел это всё сообразить? Это же прямо целое расследование!

— Да уж, — пробормотал Макс, — просто Шерлок Холмс.

Савостикова на комплименты размениваться не стала, сосредоточенно о чём-то размышляя, и наконец выдала:

— Если всё так, как ты говоришь, значит, Виктор Николаевич в опасности. Надо ему хотя бы сказать, что доллары могут быть фальшивые, хотя я в это и не верю.

Я вздохнул.

— Он в опасности, только если они настоящие — тогда их снова попытаются украсть. Но он и так должен быть к этому готов, раз разгуливает с такой суммой.

— Ты ничего не понимаешь! — заявила она. — Он очень хороший человек, и очень доверчивый.

— И что? — не понял я, к чему она это сказала.

— И то, что ты дурак! — она гордо развернулась, и пошла подзывать Рича.

Я пожал плечами, и бросив «Пока!» молчавшим Арине и Максиму, наконец-то пошёл домой.

Честно говоря, немного скребло на душе, что мы так расстались, но и упрекнуть себя не в чем — я как мог, попытался доказать, что влезать в эту историю не стоит, а уж если Савостикова не вняла, так я тут не при чём. Свою голову ей не приставишь. В то, что бандиты вернутся в подъезд я не верил, так что жильцам, в том числе и Арине, и самой Савостиковой, опасаться совершенно нечего.

Дома я быстро сделал алгебру на завтра, расчертил дневник погоды, и решил повспоминать разные упражнения, чтобы составить план тренировок. Этим и занимался до прихода родителей.

За ужином мама сказала:

— Бабушка решила в этом году пораньше закончить дачный сезон, так что в субботу мы едем её забирать.

— М-м-м... — неопределённо промычал я, не зная, как реагировать. «Мы едем» — значит, и я тоже? Или только они с отцом? Наконец, я придумал безобидный уточняющий вопрос. — Во сколько?

— Думаю, не с самого утра, а то пробки, — начала вслух размышлять мама. — Часов в одиннадцать выедем, пока то, сё, к часу доберёмся. Потом надо поесть, погрузиться, на обратном пути в магазин заехать...

— Зачем это в магазин? И так до Ясенево пилить, а потом обратно, — запротестовал отец.

— Ну как же, хлеба хотя бы надо купить, яиц, молока!

— Да ну, сама у дома купит.

— Саша! Твоя мама — пожилой человек, ей сложно после всех сборов и переезда будет куда-то выходить.

— Да она здоровее нас с тобой! Поест, что с собой привезёт.

— Ладно, там видно будет, — не стала обострять мама. И строго обратилась ко мне. — Так что в воскресенье, будь любезен поехать с нами к бабушке, помочь прибраться.

Ага, видимо, в субботу обойдутся без меня.

— Ладно... — с показной неохотой ответил я, но маму это удовлетворило. Посмотрим, что там за бабка. Белые пятна в жизни Ивана надо сокращать.

Глава 13. Двойка

На следующее утро Бочкарёв поджидал меня перед школьными воротами.

— Доллары фальшивые, — без приветствий и прочих предисловий сообщил он, и выжидательно уставился мне в лицо.

Я кивнул, принимая к сведению, и направился на школьный двор.

— Тебе что, пофиг? — догнал он меня.

— Абсолютно, — подтвердил я, поднимаясь на крыльцо, и зашёл в школу.

Первым уроком был русский, девчонок в классе ещё не было, и я просто занял своё место, до звонка ещё было время. Макс так и шёл следом за мной, и тут затоптался у моей парты.

— Чего? — спросил я, доставая учебник.

— Ты ведь не расскажешь им, что я... ну... взял, — он понизил голос и оглянулся.

А, значит Макс проверил ту купюру, что спрятал в носок, а не получил сведения от Виктора Николаевича.

— Не расскажу.

— Ну, ладно, — он ещё неловко потоптался и ушёл на своё место.

Савостикова и Арина появились вместе, первым делом посмотрели на меня и переглянулись. Сразу за ними, вместе со звонком, вошла классная и начала урок. Во время урока они постоянно поглядывали на меня, но я не обращал на это внимания.

После звонка все ломанулась к выходу, а меня Ольга Борисовна подозвала к себе.

— Как ты осваиваешься, Ваня? Всё хорошо? — спросила она.

— Да, — с некоторым недоумением ответил я. — Осваиваюсь потихоньку.

— А как тебе соседка по парте? Не хочешь пересесть?

— Нет, не хочу, — ещё больше недоумевая, отказался я.

— Ну ладно, иди, — мне показалось, она была разочарована моим отказом. — Если что, обращай ко мне сразу.

Немного странно. Чем-то ей Анжелика не угодила, что ли? Я вообще-то совсем не обращал внимания на свою соседку. Она со мной не заговаривала, я с ней тоже, и меня это совсем не напрягало. Да чего там напрягаться, мы всего один день проучились.

— Ой, погоди, — окликнула она меня уже в дверях. — Вера почему-то забыла журнал взять, отнеси ты.

— Она не забыла, — объяснил я. — Просто классный журнал носят старосты, а мы старосту ещё не избрали.

Ольга Борисовна изумилась.

— Вера не хочет больше быть старостой? Она ничего не говорила.

— При чём тут хочет-не хочет? — изобразил изумление и я. — Выборов ведь не было.

— Ладно, ступай, это мы с Верой обсудим, — нахмурилась классная, вручая мне журнал.

Сейчас должна быть сдвоенная химия, и я пошёл на третий этаж, разыскивать кабинет. Но по пути завернул к подоконнику, открыл журнал на последних страницах и торопливо переписал телефоны Бочкарева Максима, Звягинцевой Арины и Савостиковой Веры, просто на всякий случай. В кабинет я зашёл буквально за секунду до звонка, и положил журнал на стол перед молоденькой учительницей.

— Ты что, Белов, старостой стал? — агрессивно спросила Савостикова.

— Да где уж нам уж! — буркнул я.

— Так! — пресекла дальнейший разговор учительница. — Здравствуйте-садитесь!

Я быстро достал учебник, тетрадку и дневник. Мог бы не торопиться — учительница с интонациями народной сказительницы стала рассказывать, какой увлекательный предмет мы начинаем изучать. Скукота. Я подпер щеку кулаком и слегка повернувшись, разглядывал соседку по парте. Белая рубашка, черная прямая юбка, золотистые волосы стянуты в свободный хвост на затылке. Она выглядела очень зрело для своих лет, грудь под рубашкой была очень даже. Лицо тоже очень красивое, и какое-то безмятежное. Она скучающе глядела на доску, задумавшись, но, видимо уловив мой взгляд, повернула голову и вопросительно подняла брови. Я мотнул головой, типа — ничего, я так просто.

— Я вам не мешаю? — внезапно раздался надо мной голос. Учительница стояла, нависнув над нашей партой, и смотрела сердито.

— Нет, продолжайте, пожалуйста, — вежливо ответил я. Но, видимо, ответил как-то неправильно — в классе захихикали, а на щеках учительницы вспыхнули красные пятна.

— Встань, когда разговариваешь с учителем! — взвизгнула она.

Я встал.

— Извините, — говорю, — я новенький. У нас в школе нужно было вставать, только когда отвечаешь урок, а обмен репликами можно сидя.

— Обмен репликами? — почему-то задохнулась от возмущения она. — Дай дневник!

Я взял с парты дневник и протянул ей. Она резко схватила его, прошла за учительский стол и написала в нём что-то красной пастой. По классу прошёл возмущенный ропот. Я продолжал стоять. Блин, я реально не понял, что её так задело.

— Возьми! — она кинула дневник на стол перед собой.

Я подошёл к столу, взял дневник, но открывать не стал. Так, а на место мне можно, или надо ждать разрешения?

— Ну что ты встал? Садись!

Она наблюдала за мной, и похоже, ждала, что я поспешу прочитать, что она там написала. Я просто сунул дневник под учебник, лежащий на углу стола.

— Так... на чём я остановилась?

— На «плеяде блестящих учёных-химиков», — услужливо подсказала Савостикова. Не вставая, между прочим.

— Да. Так вот, плеяда блестящих учёных... — продолжила она бубнить, и не затыкалась до самого звонка. Полезной информации — ноль.

На перемене, стоило ей выйти, ко мне подскочил Бочкарев.

— Что она там написала?

Несколько ребят тоже подошли к нам. Я открыл дневник. В строчке напротив сегодняшней химии было крупно написано: «Поведение — 2!» и стояла размашистая подпись.

— Ууу... — загудели школьники. — Несправедливо!

— Они даже не разговаривали! — возмутился мелкий пацан, сидевший сразу за мной.

— Эй, Савостикова, — громко позвал я, поскольку не видел её из-за обступивших мою парту одноклассников. — Разве предметники могут ставить оценки за поведение?

— Дурачкам — могут! — ехидно ответила она.

Ах так! Предательница! Я вскочил, выхватил дневник у Бочкарева и помчался в кабинет

русского. Классная ведь просила обращаться, если что, вот я и обращаюсь. В кабинете не торопясь рассаживались старшеклассники, а Ольги Борисовны не было.

— Где учительская находится? — спросил я у первой попавшейся в коридоре девочки.

— От лестницы направо, — с любопытством глядя на меня, ответила она.

— Там же приёмная директора, — не понял я.

— А после неё учительская, чуть дальше.

— Спасибо! — блин, надо спешить, от перемены осталось меньше половины.

Учительская не понадобилась, Ольга Борисовна шла мне на встречу. Я заступил ей дорогу.

— Иван? Что-то случилось?

— Учитель химии, не знаю, как её зовут, поставила мне два по поведению. Совершенно несправедливо!

— И что?

— Эээ... Но как же... — растерялся я.

— Ты что, с каждой двойкой собрался ко мне бегать?

Я почувствовал, что краснею.

— Нет, но... Вы же просили обращаться, — проямлил я.

— Ваня, ты, видимо, понял меня слишком буквально, — её слова прервал звонок. —

Иди скорее на урок, и у меня сейчас тоже одиннадцатый «а».

Чувствуя себя последним идиотом и злясь на самого себя, я побрёл на вторую химию.

Глава 14. У директора

— Разрешите войти? — с порога спросил я.

— Нет, не разрешаю. Урок уже идёт, закрой дверь с той стороны, — глядя мне в глаза, с удовольствием сказала химичка. Я молча развернулся и вышел. Сучка.

Помявшись в коридоре, я решил сходить в канцелярию за Уставом школы, хотя не был уверен, что там описаны все эти правила — когда вставать, когда садиться. Пока шёл, мне вдруг ясно вспомнилось, что выгонять учеников с уроков нельзя, потому что это нарушает их право на образование. Вот только соблюдается ли это сейчас? Кажется, «Выйди из класса!» в эти времена обычное дело.

— Здравствуйте, — обратился я к директорской секретарше. Как её там? А, Лидия Степановна. — Дайте мне, пожалуйста, Устав школы. В библиотеке сказали, он есть у вас.

Она не успела ответить, как сзади раздалось:

— Зачем это тебе устав?

Я обернулся. В приёмную входила директриса, в блестящем голубом плаще и с сумочкой в руках. Получается, она только-только на работу пришла.

— Здравствуйте, Екатерина Алексеевна, — поздоровался я, а она, что удивительно, меня узнала, и заулыбалась.

— А, Ванечка, это ты! Здравствуй. Так зачем тебе Устав понадобился?

— Ну, понимаете, — не стал я ничего выдумывать, — тут в школе оказались какие-то другие правила, чем в моей бывшей были. Вот, хочу ознакомиться, а то уже двойку по поведению получил.

— Другие правила? — удивилась директриса. — Ну-ка, ну-ка, это какие? Кстати, почему ты не на уроке?

— Так меня не пустила учительница химии, и это вообще-то противозаконно, потому что нарушает моё право на образование. Но если у вас так принято...

Директор перестала улыбаться, и переглянулась с секретаршей.

— Давай-ка, Ванечка, заходи ко мне и всё подробно расскажешь. Лида, чаю нам принеси, пожалуйста.

Она прошла в свой кабинет, и я за ней, там помог ей снять и повесил плащ, что, кажется, растопило её сердце.

— Давай вот сюда, — она указала на низенький столик с креслами, стоявший воль стены, хотя тут был, понятно, и солидный директорский стол, и приставленный к нему буквой Т стол для совещаний.

Я пододвинул ей кресло, подождал пока она устроится, и тогда сел сам. Кажется, она была очень довольна моими манерами.

— Так что у тебя произошло? Какие правила ты нарушил? — участливо спросила она.

— Я и сам не понял! — в отчаянии воскликнул я. — Вот, хотел посмотреть Устав, чтобы разобраться. Послушайте, как всё было... — и я быстро рассказал, что было на химии, показал дневник, который так и таскал с собой. Причём ситуация, которую я ещё пять минут назад считал ерундовой, вдруг показалась мне до ужаса обидной, особенно слова классной. Сам себя накрутил, короче. — ...поэтому я и опоздал, спросил разрешения войти, но она не позволила, — чуть не со слезами закончил я. Причём настоящими слезами, я не притворялся, мне действительно захотелось плакать, в горле стоял комок, как от горькой

обиды. Вот блин, что это со мной?

Лидия Степановна принесла чай с булочками, и осталась послушать окончание моего рассказа.

— Пей чай, Ваня, — мягко сказала Рогачёва. — Булочку бери.

Я отпил, пока она о чём-то размышляла. Укусил булочку. Фух, вроде отпустило.

— Конечно, это никуда не годится, — обменявшись многозначительными взглядами с секретаршей, наконец, произнесла директриса. — Но и ты не прав, учителя-предметники действительно могут оценивать поведение ученика на уроке, и ставить оценки в дневник, но эти оценки суммируются с другими за поведение, и в конце недели классный руководитель выводит среднюю. В конце четверти из оценок за неделю тоже выводится средняя, итоговая за четверть. Так что ничего непоправимого не произошло. — Она помолчала, и продолжила. — Другое дело, что ты не понял, что именно сделал не так, и честно говоря, из твоего рассказа я тоже этого не поняла. Я думаю, надо выслушать и другую сторону. Лида! Пригласите к нам Елену Вячеславовну.

— Сейчас?

— Да, прямо сейчас. Восьмой «б» хороший класс, они посидят тихо.

Секретарша вышла, и директриса тоже принялась за чай.

— Елена Вячеславовна — молодой специалист, — произнесла она будто между прочим. — Она тоже новенькая, как и ты.

— Да, я понимаю, как важно сразу наладить дисциплину, — сориентировался я.

— Я рада, что ты это понимаешь, — просияла она.

Прямо добрый дедушка Дамблдор. Я был несколько сбит с толку. Надеюсь, хотя бы пойму, с чего химичка на меня окрысилась, а будет ли у нас дальше вражда, меня не волновало. Химию я знал хорошо.

Директриса поднялась и перешла в крутящееся кресло за директорским столом. Я тоже вскочил, она царственно повела рукой.

— Сиди, Ваня, пей чай.

В кабинет постучали, и внутрь робко заглянула химичка.

— Вы меня звали, Екатерина Алексеевна?

— Здравствуйте, Елена Вячеславовна, проходите.

Она прошла и под села к столу для совещаний, не заметив меня, кресла оказались у неё за спиной.

— Елена Вячеславовна, расскажите, что сегодня произошло на уроке у восьмого «б»? — доброжелательно поинтересовалась директриса.

— У восьмого «б»? Ничего... ничего особенного.

— Но у вас случился конфликт с учеником. Вы поставили ему два по поведению. Разве нет?

— Ну конфликтом я бы это не назвала, — замялась химичка.

— Так что же произошло?

— Дело в том, что этот ученик... Он отвлекался, не слушал меня, и... постоянно смотрел на свою соседку по парте, бедная девочка просто не знала, куда деться!

Нифига себе заявочки!

— То есть, — медленно проговорила директриса, — вы поставили ученику двойку за то, что он... смотрел на соседку?

— Не только! — поспешила оправдаться училка, видимо поняв, что на двойку это не

тянет. — Он нагло разговаривал со мной, выкрикивал с места, и...

— И? — поощрила директриса.

— Отвлекался...

— Ваня, — окликнула меня директриса, — а с кем ты сидишь за партой?

Елену Вячеславовну так и подбросило на стуле! До этого она меня не замечала.

— С Анжеликой Олейник.

— С Олейник? — внезапно помрачнела она. — А ты не хочешь пересесть?

— Пересесть? Нет, не хочу, а зачем?

— Ладно, Ванечка, ты иди и ни о чём не беспокойся, а мы тут... ещё поговорим с Еленой Вячеславовной. Не беспокойся, твоя двойка аннулирована.

Я кивнул, и направился к двери, не очень понимая, доволен я или нет. Скорее всё же да. Я не сомневался, что гнусной химичке сейчас достанется.

В приёмной я замедлил шаги у стола секретарши.

— Лидия Степановна, а скажите, пожалуйста...

— Да-да? — доброжелательно откликнулась она.

— Вы не знаете, почему и наша классная, и директор сейчас предлагали мне пересесть от Анжелики Олейник? Что с ней такое?

— Ты сидишь с Олейник? — округлила на меня глаза секретарша.

— Ну да, а что такое-то?

Она колебалась, будто собираясь сказать что-то важное, и раздумывала, достоин ли я такой чести. Но, видимо, чаша весов склонилась не в мою сторону.

— Не отвлекай меня всякими глупостями, мне работать надо!

Она с деловым видом стала перекидывать какие-то бумажки, и я понял, что надо уходить.

Глава 15. Маркиза ангелов

Я подошёл к кабинету химии, чтобы забрать сумку. Конечно, класс сидел не тихо. Но и не слишком громко.

Под взглядами множества глаз я подошёл к своей парте. Учебник и тетрадь так и лежали. Я убрал в сумку.

— Что, Белов? Что было-то? — это Савостикова, конечно.

А я даже и знаю, что сказать.

— Да нормально всё. Разошлись бортами.

— Ты у директора был, что ли? — спросил Карпов.

— Ну да, — пожал я плечами.

— И чего она?

— А чего? Директор же, — туманно ответил я. И только сейчас вспомнил, что Устав я так и не взял. Но решил, что не буду возвращаться. Хватит на сегодня. Мне ещё с родителями объясняться, надо нервы поберечь.

От дальнейших расспросов меня спас звонок.

Почти весь класс подорвался в сторону двери, устроив привычное столпотворение. Я, понятно, в толпу не полез. Как и Анжелика Олейник. Макс тоже задержался, поджидая меня, как и Арина, и старательно делавшая вид, что ей всё равно Савостикова.

— Ваня, ты правда у директора был? — тревожно заглянула мне в глаза Арина. Я кивнул. — Ничего себе! Я бы никогда не решилась! И что она сказала?

— Обещала разобраться, — увидев, что Анжелика прислушивается, я не стал уточнять, что на директора нарвался в общем-то случайно. И что ничего она толком и не сказала.

Толкучка рассеялась, и мы пошли на двойную историю. Кабинет снова удивил — на этот раз тут были одинарные парты в шесть рядов. Кажется, я такое видел в каком-то зарубежном фильме. На стенах висели картины на исторические темы — «Призвание варягов», «Совет в Филях», «Утро стрелецкой казни», и ещё какие-то на античные темы. Мне тут сразу понравилось. Да ещё и учителем оказался мужчина, очень увлеченный. Он так интересно рассказывал о России начала девятнадцатого века, что весь класс сидел, затаив дыхание. Я вообще-то собирался спокойно поразмышлять о своих проблемах, особенно о соседке Анжелике, но и то уши развесил — вот что значит — человек на своём месте!

Последним уроком сегодня была алгебра, и я, машинально черкая в тетради какие-то уравнения, думал о своём. То есть о своей соседке, с которой за три дня даже словом не перемолвился, и от которой пересесть мне посоветовали уже два человека — классная и директор. Ну не то что бы посоветовали... Я нахмурился, вспоминая дословно, что они говорили. Кстати, а ведь классная сама меня с ней посадила, вдруг вспомнил я. И что бы это значило? У кого бы спросить? Ученики не знают, иначе Савостикова выболтала бы, когда я спрашивал в первый день. Учителя знают, но не скажут, как секретарша.

Остаётся сама Анжелика. Маркиза, вспомнил я её прозвище, и, надо сказать, ей оно очень подходило — было в ней что-то аристократически-надменное, и в то же время эти кудряшки, как на портретах Галантной эпохи... Впрочем, это явно от имени, фильм такой был старый «Анжелика маркиза ангелов». Блин, и вот почему я помню какие-то доисторические фильмы, а самого себя вспомнить не могу? Так, не отвлекаться!

Сейчас на повестке Анжелика. Как к ней подкатить? Она вообще ни с кем не

разговаривает, и держится особняком. Дождаться после уроков? Пожалуй, так будет лучше. Или нет, напишу-ка я ей записку!

Недолго думая, я вырвал из тетради листочек и накатал:

Анжелика!

Мне бы хотелось познакомиться с тобой поближе.

Давай после уроков сходим в кино, или куда захочешь. Сегодня или завтра?

Иван.

И положил листок ей на тетрадь.

Она удивлённо взглянула на меня, стала читать. Глаза её расширились от удивления, три строчки она изучала, наверно, минут пять. По её лицу ничего нельзя было понять, но, видимо, раздумывала, как меня послать. Наконец, что-то быстро черкнула, и подвинула листок ко мне.

Нет, — прочитал я. Ожидаемо. Но я решил предпринять ещё попытку. Надо её заинтересовать. После кратких размышлений я написал так:

Мне нужно выяснить у тебя кое-что о том, что сказала директриса. Давай поговорим после уроков.

В этот раз она не раздумывала, а лишь скользнув взглядом по записке, подчеркнула своё «нет» и поставила восклицательный знак: *Нет!*

Я вздохнул. Самый лёгкий путь к разгадке тайны был отрезан. Видимо, придётся прояснять её другим путём. Из упрямства я всё же приписал:

Если передумаешь, позвони в любое время, — и ниже написал свой домашний телефон.

В третий раз увидев у себя под носом записку, Анжелика поморщилась от моей навязчивости, но листок возвращать не стала, сунув его в учебник.

Ну, хоть так. Я наконец обратил внимание на то, что происходит в классе, и с удивлением понял, что по крайней мере половина учеников, те, что сидели за нами и рядом, смотрят на нас и переглядываются. Очевидно, наша переписка не осталась без внимания. Учитель, к счастью, не обращал на это внимания, он у доски пытал ту девчонку с лицом мопса, Астраханцеву. Если пошёл по алфавиту, то я следующий. И верно.

— Белов! К доске, — заглянув в журнал, вызвал он.

Кстати, на истории журнала не было, а теперь вот появился. Откуда бы? Не заметил.

Я решил на доске продиктованное им уравнение и получил первую в этой жизни пятёрку.

— Молодец, — похвалил меня учитель. — Силён в математике?

Я пожал плечами.

— Ладно, посмотрим, посмотрим, — довольно потёр руки он. — Класс, можете быть свободны, — обратился он ко всем, хотя до конца урока было ещё десять минут. Прихватил журнал, и ушёл.

Все обрадованно стали собираться, многие при этом бросали на меня странные взгляды и перешёптывались, но никто ничего не спросил. Ну и я не стал заморачиваться, собрал вещи в сумку, и двинул на выход.

Глава 16. Взаимные обвинения

Я зарулил в туалет, сделал свои дела, и вышел из него, а звонка всё ещё не было, поэтому школа была пустынна. Спускаясь по лестнице, я прикидывал планы на вторую половину дня. Сперва поесть, потом можно в парикмахерскую сходить, за это время как раз обед уляжется, и уже тренироваться можно будет.

Эге, видимо, ни фи́га — в пустом вестибюле меня ждали Макс, Арина и Савостикова.

— Явился, наконец-то! — недовольно обратилась ко мне Савостикова. — Между прочим, Виктора Николаевича я вчера так и не смогла застать дома до позднего вечера. И сегодня с утра тоже, — многозначительно сказала она.

Я недоумевающе поглядел на неё. Кого? Ах, да! Я думал, эта тема уже неактуальна. И охота ей?

Я пожал плечами и прошёл мимо. Бочкарёв дёрнул меня за сумку.

— А о чём вы с Маркизой переписывались?

— Да так... — на ходу ответил я, прикидывая, может ли Макс знать о ней что-нибудь. Можно попробовать спросить. — В кино её пригласил.

Макс вылупил на меня глаза. Савостикова, и без того захлебнувшаяся возмущением от моего пренебрежения судьбой Виктора Николаевича, аж поперхнулась. Арина непонимающе переводила глаза с них на меня.

— Ты чего, совсем ку-ку? — наконец выдавил Макс, покрутив пальцем у виска.

— А что такого? Красивая девчонка, хотел познакомиться поближе.

— Это же Маркиза! — почти простонал Макс. — У неё же предки крутые, как хвосты пороссячи. Её на джипе в школу и из школы возят, у её отца даже замок во Франции есть! И самолёт свой!

Интересно...

— Ну и что? — подначил я.

— Прошлой весной она на два дня пропала, так всю школу сверху донизу перетрясли, тут милиция дежурила, всех учителей в ФСБ вызывали! — захлёбывался Макс.

— Её похитили, что ли? — заинтересовался я.

— Кто ж нам скажет! Но она и до этого сама по себе была, а потом уж и вовсе. На нас как на пустое место смотрит. Какое тут кино.

— А её к доске вызывают? — поинтересовалась Арина. — Оценки завьшают?

— Ну... — Макс переглянулся с Савостиковой, и сморщил лоб, вспоминая. — До пропажи-то вызывали. А оценки... А фиг знает, какие у неё оценки, — озадаченно нахмурился он.

— Да она дура! — не смогла смолчать Савостикова. — Потому и молчит всё время, чтоб никто не догадался!

— Поня-я-ятно, — протянул я. И пошёл дальше. За моей спиной произошло какое-то шебуршение, но я не стал оглядываться.

Так, с шебуршением в кильватере, я вышел на Ленинградский проспект.

— Иван, погоди, давай поговорим, — окликнул меня Макс уже у подземного перехода.

Вот чёрт, есть охота просто зверски, а у детишек опять выяснялки какие-то. Я так и сказал:

— Макс, жрать хочу, умираю. Давай потом. Завтра.

— Какое завтра! — завопила вместо Макса Савостикова. — До завтра Виктора Николаевича, может, убьют!

— Пойдёмте ко мне, — вмешалась Арина, — пообедаем и поговорим спокойно.

— Нет уж, — отказался я. — Вчера уже были, каждый день, что ли, у вас столоваться? Я домой пойду, у нас картошка с грибами.

Макс сглотнул.

— Может, попозже встретимся? Через часик?

— Нет, у меня планы. В парикмахерскую собирался, да и вообще.

— Ваня, ну пожалуйста, — проникновенно сказала Арина, глядя на меня снизу вверх. — Нам очень нужен твой совет.

Савостикова отчётливо скрипнула зубами. Но Арина так смотрела...

— Ладно, — неохотно согласился я. — Где и когда?

— Ко мне нельзя, — быстро сказал Макс.

— Ко мне сегодня тоже — папа после командировки спит, — покачала головой Савостикова.

Все уставились на меня.

Я закатил глаза, и обреченно сказал:

— Ладно уж, приходите. К трём. Скаковая, дом пять.

— А с Ричем можно? — вместо Савостиковой спросила Арина. Видимо, ей самой уж очень не хотелось меня о чём-то просить. Бедный пёсик не виноват, что у него такая хозяйка.

— Можно, — проворчал я.

И мы разошлись в разные стороны — Макс остался на той стороне, а мы нырнули в переход. Я шёл быстро, и девчонки где-то отстали.

Раз уж будут гости, надо купить что-то вкусенького, поесть и попить. Сладкого, они же после обеда будут. В киосках около дома, которые тут называли «коммерческими палатками», я изучил цены на газированные напитки — кола стоила по восемь тысяч за полтора литра. Да ну нафиг, так мне на стрижку не хватит. И я купил два лимона — сделаю лимонный напиток, я видел у нас на кухне большой пузатый кувшин — и большой пакет разноцветных маленьких безе «Мозаика».

Дома я сперва основательно подкрепился, и начал готовиться к приходу гостей. Сварил сироп и поставил остывать. Так, теперь приготовим место. К себе в комнату не приглашу, будем заседать в гостиной. Я накрыл соломенной салфеткой-дорожкой журнальный столик, достал из серванта огромную хрустальную салатницу под безе. Салатница оказалась пыльной, как и стаканы, и тот пузатый кувшин. Пришлось всё мыть, и надо сказать, результат того стоил — салатница заискрилась, как сосулька в морозное утро, а прозрачные стаканы и кувшин выглядели как с рекламного буклета Икеи.

Тут я вспомнил, что не переоделся, и помчался к себе. Время подходило к трём. Нормальной домашней одежды у меня так и не было, только те жуткие штаны, что я надевал в первый день, так что я надел штаны от спортивного костюма и футболку. Уф, вроде всё. Вовремя — как раз раздался звонок в дверь.

Они пришли все вместе, но без Рича. Закрывая дверь, я увидел соседку Эмму Карповну любопытно вытянувшую шею в сторону нашей квартиры. Когда все расселись и огляделись, я разлил лимонад, и спросил, стараясь, чтобы недовольство не звучало слишком уж явно:

— Итак, просветите меня, зачем мы собрались?

— Виктора Николаевича всё ещё нет дома, — исподлобья глянула на меня Савостикова. — Надо что-то делать.

Я вздохнул.

— Ну, расскажи про него. С кем он живёт?

— С женой. Вчера она тоже удивлялась, что его долго нет, и он её не предупредил, что задержится. А с утра мне никто не открыл, и сейчас тоже.

— Она работает?

— Да, она рано на работу уходит, но он-то дома должен быть!

— погоди. Ты ей рассказала про нападение?

— Нет, — замялась Савостикова.

— Почему?

— Сам, что ли, не понимаешь? — сердито воскликнула она.

— Нет, представь себе, не понимаю, — тоже рассердился я.

— Да потому что тогда она рассказала бы всё моим родителям, они дружат.

— Ну рассказала бы, что в этом плохого? — не понял я.

— Ты тупой, что ли?! — взорвалась она. — Да тогда бы меня завоспитывали напрочь, и никуда бы не выпускали, и... и вообще!

И Максим, и Арина подтверждающе закивали, они явно понимали мотивы Верки, и отличие от меня. Что-то я реально не догоняю в этой ситуации.

— Ты не ори, а объясни толком! Что значит — завоспитывали, куда бы не выпускали — в школу? В магазин? С собакой гулять?

Верка слегка поуспокоилась.

— Ну, туда бы выпускали, наверно, — неуверенно сказала она. — Но целыми днями нудили бы, мозги полоскали.

— На тему...? — силился понять я. — Ты же просто шла гулять с собакой, по своему собственному подъезду!

— Да ты попробуй это взрослым объясни, — с горечью сказал Макс. — Время сейчас такое, что ли, все боятся всего.

— Время... — задумчиво протянул я. Кажется до меня начало доходить, что они имели в виду. Время, пожалуй, было и не при чём.

Просто у большинства людей в голове не может уложиться, что никто не застрахован ни от чего, и с любым может случиться что угодно. Этим людям кажется, что всё в жизни можно предусмотреть, если соблюдать правила — пить кипяченую воду, переходить улицу на зелёный свет, быть вежливым, — то ничего страшного, непонятного, произойти просто не имеет права. Но... маньяки похищают отличниц посреди города, пьяные водители сбивают людей на остановках, а сосед, которому ты сделал справедливое замечание, кидается на тебя с топором.

И когда страшное всё-таки происходит, и выстроенная картина мира даёт трещину, эти люди думают, что они что-то не предусмотрели, не так себя повели, что этого страшного можно было избежать, если всё сделать правильно.

Ну, вот как в нашем случае, родители, испугавшиеся, что в их подъезде произошло нападение, стали бы выдумывать новые правила поведения, как будто это могло бы помочь.

Всё это я, как мог, изложил одноклассникам. Они задумались.

— Да, всё так и есть, — задумчиво протянула Вера. — Но моим родителям этого всего не объяснишь вот так просто. Поэтому им лучше и не знать.

— Ладно, вернёмся к нашим баранам. Кем, собственно, работает твой сосед?

— Ну, у него какой-то бизнес, купи-продай, не очень крупный.

— А офис у него есть? Может, он просто на работе? Заночевал где-то у друзей, к примеру, за городом, где нет телефона, и с утра сразу на работу поехал, не заходя домой.

— Если бы на него не напали, то могло быть и так, — вмешалась Арина, — но с нападением это выглядит как-то тревожно.

— А машина у него есть? — вдруг спросил Макс.

— Офис да, есть, и машина есть, — ответила Савостикова, — но жена сказала, она в ремонте, и он пока передвигается общественным транспортом.

— Мог заблудиться, — заметил Макс.

Они заспорили, может ли взрослый человек заблудиться в Москве на целые сутки.

— А может, он решил уйти от жены, поэтому и не вернулся, и так много денег с собой взял, — выдвинула новую версию Арина.

Пока они обсуждали и это, я думал о другом. О том, были ли доллары были фальшивые с самого начала, или их подменили в подъезде. И если подменили, заметил ли это Виктор Николаевич дома? Или понёс фальшивки туда, куда и собирался?

— Короче, вот что! — сказал я, и они мигом перестали спорить и так уставились на меня, как будто только и ждали моего решения. Как на главного уставились. Это несколько нервировало. — Собственно, если этот Виктор ушёл от жены, или заблудился, или просто на работе, это само выяснится со временем, и нас это никак не касается. — Я поднял руку, останавливая собирающуюся возражать Савостикову. — Нас касается только, если его исчезновение связано с нападением в подъезде. Потому что об этом никто не знает, кроме нас. Так что давайте думать только в этом направлении, не отвлекаясь на другие версии.

— Ты прав, — после паузы признал Макс. — Тут можно долго из пустого в порожнее переливать.

— Ладно, — поморщилась Савостикова.

— Итак, — начал я. — Для начала подумаем, как вероятнее — что Виктор изначально нес фальшивые доллары, или их подменили в подъезде? И если нёс фальшивые, то знал ли об этом?

Савостикова постучала пальцем по лбу.

— Да с чего ты взял, Белов, что они фальшивые?

Я моргнул и растеряно посмотрел на Макса. Блин, девчонки же не знают о том, что он спёр купюру и проверил её. Макс покраснел. Придётся врать.

— Да с того, что я прихватил одну, и Максим её проверил. Она фальшивая.

— Да? А почему нам не сказали? — возмутилась Арина.

— Что? Ты украл деньги у Виктора Николаевича? — возмутилась Савостикова.

— Не украл, а взял на проверку, — с достоинством ответил я. — Если бы она оказалась настоящей, я бы вернул.

— Да прям, — фыркнула Савостикова. Какая же она противная всё-таки! — Так бы и пошёл и вернул?

— В почтовый ящик кинул бы! — рявкнул я, не чувствуя за собой никакой вины. — Давайте ближе к сути!

— Ты знал, что деньги фальшивые, ещё до проверки! — обвиняюще ткнула пальцем в мою сторону Савостикова. — Ты никак не мог об этом догадаться, ты *знал*! Потому что, Белов, ты сам всё это подстроил!

Я мученически закатил глаза:

— Что именно подстроил? И каким образом?

— Вера... — примиряюще начала Арина, но я её прервал:

— Нет уж, давайте всё выясним сейчас! В чём конкретно ты меня обвиняешь?

Она вскочила с дивана и заходила по комнате. Мне пришлось развернуть кресло, чтобы видеть её, а то ещё кинется.

— Ты как-то узнал, что Виктор Николаевич понесёт куда-то деньги в три часа.

Макс вроде хотел возразить, но я махнул на него рукой, мне правда было интересно, на чём она собралась строить обвинение.

— Наверно, у тебя родственник или знакомый в том магазине. Ты нанял бандитов, и он пустил их в подъезд. Они напали на Виктора Николаевича, отняли у него деньги, а рядом разбросали фальшивки, чтобы он не сразу кинулся в милицию.

Я скусающе слушал. Такое обвинение не выдержит никакой критики.

— Потом он поднялся к себе, и увидел, что деньги фальшивые. Он побежал с ними в милицию, но по дороге его схватили, и возможно, держат в том же магазине. Поэтому ты и отговаривал Максима поразведать там! — торжествующе заключила она.

— Но, Вера, — серьёзно спросила Арина, — где же доказательства?

— Не-не, сейчас я сам расскажу, как дело было! — Я вскочил, и заставил Савостикову сесть на своё место. — Ты! — я упёр в неё палец. — Ты была знакома с Виктором Николаевичем, твои родители дружат с ним, и вот однажды ты услышала, что четвёртого сентября в три часа он пойдёт отдавать долг. Как друг семьи, ты знала, где они хранят запасные ключи, зашла по-соседски одолжить парочку яиц, и пока тебе несли с кухни яйца, спёрла эти ключи.

Савостикова молча открыла рот. Лицо у неё было растерянное.

— Далее, подкараулила в глазок, когда соседи уйдут, преспокойно зашла в квартиру и подменила приготовленные доллары на фальшивые.

Макс с Ариной переглянулись с восторгом.

— Потом ты решила обеспечить себе алиби, для этого подговорила своего знакомого из магазина подшутить над соседом. Ты ведь давно живёшь в этом доме, и конечно, знаешь сотрудников магазина, и то, что запасной выход ведёт в подъезд. К тому же, ничего красть ты не предлагала, а просто накинуть простыню и раскидать деньги. Но ты решила всё проконтролировать. И напросилась в гости к новой подруге, чтобы было, кому подтвердить твоё алиби. Придумала повод, чтобы выманить нас на улицу, а самой остаться в подъезде, чтобы после нападения первой оказаться на месте происшествия! Теперь, даже если он обратится в милицию, то будет думать, что деньги подменили в подъезде. А на самом деле они давно у тебя! — и я торжествующе ткнул в неё пальцем, как она в меня недавно.

Макс с Ариной зааплодировали. Верка сидела вся красная и с прыгающими губами.

— Это не так!! — заорала она, вскочив. Разревелась и кинулась в прихожую.

Это было так неожиданно, что я застыл в замешательстве. Макс и Арина тоже замерли на своих местах. Хлопнула входная дверь.

Глава 17. Спортивный магазин

Я устало опустился в кресло. Бежать за Веркой и извиняться никакого желания не было. Не я начал эту войну.

Арина почему-то осталась, хотя я думал, кинется за подругой.

— Как-то глупо вышло, — наконец, сказал Макс.

— Угу, — вяло согласился я.

— Твоя версия не объясняет, куда после пропал Виктор Николаевич, — вдруг сказала Арина.

Я посмотрел на неё с удивлением.

— Ты разве не пойдёшь за Верой? — спросил Макс.

— Нет, — лаконично ответила она. Но видя наше недоумение, пояснила, — Ей будет полезно побыть одной. Жаль, конечно, если мы поссоримся из-за этого, — она обвела рукой комнату, подразумевая наши выступления, — но справедливость ведь тоже должна быть! Она не имела права обвинять тебя!

— Спасибо, Арина, — я действительно был очень тронут. Поэтому подошёл, взял её руку, и наклонившись, поцеловал.

Арина вспыхнула.

— Женщины! — проворчал Макс.

Посидели молча.

— Слушайте, а может и стоит магазин проверить? — наконец, произнесла Арина. — Вдруг они и правда идиоты, и действительно работают там? Давайте хоть что-то предпримем, всё же человек пропал.

И она умоляюще сложила ладошки.

Макс усиленно закивал, хрустя очередной безешкой.

— Я не против, — сказал я. — Чем хоть он торгует?

— Спортивным инвентарем, — ответила Арина.

— Да? — удивился я. Почему-то я думал, что там магазин одежды. — Думаю, на первый раз туда должен пойти кто-нибудь один, а то вдруг придётся за кем-нибудь следить, а нас уже будут знать в лицо. Ммм, просто приглядеться, сколько человек там торгует, видно ли эту дверь, есть ли склад...

— Это я могу сказать, — обрадовалась Арина. — Мы там с бабушкой ей массажер деревянный покупали, такой знаете, для спины, с ручками, как мочалка.

— Ты давай про магазин, а не про мочалку, — оборвал её Макс.

— Ну, там, значит, как заходишь, маленькое помещение с витринами и прилавком, где какие-то порошки продают и специальное питание для спортсменов. Направо проход в большой зал, там тренажеры стоят, и тоже витрины по стенам, со всякими штуками, типа, знаете, диск «Здоровье», массажные коврики для ног, пояса для похудения всякие...

— А дверь?

— Дверь была, да, но кажется, в служебное помещение, а не в подъезд. Может, она за ней?

— А сколько продавцов? — спросил Макс.

— Двое было — один порошки кому-то втюхивал, а второй нам массажер показывал.

— Не, — не понравился такой ответ Макс, — кто-то ещё должен быть — товаровед,

или менеджер какой, или хоть бухгалтер.

— Бухгалтер вообще может там не сидит, а приходит пару раз в неделю ненадолго, — вмешался я. — Да и менеджер не обязательно есть, может быть просто хозяин сам всем занимается.

— Надо на месте смотреть, — не стал спорить Макс. — Кто пойдёт?

— Ваня, иди ты, — сказала Арина, — ты очень наблюдательный.

Макс неопределенно кивнул, мол, я не возражаю.

— Ну ладно. Хотя нет, знаете, как сделаем? Я там буду выбирать, например, турник для пресса, или скамью, всякие вопросы задавать. А вы в это время позвоните туда по телефону, есть ведь там телефон? И тоже со множеством вопросов. И я посмотрю, кто там будет отвечать, из торгового зала, или из служебного помещения.

— А откуда мы позвоним? И с какими вопросами? — затупил Макс.

— Да хоть отсюда! Или нет, лучше от Арины, там ближе. А вопросы... Ну скажете, что занимаетесь оснащением спортзала в детском саду, и будете выяснять, что они могут предложить — шведские стенки, мячики, скакалки... Оптом!

— Круто! — Макс смотрел на меня с восхищением.

— Мне бы такого в жизни не выдумать! — поддержала Арина, и деловито устремилась к телефону. — Надо по справочной узнать телефон магазина.

Я почувствовал, что покраснел, да чего там, приятно, когда тебя хвалят. За дело же!

Пока она звонила, я взял рулетку и с помощью Макса замерил в моей комнате расстояние, которое можно было занять спортивной скамьей.

— Ты что, действительно собираешься её покупать? — покрутил у виска Макс, с любопытством зыркая по сторонам.

— Может быть, позже. А что, вещь полезная, — я тщательно переписал результаты замеров на листочек. Потом переоделся в уличные джинсы (Макс и в шкаф сунул свой нос), и мы отправились в магазин.

— Главное, спрашивайте побольше подробностей. Например, есть ли у них сертификаты, как выгоднее оплачивать — налом или безналом, про фирмы-производители спросите, — давал я на ходу последние инструкции, одноклассники почтительно внимали.

На углу мы сверили часы, и разошлись. Я должен был зайти в магазин ровно через десять минут. Выждав положенное время, я потянул за тугую железную дверь. «И впрямь для спортсменов», — усмехнулся я. И тут же мне стало не до смеха, потому что в магазине, во втором зале, находилась Верка!!! Весь прилавок перед ней уже был завален коробочками, а продавец, хилый мужчинка с вислыми усами, с мученическим лицом показывал ей что-то, и было ясно, что она его уже достала.

— Что ты здесь делаешь? — резко спросила она, и не дожидаясь ответа, требовательно спросила у продавца. — Вы его знаете?

— Послушай, девочка! — недовольно скривился он. — Покупай уже что-то, или уходи, мне некогда!

Верка подозрительно сощурила глаза.

— Никуда я не уйду! Что у вас за дела?

— Какие дела? — недоумённо взглянул я на неё. — Я просто зашёл присмотреть турник.

— Так я тебе и поверила! — заявила эта дурища.

Тут в магазин с улицы зашёл крепкий парень лет двадцати, и вислоусый апеллировал к

нему.

— Вадик, проводи девушку! А вас что конкретно интересует, молодой человек? Будете покупать или как эта, — он пренебрежительно кивнул на Верку, — полчаса мозги полоскать, и уйдёте ни с чем?

Вадик молча подошёл к Верке и крепко взял её повыше локтя, подпихивая к выходу.

— Я никуда не пойду! — заверещала она. Заступаться за неё я не собирался.

— Да мне папа турник обещал на день рождения, — повысив голос, ответил я продавцу, повернувшись спиной к Савостиковой и Вадику. — Так что я пока посмотреть, что у вас есть, а то может, лучше скамью бы взял, если есть вот такого размера, — я достал из кармана свою бумажку.

Продавец тем временем сноровисто сгрёб все коробочки, запихнув их как попало в нижнюю часть витринного шкафа, и немного успокоился. Верка позади меня пыхтела и сопротивлялась.

Тут в торговом зале появился ещё один мужик, выйдя из внутренней двери, которую я сразу же заметил. Сердце у меня пропустило удар — это был один из налётчиков! Второй, с тёмными глазами, который пихнул Макса. Не обращая на меня внимания, он обратился к Вислоусому:

— Михалыч, подойди к телефону, крупный заказ, без тебя не решить.

— Сейчас, — кивнул ему Вислоусый, и обратился ко мне, — Извините, молодой человек, сейчас у нас запарка, но вам ведь не срочно? Зайдите попозже, мы обязательно что-нибудь подберём.

Я изобразил разочарование.

— А что, у вас других продавцов нет, что ли?

— К сожалению, болеют. Только Вадик вот, но он по спортпиту больше, — он покосился мне за спину. Судя по звукам, Савостикова цеплялась за косяки при выходе из отдела.

— Ну ладно, я завтра приду тогда.

Вислоусый кивнул с облегчением и устремился во внутреннюю дверь следом за Темноглазым. Я обошёл парочку, уже переместившуюся в первое помещение, и вышел на улицу. Остановился в раздумье — уходить или нет? Результат посещения магазина меня не удовлетворил. Если бы не тупоголовая Верка, удалось бы разведать побольше, с Вадиком пообщаться, например. За спиной хлопнула тугая дверь.

— И чтоб я больше тебя тут не видел, — напоследок поддав Верке коленом под зад, Вадик снова хлопнул дверь.

Верка, растрёпанная и всклоченная, вся тряслась. Люди, проходившие по улице, обошли её по широкой дуге, недружелюбно глядя — видимо, подумали, что из магазина выгнали воровку, я бы и сам так подумал, увидев подобную сцену.

Верка развернулась и заметила меня, сразу поняв, что я видел и финал её унижения.

— Ах ты сволочь! — она подскочила ко мне и собиралась ударить, но я, конечно, отклонился — слишком долго она размахивалась. — Теперь я всё знаю! Тебя и твоих подельников! — бессвязно кричала она, напрыгивая на меня и пытаясь стукнуть. — Ты вор и мерзавец! Я всё про тебя расскажу!

Мне, наконец удалось схватить обе её руки и как следует встряхнуть, у неё аж зубы клацнули, но она, наконец, заткнулась. Вырвалась, бурно дыша, выпалила мне в лицо «Сволочь!», и бросилась бежать. Когда она скрылась за углом, я огляделся — люди шли по

своим делам, на меня никто не смотрел. Я снова подошёл к магазину и потянул створку. В первом зале никого не было, и я тихо вошёл, приняв на спину и то, что пониже, вес двери, чтоб не хлопнула. Из второго зала слышались голоса.

— Надо что-то решать с ним, — я узнал голос Темноглазого, — Танька звонила, ей завтра на приём, будет списываться, а у нас тут этот...

— Молчит, сука, — откликнулся второй. Наверно, Вадик. — Михалыч думает, что правда не при делах, а я считаю — паяльник ему в жопу надо, мигом всё вспомнит!

— Не скажи, пока всё можно назад отыграть, а с паяльником — считай каюк.

— Какое назад отыграть! Сам же сказал — решать надо, вот и того... Решим.

Да ну нафиг! Ноги у меня ослабели. Раз пошли такие разговоры, надо валить. Срочно! Я и свалил, по миллиметру прикрыв за собой коварную дверь.

Глава 18. Спасение потеряшки

На улице светило солнце, шли люди, ехали машины, а я стоял и никак не мог проглотить липкий и горький комок в горле. Комок страха. Наконец, я спохватился, что торчу тут, как тополь на Плющихе, и быстрым шагом, хоть и на подрагивающих ногах, пошёл, сам не зная куда, лишь бы подальше отсюда. «Паяльник в жопу» — стоял у меня в ушах азартный голос бандита. И это было не просто выражение из кино про ментов, а реальность. Моя. Объективная. Реальность. И это было жутко.

Отмахав вдоль по проспекту квартала три, я немного успокоился и начал соображать. Во-первых, сосед в магазине. Во-вторых, не дождавшись меня, туда могут сунуться Макс с Ариной, мы не договорились, как встретимся. В-третьих, непонятно, куда убежала Верка, хорошо, если просто домой, или к Арине. Там ей растолкуют, что я делал в магазине. А если к жене этого додика, или вообще в милицию? А если жена или милиция пойдёт в магазин? Никто их дальше прилавка не пустит, а мужика гарантировано кокнут. И вынесут по частям.

Я резко развернулся и почесал обратно, но тут увидел телефонную будку. Кстати, я всё никак не могу купить себе телефонную книжку — тут они есть у всех, и вроде как я понимал, что мне тоже рано или поздно понадобится такая, но почему-то оттягивал этот момент. Наверно, подсознательно всё ещё надеялся на появление сотовых с памятью. Так вот, я увидел будку и рядом газетный киоск, где продавали и телефонные жетоны. Номера, выписанные из классного журнала, как раз были на обороте того листочка, на который я записал размеры желаемой скамьи для пресса. Быстренько затарившись тремя жетонами, я набрал номер Арины, и чуть не застонал от облегчения, когда она сама взяла трубку.

— Есть новости, — коротко сообщил я ей. — Встречаемся в том сквере, где вчера с Ричем гуляли. Как можно скорее.

— Но Ваня... — начала она, но я не стал слушать, бросил трубку и побежал к скверу.

Время подходило к шести часам, видимо, у собачников был перерыв, потому что свободных скамеек было достаточно. Я сел на ближайшую к той дорожке, по которой мы пришли вчера, и стал высматривать Арину или Макса. Время шло, а их всё не было. Чёрт, а ведь она пыталась мне что-то сообщить! Значит, что-то произошло. Я разнервничался, и решил подождать ровно до полседьмого, а потом снова звонить ей.

Гоня от себя тревожные мысли, я стал размышлять над странной логикой преступников. Вот какого, извините, пена им понадобилось похищать несчастного очкарика, если они уже успешно ограбили его? Вроде напрашивался вывод — значит, ограбили не очень успешно. Или вообще не ограбили? Может, этот растяпа забыл деньги дома? Да ну, бред какой-то! И каким образом его вообще похитили?

Тут я наконец, увидел приближающегося Макса. Вид у него был какой-то виновато-пришибленный.

— Что случилось?

— Да понимаешь... — замялся он. — Мы позвонили, всё как ты сказал... А потом Верка завалилась, злая, как годзилла. И давай орать. Бабка Аринина вышла, конечно, ахи, охи, а мы при ней ничего объяснить Верке не могли, и она бабке-то всё и выложила.

— Что именно?

— Ну, про нападение на мужика, только с её слов выходило, что ты и напал, и теперь у неё есть доказательства.

— Чего-о? Какие доказательства? — непритворно удивился я.

Макс задумался, нахмурившись.

— Не знаю, я не понял. Они все так орали, я пытался объяснить, как всё было, да где там. И тут ты позвонил. Арину бабка никуда не пустила, и стала звонить классной.

— Куда звонить? — я решил, что не расслышал.

— Нашей классной!

— Ольге Борисовне? ЗАЧЕМ?

— Фиг знает. Я только начало послушал, а потом смотался. А, кстати, — оживился он, — что в магазине-то было? Из-за Савостиковой ничего не выяснил?

— Да нет, выяснил. Там наш пропащий. Пока жив, но вряд ли надолго.

И я быстро рассказал, что произошло, включая атаку Верки на меня, и подслушанный разговор после.

— А главное, — завершил я, — никак не могу понять, зачем им вообще его похищать. Если бы кто другой его украл, например, тот, кому он деньги нёс, было бы логично.

— Почему логично? — не сообразил Макс.

— Ну так он же фальшивые бы отдал, логично его похитить, чтобы выпытать, где настоящие. Ну или в заложниках подержать, пока жена собирает выкуп. А тут — сперва спёрли деньги, а потом и самого мужика.

— Наверно, он узнал тех, кто его грабил, вот они его и уволокли в магазин, чтобы он не разоблачил их, — предположил Макс, и тут же опроверг сам себя. — Хотя нет, ведь ты говоришь, они хотят у него что-то выяснить, а он молчит.

— Всё может быть, — невпопад откликнулся я, думая, что можно предпринять. Макс, как оказалось, думал о том же.

— Надо в милицию заявить!

— Бесполезно, — покачал головой я. — О пропаже денег он не заявлял, его жена не заявляла о пропаже мужа, и тут мы такие — «А вот в магазине краденого дядьку держат!». Даже если нам поверят, в чём я сомневаюсь, то пока всё проверят, его уже убьют. Или того... паяльником. Или у тебя менты знакомые есть?

— Нету! — Макс мрачно замолчал.

Я вытянул ноги и откинул голову на спинку скамьи, глядя в небо. Действовать надо было срочно, прямо сейчас, завтра уже будет поздно. Я видел только один способ заставить милицию обыскать магазин, ничего не объясняя, но этот способ мне очень и очень не нравился. Но иного выхода действительно нет.

— Есть предложения? — на всякий случай спросил я Макса.

Он нехотя поднял на меня глаза и проямлил:

— Законных — нет.

Я глянул на него в упор, и понял, что он додумался до чего и я, и что это ему тоже не нравится. Но я уже решил, что возьму всё на себя. Демонстративно взглянув на часы, я охнул:

— Уже семь! Мне надо домой позвонить, а то родители волноваться будут. Где тут автомат, не знаешь?

Он, пристально глядя мне в глаза, медленно сказал:

— На проспекте, у почты, целый ряд стоит.

Мы встали.

— Ты со мной, или домой? — беззаботно спросил я.

— Всё равно в одну сторону, — буркнул он, и мы пошли.

У телефонов мы переглянулись, и я шагнул в ближайший. Трубку взяла мама.

— Мама, это я. Не теряйте меня, мы тут с одноклассником, Максимом, гуляем. Через час приду примерно.

— А, хорошо, — с лёгким удивлением ответила мама.

Я встал вплотную к аппарату, прижал пальцем рычажок и набрал другой номер...

Макс разглядывал объявления на доске у почты, я когда вышел из будки и окликнул его.

— Что-есть охота... Я сосисочную видел напротив Аринино дома, давай зайдём?

— У меня денег нет, — покачал головой он.

— Я угощаю, пошли!

Он неопределённо повёл плечами, но двинулся за мной.

— Слушай, Иван, — заговорил он по дороге, — а ведь классуха твоим родителям, поди, позвонит? Ну, из-за Савостиковой.

— Она ведь не первый год у вас классная? Должна знать цену Савостиковским закидонам.

— Так в том и дело! Верка на хорошем счету у учителей — староста, почти отличница, эта... активистка. А ты три дня, как пришёл. И уже с двойкой по поведению.

— Почти отличница? А по какому не отличница? — заинтересовался я.

— По физике и по физ-ре вроде. Или физику ей натянули всё-таки? Да какая разница, это не главное! Главное — что, если что, поверят ей, а не тебе!

— Но я ведь могу на тебя рассчитывать? Ты ведь подтвердишь, как всё было?

— Ну да. Вот только...

— Что?

— Ну, ты же знаешь, как взрослые могут всё перевернуть. Если вобьют себе что-то в голову, их не переубедишь, будь ты хоть сто раз прав, — со злостью пояснил Макс. Видимо, что-то вспомнил из своего опыта.

Я слегка встревожился. Да, с правами детей тут не заморачиваются — я вспомнил отношение ко мне продавцов на рынке, химичку, да и Ваниных родителей тоже. Учитель для них непререкаемый авторитет. Надо бы выработать стратегию поведения.

Но тут мы уже подошли к нашей цели. Это было довольно зачуханное заведение со стоячими местами у столиков на одной ножке. Мы взяли по паре сосисок, хлеб и томатный сок, и встали за столик. У окна, правда, было занято, но поверх мужиков с пивом можно было разглядеть дом напротив, если вдруг возникнет такое желание. У нас оно было, но ничего интересного не происходило, спортивный магазин работал до семи, так что был уже закрыт.

Я старался есть как можно медленнее, несмотря на голод. Мужики допили пиво и ушли, и мы оперативно перетасили свои тарелки на их столик, хотя его ещё не прибрали. Прошло уже полчаса со времени моего звонка. Макс вопросительно поглядывал на меня, а что я мог сделать? Продавщица забрала наши пустые тарелки и стаканы, и нам пришлось уйти, денег на ещё одну порцию у меня с собой не было. Мы молча двинулись в сторону пешеходного перехода, хотя Макс туда не надо было, он жил на этой стороне. А когда снова поднялись наверх, увидели, что в стороне того дома что-то происходит, собиралась толпа, мелькнул проблесковый маячок милицейского уазика...

Мы облегченно переглянулись, и от избытка чувств пихнулись плечами.

— Пошли посмотрим! — азартно предложил Макс, направляясь туда, но я его

остановил.

— Не могу, мне домой пора, я же родителям позвонил, сказал, что буду.

— А, ну да. Тогда пока! — и Макс бегом ринулся в сторону толпы.

А я полетел домой, как на крыльях. Радостно насвистывая, открыл ключом дверь... В прихожей стояли незнакомые женские туфли, а на вешалке висела красная куртка. Так-так.

Глава 19. Визит классной дамы

Я начал расшнуровывать кроссовки, а в прихожую из гостиной вылетела мама в халате.

— Ваня, ты пришёл! А у нас Ольга Борисовна, хочет с тобой поговорить.

— Да? — изобразил я удивление. — Сейчас, только руки помою.

Мама сжала руки у груди, встревоженно глядя на меня. Я подмигнул ей, и шепнув «Всё хорошо», проскользнул мимо.

Я не только помыл руки, но и зашёл в туалет, потом в свою комнату чтобы причесаться, потом на кухню глотнуть водички. И наконец не спеша проследовал в гостиную. Следы нашего дневного пиршества уже были убраны со столика. Мама с отцом сидели на диване, а классная в кресле. При виде меня она поджала губы.

— Добрый вечер, Ольга Борисовна, рад вас видеть, — светски кивнул я, устраиваясь в другом кресле. — Но напрасно вы беспокоились, всё уже разъяснилось, несправедливость устранена.

— Несправедливость! — облегчённо вздохнула мама и заулыбалась.

Классная, наоборот, нахмурилась.

— О чём ты говоришь, Иван?

— Как о чём? — удивлённо вскинул я брови. — Разумеется о сегодняшнем случае, который вы отказались выяснять. Пришлось действовать самому, так что несправедливо поставленная мне двойка аннулирована.

Судя по лицу Ольги Борисовны, она уже забыла, что я к ней подходил сегодня. Я же продолжал журчать:

— Я, конечно, рад, что вы пришли извиниться, но надеюсь, что в следующий раз вы станете более внимательно относиться к словам учеников.

Классная просто онемела, зато мама оживилась, наконец-то уяснив, в чём дело.

— Ох, Ваня, тебе незаслуженно поставили двойку? Какой кошмар! — И пояснила для учительницы. — Мы ещё не виделись после школы, и поэтому были не в курсе. Разумеется, мы принимаем ваши извинения, и надеемся, что такого больше не повторится, — она строго взглянула на классную.

Та выглядела растерянной, получив прощение, которого не просила, но быстро взяла себя в руки, видимо, сказавшись многолетний опыт общения с родителями учеников.

— Я пришла по другому поводу, — сухо сказала она, пытаясь взглядом поставить родителей на место. Но у мамы против неё уже сложилось предубеждение, чего я и добивался.

— Мы слушаем вас, — так же строго глядя, обронила мама.

— Дело в том, что мне позвонили и сообщили, что ваш сын вчера напал на мужчину, ограбив его. А уже сегодня довёл до истерики одноклассницу, когда она пригрозила выдать его!

Повисло молчание. Родители несколько секунд изумлённо смотрели на учительницу, а потом отец громко фыркнул. Мама предостерегающе положила руку ему на колено, и повернулась ко мне.

— Ваня? Как это?

Я скорчил озадаченную гримасу и пожал плечами.

— Понятия не имею. Скорее всего, над вами кто-то подшутил, Ольга Борисовна.

Классная пошла красными пятнами.

— Вовсе нет! Я лично...

— Нет, погодите! — перебил я её. — Я вспомнил! Ведь вчера мы как раз с Максимом Бочкарёвым и с Ариной Звягинцевой встретили у Арины в подъезде человека, который рассыпал деньги. Вы этот случай имеете в виду? Хотя ведь деньги не взяли, вряд ли его кто-то грабил... А больше я ничего подобного и не припомню... И разумеется, ни на кого я не нападаю.

— Что ж, я так и думала, что ты будешь всё отрицать, — бросила классная. — Но я была сегодня у Звягинцевых, и у Савостиковых, и они говорят совершенно другое.

— И что же они говорят? — дрожащим от гнева голосом, раздувая ноздри, спросила мама.

— И кто, собственно, вам звонил? Милиция? — неожиданно подал голос отец. Ого, а я думал, что он вообще участвовать не будет.

— Нет, мне звонила бабушка Арины Звягинцевой. К ним прибежала Вера, вся в слезах как раз после разговора с тобой, Иван! Или ты это тоже будешь отрицать?

— Не буду. Мы действительно сегодня случайно встретились в магазине. И она действительно плакала, и хотела меня побить.

— Побить? — подскочила мама. — За что?

— Мне бы не хотелось это обсуждать, — нехотя сказал я. — Понимаете, это ведь может ещё больше задеть её чувства...

— Чувства? Какие чувства? — Кажется, мне всё-таки удалось выбить классуху из колеи. Я вздохнул и многозначительно промолчал.

— Ничего не понимаю, — мама сжала виски пальцами. — То есть вы обвиняете моего сына в нападении на основании звонка чьей-то бабушки? Кстати, а кто пострадавший? Что он говорит?

Вопрос привёл классную в замешательство, тем не менее она сказала:

— Я считаю, нам нужно спокойно во всём разобраться. Давайте пригласим всех заинтересованных и спокойно побеседуем.

Мама бросила взгляд на часы.

— Вообще-то уже половина девятого, но если вы настаиваете...

— Нет-нет, — поспешила воскликнуть Ольга Борисовна. — Давайте лучше встретимся завтра, в школе, прямо с утра.

— А кого вы считаете заинтересованными, Ольга Борисовна? — вежливо спросил я.

Она смерила меня тяжёлым взглядом, но я был безмятежен. Под настороженным взглядом мамы она была вынуждена ответить.

— Веру Савостикову с родителями, и Арину Звягинцеву с бабушкой.

— А Бочкарёва?

— А при чём тут Бочкарёв? — нервно спросила она.

— Ну как же — ведь если речь идёт про того мужчину с деньгами, то Максим всё видел с самого начала, а Веры там и не было.

— Разве? — прищурилась классная.

— Ну вот пригласите его, он и скажет.

— Вы сговоритесь заранее, — фыркнула она. — Если ещё не сговорились.

— А зачем, Ольга Борисовна? — распахнув глаза, спросил я. — Зачем нам сговариваться, и о чём?

— А вот завтра и выяснится, о чём! — припечатала она и встала, чтобы уходить. Отец проводил её до лифта, а мама пошла на кухню греть мне ужин. И конечно, они не дали мне поесть нормально, насев с вопросами.

Я поломался для вида, но потом поведал, что Вера Савостикова просто преследует меня с первого дня, таскаясь всюду за мной — и в библиотеку, и в магазин за обложками, и на следующий день пристала к нам, когда Арина пригласила нас с Максом к себе, а едва мы отделались от неё, как раз встретив того мужика с деньгами, как она догнала нас с собакой. А сегодня... прямо я не говорил, но родители сами додумали, что случайно встретившись со мной в магазине, она решила признаться мне в своих чувствах, но я типа ей отказал, испугавшись её навязчивости, она разрыдалась и решила мне отомстить, выдумав дурацкую историю, что я ограбил того мужика, а доверчивая бабушка, приняв всё за правду, подняла на дыбы классную руководительницу.

— Наглая какая девка, — подвела итог мама. — И почему Ольга Борисовна ей поверила?

Тут ещё пришлось рассказывать про двойку, и как классная отказалась разбираться, и мне пришлось идти к директору. Родители сделали вывод, что классная относится ко мне с предубеждением, и неплохо бы позвать на нашу встречу и директора тоже. Поскольку мама была её подругой, домашний телефон у неё был, и она тут же принялась ей звонить.

А я пошёл делать уроки, хотя сил у меня после столь бурного дня не было совершенно. Но русский надо было сделать обязательно, чтобы не дать ни малейшего повода классной придраться.

Ночь я спал плохо, в тишине комнаты мне всё мерещились слова про паяльник, а когда проваливался в сон, мне снилось, что меня арестовывают. Я вскидывался, просыпаясь, и всё начиналось сначала.

Глава 20. Разборки у директора

Утром я встал раньше обычного, долго принимал душ, смывая ночные кошмары, тщательно оделся, и даже почистил кремом ботинки. Отец тоже метался, как наскипидаренный, подбирая подходящий галстук, и старался подбодрить меня, как умел, что-то пробурчав о том, что у всех баб в голове вата, а уж у этой Верки целый ватный завод, и вообще, у меня ещё табун таких будет. Вот к чему это вообще?

Так как родителям потом было на работу, мы поехали на машине. У ворот я, как и вчера, заметил Макса. Он очень удивился, увидев меня с родителями, вылезавших из машины, и придержал язык, хотя я видел, что ему не терпится поделиться новостями. Я, конечно, сказал, что поскольку Максим может подтвердить мои слова о том дне, следует и его пригласить на встречу, и мама меня поддержала. Пока шли через школьный двор, я быстро шёпотом просветил Макса, как поменялась концепция. Всего рассказать не успел, но понадеялся на его сообразительность.

— Предупреди Арину, если сможешь, — напоследок шепнул я уже на пороге школы.

Они с бабушкой уже стояли в вестибюле. Пока родители знакомились с Маргаритой Николаевной, Арина с горящими глазами поведала, что вчера вечером у них в доме была эвакуация.

— Да, — подтвердила её бабушка, — это было ужасно! Мы еле успели запихать Кису в сумку, на сбор других вещей просто не осталось времени! До двенадцати ночи нас держали в машинах в двух кварталах от дома, никаких удобств. Для Кисы это такой стресс! Большая часть жильцов разошлась ночевать по родственникам и знакомым, а у нас никого и нет в Москве!

Родители охали и сочувствовали. Оказалось, что она собиралась дать возможность внучке выспаться, и не отправлять её сегодня в школу, но в семь утра позвонила классная руководительница и пригласила на беседу.

— Конечно, я верю Аринушке, что Ваня ни в чём не виноват. Такой воспитанный мальчик! — Я скромно потупился. — Но, понимаете, Верочка говорила так убедительно, и всё твердила, что у неё есть доказательства, и я взяла на себя смелость... Просто чтобы успокоить бедную девочку...

— Бедную девочку? — сверкнула глазами мама и взяла Маргариту Николаевну под локоток, что-то тихонько ей рассказывая. Я усмехнулся, оглядываясь. Макс горячо шептал на ухо Арине, видимо, довольный, что может склониться так близко, и, кажется, нюхал её волосы. Тут на лестнице появилась секретарша Лидия Степановна, и пригласила всех к директору. В кабинете за столом для совещаний уже сидела прямая, как указка, Ольга Борисовна в красивой горчичного цвета блузке, рядом с ней Верка, а напротив них семейная пара, видимо, родители — мужчина с бородой и в свитере и маленькая кругленькая женщина. За боковым столиком, где мы вчера пили чай, сидели ещё две женщины, мне не знакомые. Когда мы все расселись, оказалось, что кабинет забит битком, я специально посчитал — тринадцать человек собралось!

— Пожалуйста, начинайте, Ольга Борисовна, — доброжелательно улыбнулась директор. И Ольга Борисовна начала:

— Вчера мне позвонила Маргарита Николаевна, бабушка Арины Звягинцевой, с сообщением, что у неё дома Вера Савостикова м-м... плачет и обвиняет Ивана Белова в

нападении и ограблении жильца их дома, и попросила разобраться. Я, конечно, поспешила прийти так быстро, как только могла, и... Вера, расскажи, пожалуйста, всё, что рассказывала нам вчера.

Верка взглянула на меня и опустила глаза. Выглядела она неважно. Да ведь и их вчера эвакуировали, сообразил я. Как-то я позабыл, что Верка тоже живёт в этом доме. Наконец, она начала еле слышно говорить.

— Во вторник в три часа дня у нас в подъезде напали на нашего соседа из квартиры напротив, Виктора Николаевича, и подкинули ему фальшивые доллары. Там у нас дверь в спортивный магазин. А потом он пропал, и мы подумали, что он может быть в этом магазине. Я пошла туда, и туда же пришёл Белов. И разговаривал там с сотрудниками, а меня выставили на улицу. Вот.

Она замолчала, и все молчали, только переглядывались. Мне Верку даже жалко стало, такой дурой она себя выставила.

— Но Верочка, — прервала молчание Маргарита Николаевна, — когда ты пришла к нам, ты твердила, что у тебя есть доказательства того, что Ваня напал на нашего соседа. Какие? Вот Арина говорит, что тебя даже не было с ними, когда они из подъезда вышли.

Верка мрачно зыркнула на Арину, та вздрогнула, и подалась к бабушке.

— Он пришёл в магазин, а ведь туда скрылись нападавшие.

— Ты сама видела, что они туда скрылись? — мягко спросила директор.

— Нет, — неохотно сказала Верка.

— А ты видела, как на твоего соседа напали?

— Нет, — после молчания выдавила та.

— Ваня, — обратилась тогда директор ко мне, — расскажи, как было дело.

— Я просто зашёл в магазин, чтобы присмотреть турник, родители обещали мне купить, вот я и зашёл. Там была Савостикова, перед ней продавец выложил уже целую кучу коробок, а она просила ещё и ещё, и он заподозрил, что она хочет что-то украсть. — Тут я вроде как смутился, и зачастил. — Она действительно с ним нагло разговаривала, чего-то требовала, мешала мне задать свой вопрос, вот он и приказал охраннику её вывести. — Я в упор взглянул на Савостикову. — Так ведь и было, Вера, я не вру, подтверди!

Все, даже её родители, уставились на неё. Она опустила голову.

— Так всё и было, Вера? — так же мягко спросила директор.

— Да! Нет! Да... — она закрыла лицо ладонями.

— Вообще-то, Ваня, я хотела узнать, как там было с тем человеком, на которого напали, — отвлекла от неё внимание директор.

— Ну, мы — я, Максим Бочкарёв и Арина — шли от Арины и уже вышли из подъезда, когда услышали внутри какие-то звуки. Дверь уже захлопнулась, но Арина достала ключ и мы вернулись. На площадке у лифта лежал человек и валялись деньги. Мы помогли ему их собрать, и он уехал на лифте обратно домой, чтобы почиститься. А Вера шла гулять с собакой и тоже это видела, но не с начала. Екатерина Алексеевна, это правда, я всё время был с Ариной и Максимом, они могут подтвердить!

Они закивали, подтверждая — ведь я не сказал ни слова неправды. Директор помолчала.

— Вера, но почему ты утверждала, что Иван напал на твоего соседа? Разве на него вообще нападали?

— Да! Нападали, он сам сказал! И доллары эти были фальшивые! — Верка вскочила со

стула. — И потом он пропал, и где сейчас, неизвестно!

— Тише, тише, — внезапно заговорила одна из женщин, сидящих поодаль, та, что помоложе. Она встала, подошла к Верке и обняла её за плечи, увлекая за собой, за маленький столик.

— Это Елена Геннадьевна, наш школьный психолог, — вполголоса пояснила Екатерина Алексеевна. — Я думаю, когда эта история прояснится, всем участникам стоит с ней побеседовать. Такие взаимные обвинения — довольно травмирующее событие, а ведь вам всем придётся как-то существовать дальше вместе. Психолог вам в этом поможет.

Мои родители переглянулись недовольно, но пока промолчали. Советские люди не видят разницы между психологом и психиатром, и отрицают психологические травмы. Даже не то, что отрицают, а просто не замечают. Ни у других, ни, тем более, у себя.

Маргарита Николаевна кашлянула и осторожно сказала:

— Но дело в том, что этот сосед действительно пропал, тут Вера права. Я поднималась к ним, и разговаривала со Светочкой, его женой, вчера во время эвакуации. Он действительно два дня не появлялся дома.

— Да, это так, — горячо и внезапно поддержал Веркин отец. — Я вообще не понимаю, что происходит! Вера внезапно отказывается от должности старосты! Веру выгоняют из магазина, заподозрив в воровстве! Она замешана в какую-то историю с фальшивыми долларами и пропажей человека! Что вообще происходит? Куда смотрит школа?

— А куда смотрят родители? — вспыхнула в ответ Ольга Борисовна, не ожидавшая такой подставы. — Она даже не предупредила, что снимает с себя обязанности старосты! Я попала в глупое положение перед другими учителями.

Верка на боковом диванчике зарыдала и уткнулась в подушку. Психолог обняла её за плечи. Меня поразило, что родители даже не сделали попытки успокоить и поддержать дочь.

— Вообще-то, выборы старосты вы должны были провести сразу после линейки, вам для этого выделялся классный час, — ровным голосом сказала вторая незнакомая женщина, подсаживаясь к столу на освободившееся Веркино место.

— Простите, а вы..? — уточнила моя мама.

— Медведева Алевтина Михайловна, завуч по воспитательной работе, — бросила та. Мама удовлетворённо кивнула.

— Так что же происходит? — не унимался Веркин отец. — Я требую объяснений!

— Требуйте их у своей дочери, — сердито воскликнула моя мама. — Почему она не даёт прохода моему сыну? Всюду таскается за ним, выдумывает нелепые обвинения, кидается на него с кулаками? Да-да, Ваня лишь из деликатности промолчал, но нам признался, что она пыталась его побить вчера! Прямо на улице бросалась на него!

Бородач вытаращил глаза и вскочил, гневно вопрошая:

— Вера, это правда?

Верка сжалась и разрыдалась с новой силой, да так, что ни у кого не осталось сомнений — это правда.

Блин, я, конечно, жаждал мести, но кажется, это уже перебор. Я перестал, как в пинг-понге, смотреть за подающими реплики, и заметил, что и Макс, и Арина смотрят на меня. Надо заканчивать это всё. Я встал.

— Екатерина Алексеевна, — начал я, и тут как раз зазвонил звонок с первого урока. Переждав трезвон, я продолжил. — Я так понял, что никто не имеет ко мне больше

претензий? — Подняв одну бровь, я взглянул на классную. Она промолчала. — В таком случае, вы позволите нам пойти на уроки?

Директор, едва улыбаясь краешками губ, величественно кивнула. Я отодвинул стул Арине, и мы проследовали к выходу.

— Позови Верку тоже, — сквозь зубы процедил я Максу.

Он послушно развернулся и спросил, как ни в чём не бывало:

— Вера, ты с нами идёшь?

Мы остановились на пороге. Но она помотала головой отрицательно. Макс пожал плечами, и мы вышли втроём.

Глава 21. Ничего не кончилось

— Так, сейчас физика. Вам обязательно туда? — для порядка спросил я, хотя не сомневался в ответе. Конечно, они дружно заверили, что там им вовсе нечего делать. И мы пошли на диваны в фойе перед библиотекой.

— Давай сперва ты, Макс, — скомандовал я, усаживаясь.

— Ну что, — начал он. — потолкался я в толпе. Там все говорили, что бандитов задерживают. Потом вдруг увидели, что со двора жильцов выводят, и тогда все поняли, что бомбу обезвреживают, многие рассосались, но я всё равно остался.

— Это ты про наш дом, что ли? — запоздало сообразила Арина.

— Ага, взгляд с другой стороны, так сказать, — довольно кивнул Макс. Я кинул на него предостерегающий взгляд, он смешался, и продолжил рассказ. — Ну, завалили они в магазин. Человек шесть, наверно, все одеты, как в скафандры — шлемы такие смешные круглые и зелёные, и бронежилеты такие как фартучки детские. Ещё собак четыре человека. Я ждал, ждал, уже стемнело, все старые разошлись, только новые подходили. Но дождался. Уже в начале десятого вынесли носилки, а на них человек живой, лицо не прикрыто потому что. И в скорую помощь его, и с мигалкой погнали. А потом стали людей выводить — двое наших под руки держат, да так хитро, что у них голова на уровне колен. Не, как так у них получается?

Я встал и показал — одну руку на шею, другой подхватываешь подмышкой. Но это я один был, и то Макса скрючило, а если с двух сторон? Вот блин, и откуда я это знаю? Арина аплодировала.

— И сколько вывели? — спросил я, закончив демонстрацию.

— Четверых.

— Хм... Вадик, Вислоусый, Темноглазый. А ещё кто?

— Не понял, стемнело уже, худой какой-то.

— Мальчики, — тоненьким голосочком проговорила Арина. — Вы хотите сказать, что там на носилках Виктора Николаевича вывезли? Ты что, Ваня, что-то разведаль в том магазине, несмотря на Верку? Вислоусый, Темноглазый?

Мы с Максом переглянулись поверх её головы.

— Ну да, — осторожно сказал я. — Я услышал, что они говорили, мол, завтра выходит постоянная продавщица, надо что-то с мужиком решать, а то он молчит и не признаётся. И второй ему отвечает, типа, решим, не боись.

— И что? Вы заявили в милицию, да?

— Э... Ну, понимаешь, Арина, у нас нет знакомых милиционеров. А то, что Виктор Николаевич пропал, или что у него доллары пропали, так про это никто не заявлял. И как бы получилось, что если бы мы пошли в милицию...

— Я поняла, — перебила Арина. — «Нет тела — нет дела», да?

— Ну да.

— И тогда вы..? — глаза у неё расширились.

Мы с Максом переглянулись, и хором закричали:

— Нет, нет, что ты! Это просто нам повезло, и кто-то сообщил о каком-то нарушении в том магазине. Послали проверку, и обнаружили похищенного человека.

— Ага. — сказала Арина. — Ага. Такую срочную проверку, что весь дом эвакуировали,

и бомбу искали. Действительно, повезло... Виктору Николаевичу!

Она счастливо рассмеялась, а потом... Чмок! Чмок! Вот как сидела, так и поцеловала нас — меня в правую щёку, а Макса в левую. И довольная откинулась на спинку дивана. Мы с ним переглянулись и отвернулись.

— А что же теперь с Верой? — спросила она.

— Не знаю... — Протянул я, так же откидываясь, и вытянув ноги. — Отец у неё, конечно, такой... — Я замялся, не в силах подобрать нужное слово.

Макс шумно выдохнул, и тоже вытянулся рядом.

С лестницы приближался цокот каблуков, но мне было лень шевелиться. Очевидно, что в нашу сторону направлялась женщина в туфлях на каблуках, ну и что? Всё-таки пришлось встать — это была Ольга Борисовна.

— Ну что, доволен, Белов? — остановившись перед диваном, на котором мы сидели, спросила она, кривя губы.

Я встал.

— Чем я должен быть доволен, Ольга Борисовна? Тем, что вы пришли ко мне домой, и в чём-то обвиняли, правда, я так и не понял, в чём. Или тем, что меня отвлекли от уроков?

— Не паясничай, Белов, тебе не идёт, — сузила глаза она. Может, кого-то она этим и могла напугать, но только не меня.

— Вы, кажется, пытаетесь меня оскорбить, назвав паяцем? Стоит ли мне сообщить об этом завучу? Или сразу директору?

Она деланно рассмеялась.

— Ты мне угрожаешь? Боже!

— Ну что вы, Ольга Борисовна, где вы увидели угрозу? — Я склонил голову к плечу и улыбнулся, стараясь сделать это мило. — Разве напоминание о справедливом взыскании учителю за оскорбление ученика можно приравнять к угрозе?

Она шумно втянула в себя воздух, честно говоря, я струхнул, это выглядело действительно очень... угрожающе.

— Из-за тебя Вере назначили занятия с психологом, — обвиняюще сказала она.

— Из-за меня? Вы уверены, что точно не из-за её поведения? Впрочем, не вижу в этом ничего страшного, это пойдёт ей на пользу. Если, конечно, психолог достаточно квалифицирован... Хотя, я думаю, в этой элитной школе проблем с персоналом не должно быть. Очередь желающих занять вакантное место растянется по всему Ленинградскому проспекту...

— С персоналом? Персоналом? — снова раздула ноздри наша классная, ну просто как породистая лошадка. Да и любая лошадка.

Я смотрел на неё — сейчас ей лет тридцать. Когда образование приравняют к услуге, уже будет около сорока. Когда это всё достигнет апофеоза — как раз пятьдесят пять. Может, и успеет ускользнуть на пенсию, хотя вряд ли. Но мне её не жаль. Эту войну тоже развязал не я.

— А что такое? Вас чем-то как филолога не устраивает слово «персонал»? Или вы будете отрицать, что школа оказывает мне образовательную УСЛУГУ, то есть её сотрудники являются ОБСЛУЖИВАЮЩИМ ПЕРСОНАЛОМ?

— Я. Тебе. Не. Персонал. Белов, — выплюнула она, но дискуссию почему-то продолжать не захотела, жаль. Развернулась и уцокала обратно.

— Ой, Ваня, — прошептала Арина, когда цокот стих. — Ты так с ней нагло

разговаривал! Она не простит.

— Да и насрать. Главное, уроки учить вовремя.

И я как в воду глядел — она вызвала меня и на русском, и на литературе. По русскому поставила четыре, а по литературе, как ни старалась, не смогла ни на чём подловить. А она старалась. Но то, что написано в учебнике, как раз вслух читала нам Арина, когда мы были у неё. Да и вообще, как выяснилось, фольклор я знаю неплохо, причём не только славянский, но и скандинавский, и европейский. Опять выверты памяти. Я не надеюсь, что этого хватит раз и навсегда, поскольку программа была слишком обширной, и обычный восьмиклассник неминуемо должен был бы погрязнуть в этих ветвях стилей и форм произведений. Но неделю-другую я точно себе выгадал. Кстати, когда я стоял у доски, моя соседка Анжелика напряженно слушала мой ответ, подавшись вперёд и отбросив невозмутимость, но когда я вернулся за парту, снова превратилась в каменное изваяние.

Верка на уроках так и не появилась.

Этот день в школе вымотал меня настолько, что я завалился спать, как только пришёл домой, и продрых до самого прихода родителей.

Вечером, конечно, пришлось выслушивать обсуждения сегодняшнего собрания, причитания мамы и бубнёж отца. В целом, они очень осуждали, что Вере захотелось поиграть в сыщиков и найти пропавшего соседа.

— Это совершенно не детское дело! — заявляла мама, и отец ей поддакивал:

— И довольно странное для девочки — пойти в магазин, потому что там преступники. А ведь учительница её хвалила...

— Думаю, это всё переходный возраст, — предположила мама. — Надеюсь, что ты, Ваня, воздержись от подобных поступков. А ещё надеюсь, что она станет вести себя скромнее, и не будет так навязываться тебе. Мы поговорили с её родителями по этому поводу.

— Вот уж это лишнее, мы бы и сами разобрались, — недовольно сказал я.

Мама улыбнулась доброй, всепонимающей улыбкой.

— Ты добрый мальчик, Ваня, но просто ещё не понимаешь, какими могут быть девочки...

Я плюнул и ушёл делать уроки. Завтра предстояло пережить ещё один день в школе, и наконец-то наступят выходные! Я их ждал с нетерпением.

Кстати, я вдруг выяснил, что не узнал домашнее задание по химии, с которой меня выгнали, пришлось звонить Арине.

— Представляешь, — возбуждённо объявила она, не дав мне и слова сказать, — наш пропавший сосед нашёлся! Бабушка только что говорила с его женой. Его правда держали в том магазине, и нашли при эвакуации! Он в больнице сейчас.

— Потрясающе, — вяло отреагировал я. — А по химии что задали?

— Фу, какой ты! А по химии — первый параграф задали, чего же ещё?

— А, ну да, действительно.

— Слушай, — понизила голос она, — я Вере звонила. Её отец отказался её позвать к телефону. Только сказал, что завтра она тоже не придёт. Как думаешь, может, её в другую школу переведут?

— Понятия не имею.

Веркой я был сыт по горло. Переведут, так переведут, не расстроюсь.

— Жалко, — Арина вздохнула. — Ну ладно, мне ещё историю почитать надо. Пока!

— Пока, пока, — рассеяно ответил я, думая о другом. Я вдруг понял, что хотя преступники задержаны, ещё ничего не закончилось — будет расследование, наверно, нас вызовут к следователю, опять придётся что-то врать. Или не врать? Надо с Максом посоветоваться.

Ох, тяжело быть подростком.

Глава 22. Классный час с неожиданными последствиями

В целом день шёл нормально, химичка меня игнорировала, чему я был только рад. А вот не рад был многозначительным намёкам и взглядам Макса с Ариной, которых разрывало от желания обсудить нашедшегося соседа, пропади он пропадом (каламбур, ха-ха!). Черчение прошло очень весело, а на биологии я получил пятёрку. Последним должен был быть русский, но сегодня я от классухи подянки не ждал, поэтому её сообщение о том, что вместо русского языка проведём классный час, меня несколько не насторожило. А зря.

— Как вы уже знаете, Вера Савостикова сложила с себя обязанности старосты. — Недовольно начала она. — Мы, конечно, уважаем её решение, но теперь нам необходимо избрать нового. Предлагайте кандидатуры.

Класс ответил гробовым молчанием. То ли все были настолько безынициативными, и им было всё равно, то ли боялись привлечь к себе внимание, чтобы вдруг не избрали. Был и ещё вариант — все понимали, что выборы — туфта, и назначат того, кого выберет Ольга Борисовна.

— Ну? Я жду предложений.

Молчание длилось. Ученики украдкой поглядывали друг на друга. Я скосил глаза на Анжелику — она безучастно смотрела в стол. Арина непонимающе оглядывалась на соседней. Макс, подперев щеку ладонью, скучающе пялился в окно. Длинный Карпов, сидящий рядом с ним, съехал под парту, чтобы не выделяться, видимо.

— Ну что же, — в тишине произнесла учительница, с какой-то затаённой насмешкой обведя глазами класс. — Тогда назначу я. Старостой будет Иван Белов.

Я чуть со стула не упал! Сказать, что я был удивлён — это ничего не сказать. Я был огорошен, ошарашен, ошеломлён! Короче, я полностью охренел. Зачем ей это? И охренел не только я: по классу прошелестели удивлённые возгласы.

Конечно, первым порывом было возмутиться и отказаться — что за фигня вообще? Но... ведь она именно на это и рассчитывает — вон как выжидательно смотрит на меня, змея. Мне вдруг так захотелось ей всё поломать, что бы она там не задумала! Чисто из противоречия я решил — соглашусь. Отказаться всегда успею.

Я встал.

— Польщён вашим доверием, Ольга Борисовна. Думаю, сумею оправдать. — В её глазах мелькнула досада. — Но рассчитываю на вашу помощь тоже. Я смутно представляю, в чём заключаются обязанности старосты, и какими документами регламентируются. Кроме того, не успел запомнить даже имена-отчества учителей, не говоря уже об одноклассниках. Да я даже здание школы не успел изучить, и её правила и всякие традиции тоже. Не знаю ни плана школьных мероприятий, ни как взаимодействовать с родительским комитетом. — По мере того, как я говорил, шёпот в классе становился всё громче, а лицо учительницы вытягивалось всё больше. — Но раз вы считаете, что я самый подходящий человек на эту должность, не смею спорить.

— Ну, если ты отказываешься... — начала она.

— Нет-нет, что вы, Ольга Борисовна, — кротко прервал я её, — Я не отказываюсь. Как я могу, ведь вы меня НАЗНАЧИЛИ.

Первой фыркнула моя соседка Анжелика, смешки покатались по классу, но в

полноценный ржач не перешли, классуха хлопнула линейкой по столу.

— Так... Так, — повторила она, сведя брови и что-то соображая. — Я только хотела сказать, что ты можешь взять помощников. Двоих, я думаю, будет достаточно.

— Отлично, — лучезарно улыбнулся ей я, поворачиваясь к классу. — Тогда, думаю, Карпова Сашу и... кого-то из девочек, кто-нибудь хочет?

Поднялся шум. Бочкарёв возмущённо взглянул на меня, видимо, рассчитывал, что я выберу его. Я подмигнул ему и одними губами прошептал «Потом». Карпов растерянно переводил взгляд с меня на классную, с неё на других учеников, кажется, не понимая, возмущаться ему или не стоит.

Девочки, видимо, стеснялись прямо сказать: «Я хочу!», и поэтому предлагали друг друга, предложенные типа стыдливо отказывались.

Классная стояла и с поджатыми губами слушала гвалт — было ясно, что она уже потеряла контроль над ситуацией и ничего не решит. Пока она бездействовала, я уловил имя, которое звучало чаще всех, и принадлежало невзрачной девочке в веснушках, сидящей на третьей парте третьего ряда. То есть, получается, во время уроков я её и не видел толком, когда украдкой обзирал класс.

— Наташа Петрова, ты согласна стать заместителем старосты? — спросил я, и, не дожидаясь ответа, громко сказал, — Голосуем!

Все руки взметнулись вверх. Я специально обернулся — даже Анжелика была «за».

— Принято! Голосуем за Александра Карпова как второго заместителя! За? Против? Воздержались? Ээээ, ну, насколько я вижу, явное большинство «за». Как вы думаете, Ольга Борисовна, стоит ли оформить бюллетени с подсчётом голосов?

Классуха нервно раздувала ноздри.

— Я думаю, и так всё понятно, — процедила она.

— Итак, — объявил я. — По итогам классного часа старостой назначен Иван Белов, его заместителями выбраны Наташа Петрова и Александр Карпов. Сведения о ближайших мероприятиях в классе будут объявлены дополнительно. Так ведь, Ольга Борисовна?

Я с милой улыбкой повернулся к учительнице. Она нервно кивнула.

— Урок окончен, можете идти.

Все похватили сумки и бросились к дверям. Я же подошёл и сел на первую парту перед учительским столом.

— Чего тебе ещё? — прошипела Ольга Борисовна, собирая со стола ручки, журнал и тетради. Кажется, она тоже намеревалась покинуть кабинет.

— Ну как же? А документы, регламентирующие обязанности старосты? — наивно спросил я. — А план мероприятий? Кажется, в фонд класса была собрана совсем не маленькая сумма! Нужно ведь решить, на что её тратить.

— Фонд класса тебя никоим образом не касается!

— Да? Почему это? Я представитель этого класса, вообще-то.

— Потому что это решает родительский комитет!

— Ну отлично. И кто в него входит? И когда ближайшее собрание?

— Это не твоё дело!

— Да неужели? Там и деньги моих родителей, на минуточку. И я, как староста, просто обязан проследить за целевым использованием средств.

Классная злобно прищурила глаза, прямо как тогда в фойе, но сейчас мне страшно не было. Сама меня старостой сделала, идиотина, получи же! Но она внезапно улыбнулась.

— Что ж, пожалуйста, в родительском комитете пять человек: мамы Петровой Наташи, Малыгина Игоря, Карташова Саши, Насти Галденковой и папа Анжелики Олейник. Когда собрание, меня пока не проинформировали.

Я быстро достал тетрадку и записал фамилии.

— А что насчёт обязанностей старосты, где о них узнать?

— Обязанности простые — следить за соблюдением графика дежурств, передавать журнал на следующий урок, и в целом помогать учителям с оргвопросами. Ну и участие в мероприятиях.

— То есть отдельного документа по старостам нет? — вцепился я в тему, с которой мне не хотелось съезжать.

Она пожала плечами.

— Я уточню, но вроде нет.

— Значит, разработаем, — пробурчал я под нос, записывая.

— Ну, это всё наконец-то? — с раздражением спросила она.

— Ещё про план мероприятий вопрос, где его посмотреть?

— В первой четверти из общешкольных — концерт ко Дню учителя и Осенний бал. С классными мероприятиями должен определиться родительский комитет — какие экскурсии и куда. — И, увидев, что я уже открыл рот для уточнений, резко сказала: — Всё, мне некогда, Белов, выметайся из кабинета.

Я решил не обострять и вымелся, вежливо попрощавшись. Звеня ключами, Ольга Борисовна удалилась по коридору, а я остался. Подошёл к окну и прислонился лбом к холодному стеклу. Было грустно, домой не хотелось. Я не то чтобы жалел, что ввязался в эту тягомотину — просто шквал эмоций, захлестнувший меня после назначения старостой, иссяк. Однако попробовать себя в общественной работе было интересно. Ничего доказывать нашей училке я не собирался, но раз уж так получилось, то выложиться я собирался по полной. Медленно я побрёл на выход, и удивился, увидев в школьном дворе не только Макса с Ариной, но и Карпова с Наташей Петровой. Карпов решительным шагом устремился ко мне.

— Что за хуйня, Белов? Зачем ты меня назвал замом? — Он попытался грозно нависнуть, видимо, забыв, что я ненамного ниже него. О, а мальчик-то интеллигент — я уловил и заминку перед «хуйня», и пятна на щеках, когда страшное слово всё же выскочило из него. Ути какой!

— А чего? Не хочешь, что ли? — простодушно спросил я. — А почему сразу не сказал?

Он растерянно замигал.

— А... это...

— Ну, — я потёр переносицу. — Я просто подумал, ты ведь и так лидер в классе, тебя все любят, слушать будут...

— Я? Лидер? — недоверчиво переспросил он, отступая. — С чего бы?

— Не знаю... Мне показалось. Ну там, на МХК за тебя все поднялись. Да и на физ-ре видно было, что ты толково командовал... Нет, что ли?

Карпов недоумевающе вглядывался мне в лицо, ища насмешку, я лупал на него честными глазами.

Подала голос тоже подошедшая Наташа Петрова.

— Лидер у мальчишек — Дима Гайворонский, — тихо сказала она.

— Какой ещё Гайворонский? — нахмурился я. Такая звучная фамилия показалась мне

знакомой, я явно её слышал, но не понял, про кого она говорит.

— Да он ещё с каникул не вернулся, — объяснила она. — В понедельник придёт, наверно. Я слышала.

— А-а. — Больше я не знал, что сказать. Во я осёл — всю неделю пытался выявить лидера, который, оказывается, ещё отдыхает.

— А почему ты нас не позвал в замы? — спросила Арина, ревниво поглядывая на Наташу.

— Ну ты новенькая, тебя бы не выбрали, — сказал я. — А про Макса я потом скажу, раз сами не поняли.

Макс хмуро глядел на меня, слушал, но ничего не говорил.

— И что теперь? — в пространство спросил Карпов.

— Ну, я думал, ты журнал поносишь... А ты бы, Наташа, мне на переменах школу показала. Ну давайте хоть на недельку, до следующего классного часа, — просяще посмотрел я на них. — А там уже откажетесь, придумаем что-нибудь. А?

— На недельку? — явно приободрившись, переспросил Карпов. — Ну ладно, на недельку можно. Тем более, если только журнал носить.

— А чего ещё-то? Только ты смотри, журнал никому не давай, а то наставят себе пятёрок, ты же крайним окажешься.

— Да ну, не дураки же у нас! — отмахнулся он.

— Ну вот и ладушки!

Мы вместе вышли за ворота и разошлись. Макс с Ариной пошли по обе стороны от меня.

— Я так распереживалась! — возбуждённо начала Арина. — Чего это ей в голову пришло тебя старостой выбрать?

— Чтобы я облажался, конечно. Чтобы было, чем мне в нос тыкать — или тем, что я отказался, или тем, что я облажался. Что за Гайворонский там? — вспомнил я, обращаясь к Максусу.

— Ну такой, — скривился он. — Крутой, типа.

«Крутой» в это время могло означать всё, что угодно. Арина тоже заинтересовалась, перебежала по другую сторону от Макса.

— Богатый, что ли? — небрежно спросила она. — Или шмотки крутые, или что?

— Понятия не имею, какие у него шмотки. Ну, не бедный. И такой... На всех смотрит, как на говна кусок.

— А почему лидер тогда? — не отставала Арина. — Харизматичный?

— Какой? — не понял Макс.

— Ну, харизма у него, значит?

— Это что? — подозрительно глянул на неё Макс. Не знал такого слова, значит. Бывает.

— Ну, такая внутренняя сила как бы, которая людей привлекает. Вроде как обаятельная авторитетность. Стержень будто. Ну вот как у Вани, — неожиданно сказала она. Я аж с шага сбился. Она считает меня харизматичным? Я почувствовал, что краснею, причём очень сильно.

Макс оценивающе поглядел на меня, видимо, сравнивая с Гайворонским.

— Что-то да, такое есть... лидерское. Может, и эта... харя.

— Харизма, — закатила глаза Арина.

— Ну! — подтвердил Макс. — Только Ваня нормальный, а Гайворонский стервятник.

— А учится он как? — спросил я.

— Нормально учится. Хорошо даже.

— Поня-ятно, — протянул я, хотя мне ничего не было понятно. Крутой, стервятинка...

Что-то мне подсказывает, что мы не подружимся. Но стало интересно.

— Так почему ты нас в замы не позвал? — вернулась к теме Арина.

— Да потому! Она того и хотела — чтобы я вас позвал. Макса, по крайней мере. Чтобы вместе нас сгнобить. Наверняка у неё уже несколько подстав готово. А так вы, со стороны, может и заметите чего, и поможете. Да и вообще так лучше. Получается, что нас больше как бы стало.

— Нас? — переспросил Макс.

«Тех, кто за меня», — хотел сказать я, но как-то это было... самонадеянно.

— Тех, кто против её произвола, — аккуратно подобрал я определение. Но всё равно получилось не очень.

— На Петрову не очень-то рассчитывай в этом смысле, — посоветовал Макс, останавливаясь у перехода, куда мы должны были с Ариной идти.

— Слушайте, мы же совсем не поговорили про наше дело, — спохватилась она. — Про пропавшего соседа!

Я вздохнул.

Глава 23. Маскировка

— А чего? — не понял Макс. — Ты ж сказала, он в больнице, выйдет и всё расскажет.

— Вот именно, — многозначительно произнесла она. — Нас, наверно, в милицию вызовут.

— Зачем это? — передёрнул плечами Макс. В его голосе проскользнула тревога.

— Ну а как — надо ведь показания сверить, и вообще — похитили человека, деньги то ли украли, то ли нет, бомбу искали, и что — никто ничего выяснять не будет? — Арина покрутила пальцем у виска.

Макс в отчаянии глянул на меня. Я кивнул.

— Да, сто пудов нас затаскают. Менты не учителя, на Верку не отвлекутся, их не заморочишь.

Макс побледнел так, что его тёмные глаза на белом фоне лица казались нарисованными, как в аниме.

— И что делать? — прошептал он.

— Мы же ни в чём не виноваты, — постарался я его успокоить. — Расскажем, что видели, и всё. А что придумывали, не расскажем, может, и не так всё было, зачем милицию пугать. Вот и всё.

Но Макс не успокоился, а, кажется ещё больше перепугался.

— А что мы видели? Я уже забыл, — забормотал он, и вдруг взвыл. — Я же купюру упёр!!

— Ты? — удивилась Арина.

— Фальшивую, — напомнил я, не понимая его паники. — Ну скажешь, что это я упёр, и тебе дал проверить. Кстати, как ты её проверял?

Но он как не слышал. Вцепился себе в волосы двумя руками и раскачивался, как сомнамбула. На нас стали оглядываться. Эх его вштырило на ровном месте. Уйти сейчас и оставить его так сделалось невозможным.

— Ладно, идём ко мне, обсудим всё, — неохотно позвал я. — Только ненадолго, сегодня у родителей короткий день.

Я взял Макса за локоть и потянул в переход. Руки у него дрожали, и вообще он был в неадеквате, Арина это тоже заметила, подозрительно щурясь на нас. Опять сегодня до парикмахерской не дойду, — мрачно думал я, — когда уже закончится эта дурацкая история? Надо было тогда сразу валить, не обсуждать ничего, не высказывать догадку про фальшивые доллары! Хотя... тогда бы это всё плохо кончилось для мужика. А вдруг... Меня как молнией прошибло — а вдруг я изменил историю? Мало ли что это был за мужик, и что он теперь в жизни натворит!

Я бросил тащить Макса и замер на ступеньках перехода. Почему мне это раньше не приходило в голову? Вдруг вокруг уже какая-то другая реальность? Ох, блин, что же делать? Надо всё вернуть взад!

— Ваня, ты чего? — выдернул меня из мыслей голос Арины. Я вдруг понял, что дышу, как загнанная лошадь, а взгляд мой мечется по сторонам, ничего не замечая. Так, спокойно, спокойно. Мир вокруг никуда не исчез. Видимо, вмешательство было совсем маленьким. Если вообще было — я ведь не знаю, как бы всё закончилось, будь тут настоящий Ваня в своём теле. Может, мужик и без меня избежал бы смерти. Или моё вмешательство вовсе ни

на что не повлияло — ну, подумаешь, остался жить один человек, это же всего лишь песчинка во Вселенной. С чего я взял, что мир может исчезнуть? Ведь я тут уже больше месяца, и уж наверняка сто отличающихся от Ваниных поступков совершил. Во меня накрыло-то! Вообще не вовремя, вон как Макс с Ариной пялятся.

— Я... просто кое-что забыл... Неважно!

И я побежал по ступенькам наверх, не забываясь, следуют ли за мной мои спутники. Но они, конечно, догнали меня. Нет худа без добра — Макс вроде пришёл в себя.

От меня Арина первым делом позвонила домой, что задержится. Потом мы подкрепились шами, и заняли те же места в гостиной, что и позавчера. Я почувствовал, что как-то Верки даже не хватает.

— Ну давай, рассказывай, в чём проблема? — обратился я к Макс.

Он вздрогнул.

— Какая проблема?

Я внимательно посмотрел на него.

— В чём проблема ответить правду на вопросы милиции о Викторе Николаевиче?

Макс молчал, разглядывая ногти. Арина нахмурилась.

— Ну? — не выдержал я. — Так и расскажем — вышли на улицу, слышали крики в подъезде, решили посмотреть. Опишем внешность выходивших, не забыли их ещё? Потом, как Виктору Николаевичу помогли деньги собрать. И всё. Чего ты разнервничался-то?

— Но я же, ну... — он покосился на Арину. — Купюру взял.

— Ну и что? — Пожал я плечами. — Можно и не рассказывать, всё равно она фальшивая.

— А если это важно? — заспорила Арина. — Да и всё равно Вера расскажет.

— Может, и не расскажет. Может, родители не разрешат её допрашивать. А если и расскажет... Что такого-то? Как ты её проверял-то, скажи уже.

— Ну как — в обменник пошёл, как ещё-то! Там тётка в окошке её машинкой такой просветила, и говорит — подделка. Ну, я и убежал.

— И купюру там оставил? — ахнула Арина.

Макс замялся.

— Не совсем...

— Ты что, её забрал и потратил? — прямо спросил я.

Он убито кивнул. Вот его психи и объяснились. Арина в ужасе зажала рот ладонями. Я думал, чем это может грозить. В принципе, Москва — большой город. Если потратил не у знакомых...

— Признаваться нельзя, — твёрдо сказал я. — Сам молчи. Если Верка упомянет, то говори, что сносил в обменник проверить, а потом потерял. Не убьют же тебя за это. Где потратил-то?

— В «Длинном» магазине. Куртку купил. — Выдавил он, пряча глаза.

— Придётся выкинуть, чтобы тебя по ней не нашли.

— Да я и сам хотел... Всё равно носить не смогу...

— Нет, — вдруг вмешалась Арина. — Надо её вернуть в магазин, у них же недостача, получается, продавца обвинят.

Макс сгорбился в кресле, но замотал головой.

— Нет, нет...

— Действительно, — поддержал я, — только внимание привлечём.

— Но это нечестно! — закричала Арина. — Это воровство!

Макс вздрогнул и съёжился сильнее. По его щеке скатилась слеза. Арина осеклась и уставилась на меня в растерянности. Я чуть не застонал вслух — ну какие же они дебилы.

Как же поступить? Я задумался. Настоять, что возвращать куртку опасно? Так и есть — фальшивку наверняка уже обнаружили, и Макса вспомнили. Может, и в милицию заявили. Но... его этот поступок явно гнетёт, да и Арина, опять же... Нет, надо помочь. О боже, за что мне это всё!

— Ладно, — с показной неохотой процедил я. — Операция «Возврат» объявляется открытой. Всё проверить надо сегодня, край — завтра. Нужен план.

Вот чего я не ожидал — что мои слова вызовут у Макса истерику. Он зарыдал в голос, содрогаясь всем телом. Блин, ну ваще! Первым делом я выпер Арину на кухню, нечего ей глазеть. Прихватил там кувшин с водой и стакан, вернулся в гостиную и решил немножко переждать, прежде чем бить его по морде или обливать. Завидев меня, Макс через слёзы, сопли и слюни стал пытаться меня обнимать и что-то объяснять. Как он мне благодарен, и что он всегда мечтал о таком друге, и что больше никогда-никогда! Я молча слушал, пока его причитания не иссякли вместе со слезами, дал ему напиток и сводил умыться. Уложились в двадцать минут. Уфф!

Заглянул на кухню, и увидел, что Арина перемыла всю посуду и теперь сидела, болтая ногами, грызла сушки и смотрела в окно. Пригласил её обратно, на выработку плана.

Мой — просто бросить пакет с курткой на прилавок и убежать — забраковали сразу. Во-первых, по магазину бродит охранник, один на все отделы, но тем не менее. А во-вторых, оказалось, что бросание неизвестными пакетами очень не рекомендовалось после недавних взрывов в метро. Нас бы просто разорвали на клочки, вздумай мы бросать какие-то пакеты! Взрывы в метро произошли ещё до моего попадания, но из памяти людей ещё не стёрлись, и все вокруг бдили по мере сил.

Макс, хотя разбил мой план в пух и прах, но своего не смог предложить.

У Арины тоже плана как такового не было, но она настойчиво предлагала замаскироваться. Я думаю, это было вызвано книжками про Тайноискателей, которые во множестве присутствовали в её комнате, так что я, наконец, не выдержал:

— В кого замаскироваться — в подручного мясника? И как это будет выглядеть?

Арина надулась.

— Блин, думайте быстрее, а то у меня скоро родители придут! Если не придумаете, то завтра просто отправим почтой, надо только точное название отдела узнать.

— О, придумала! — тут же завопила Арина. — Ты переоденешься — (тут я скрипнул зубами) — в почтальона, и доставишь им посылку с курткой!

— Хм, а что? Нормально! — одобрил Макс.

Я прикинул риски. Вообще-то курьерская доставка тут совсем не развита, но наверняка уже существует. Может, и прокатит.

— Не в почтальона, а в курьера частной транспортной компании, сокращённо «ЧАК». — Начал я на ходу додумывать детали.

Но Арина почему-то заспорила.

— Нет, давай в почтальона.

— И где мы официальные почтовые бланки возьмём? — рассердился я. — И как, по-твоему, одеваются почтальоны? Как Печкин — в плащ, ушанку и кирзовые сапоги? Да меня за бомжа примут!

— Нет, погодите! — прервал меня Макс. — Бланк всё равно нужен, давайте на почте и возьмём. И упаковочную бумагу.

— Лучше коробку, — вставила Арина.

Я вовремя захлопнул рот — чуть не предложил бланк на компьютере напечатать.

— Коробка у меня есть, — вспомнил я, вышел на балкон и вернулся с аккуратной картонной коробкой без всяких надписей. — Что ещё понадобится?

— У курьеров ещё такие дощечки с зажимом сверху, для бумаг, — вспомнила Арина, — и к ним ручка обычно привязана.

— Купим в «Селене», я видел такие в продаже. Всё равно по дороге. Ручка и верёвочка найдётся.

Я пошёл в свою комнату и быстро разыскал требуемое.

— Всё равно тебе нужно как-то изменить внешность, — бурчала Арина. — Вдруг тебя потом узнают?

— Ну и что? Узнают так узнают. Курьером работать не запрещено.

— Всё равно!

— Ну хорошо, что ты предлагаешь? Ни париков, ни накладных усов у меня нет.

— Можно зуб чёрной краской замазать, — с воодушевлением предложила она. — Получится, будто у тебя зуба не хватает.

— Краска сотрётся слюнями, — засомневался Макс.

— Можно фломастером.

— А вдруг потом не очистится? Что ему, с серым зубом ходить?

— Так, нет, — вмешался я. — Зубы красить не буду!

— Ну, ещё можно небритость сделать, тёмными тенями слегка подбородок намазать. Форму бровей изменить, карандашом косметическим.

Я застонал.

— Арина, у меня брови светлые! Если я их покрашу карандашом, буду похож на пидора. А тени будут смотреться, как грязь! Кончай фигнёй страдать!

— Ну ещё можно веснушки нарисовать. Ну Ваанечка, — умоляюще протянула она.

— Да блин!

— Да ладно тебе, Вань, соглашайся на веснушки, — вдруг поддержал её Макс. — Всё-таки чужая особая примета не помешает.

Не знаю, как это произошло, но я позволил себя уговорить. Арина мигом проинспектировала мамину косметику, нашла подходящий коричневый карандаш и быстро истыкала мне всё лицо. Кстати, я при этом вдруг заметил, что прыщи у меня уже начали исчезать, хотя лосьоном я пользуюсь всего третий день. Это меня так обрадовало, что я перестал ворчать на «маскировку». Ещё пришлось озаботился тем, чтобы смочить платок маминым косметическим молочком и упаковать его в пакетик, для снятия маскировки после.

Глава 24. Операция "Возврат"

Наконец, мы вышли из дома, почти перед самым приходом родителей. Главное, никого из знакомых не встретить с этими веснушками. Я ещё надел старую Ванину зелёную ветровку, которую не планировал носить.

Арина несла пустую коробку, а я — её сумку. Она не стала заносить её домой, чтобы не тратить время. Мы перешли проспект обратно и разделились — Макс пошёл к себе за курткой, а мы с Ариной в «Селену» за курьерским планшетом с зажимом. Там же Арина привлекла моё внимание к наклейкам-алфавиту. Я просёк её идею, купил и этот алфавит, и кепочку вырвиглазного зелёного оттенка. Подумав, добавил ещё скотч, чтобы упаковать посылку. Встав в сторонке, мы приклеили на кепочку буквы «ЧАК».

— Как в лучших домах Парижа и Филадельфии, — довольно сказала Арина, любуясь «фирменной» кепкой. Потом бросила её в коробку, и мы поспешили на почту — Макс должен был подойти сразу туда, ему быстрее было добраться дворами. Проходя мимо ряда таксофонов, я невольно бросил взгляд на тот, по которому звонил позавчера вечером. Будка-то была на месте, а вот сам телефон внутри не висел. Неужто изъяли для каких-то экспертиз? Стало тревожно.

Макс уже стоял у входа.

— Видел? — шепнул он, кивнув на таксофон.

Я кивнул.

Внутри почты Макс быстро требовал с женщины в окошке бланк для посылок, потом прошёлся по столикам, которые были расставлены по всему помещению, и нагрёб ещё каких-то бумажек. Мы сели за один из таких столиков, и Макс запихал пакет с курткой в коробку, тоже полюбовавшись на кепочку. Арина красивым почерком стала заполнять бланк.

— Какой адрес отправления писать? — вполголоса спросила она. Тут все говорили очень тихо, как в музее.

— Москва, — начал Макс и задумался.

— Надо из другого района, и не жилой дом чтобы, — подсказал я. — Вон справочник лежит, найди что-нибудь.

Макс послушно встал и полистал толстый справочник «Алло, Москва», привязанный к полке верёвкой.

— Пиши: Большой Лёвшинский переулок, дом 12, строение 1.

Арина написала.

— А что по этому адресу? — на всякий случай спросил я.

— Музей скульптур каких-то, — отмахнулся Макс.

— А как отдел в «Длинном» называется? — спросила Арина.

— Не знаю, — растерялся Макс.

— И как они, по-твоему, поймут, что это им посылка? — зашипела она.

— Обычно на отделе висят бумажки «ЧП такой-то», надо пойти и посмотреть, — вмешался я.

— Я не могу, вы же знаете, — несчастным голосом сказал Макс.

Блин, опять проблемы на ровном месте.

— Так. Ты, Арина, зайдёшь в магазин и посмотришь название отдела, мы подождём на

улице. Выйдешь и подпишешь бланк. Потом вернёшься в отдел и будешь там что-то мерить. Я приду, вручу посылку и уйду. Если что-то пойдёт не так, завизжишь, чтомышь увидела, уронишь что-нибудь с витрины, и я сбегу. А если всё хорошо, останешься и послушаешь, что будут говорить, когда посылку откроют. Всё ясно? Вопросы?

— У меня вопрос, — восторженно зашептала Арина. — Ваня, как у тебя получается такое выдумывать прямо на ходу?

— Ващце, — поддержал её Макс.

— Давайте восторги потом, — остановил их я. — Всё понятно? Запаковываем?

Арина в последний момент выхватила из коробки планшетку, к которой я уже привязал ручку. Чуть не запаковали. Обрезав скотч тупыми ножницами, тоже привязанными к столику, мы покинули почту под равнодушными взглядами тётенок в окошках. Кажется, они совсем не расстроились, что мы не стали ничего посылать, оглянувшись, отметил я.

Всё прошло как по маслу.

— «ЧП Черноморец А.А.», — вывела на бланке Арина, вернувшись из магазина, и побежала обратно.

Я выступил через пять минут, отправив Макса страдать на лавочку в ближайший двор, и нахлобучив кепочку.

— Добрый день! Посылка для «ЧП Черноморец А.А.», — бодро сказал я девушке-продавщице. — Сюда можно поставить? Распишитесь! До свиданья!

Шторка примерочной колыхнулась — Арина высунула любопытный нос. Я поспешил смыться.

Арина подошла к нашей лавочке минут через десять, вся недовольная.

— Она просто поставила коробку к стене, и вскрывать не стала, — пожаловалась она. — Готовились, готовились, и за минуту всё закончилось...

— Слава богу! — с облегчением выдохнул Макс. — У меня минуты спокойной не было. Ужас какой-то. Чтобы я ещё когда-нибудь!..

— Дай зеркало, — обращаясь к Арине, перебил я его.

Арина заметила, что я уже стёр веснушки, и полезла в сумку за зеркалом.

— Ну вот, даже не пригодилось, на тебя и не смотрел никто.

Я придирчиво осмотрел себя в складное зеркальце и остался доволен. Выкинул в урну испорченный платок и потянулся.

— Ну всё, наконец-то выходные! Бесконечная какая-то неделя была.

— Да уж, — поддакнул Макс. — Даже не верится, что неделю назад были ещё каникулы.

— Это точно, — Арина спрятала зеркало и вскинула на плечо сумку.

Мы побрели в сторону Ленинградского проспекта.

Глава 25. Интеллектуальный отдых

В субботу я кайфовал. Родители, как и собирались, уехали на дачу за бабушкой. Мы вместе позавтракали, и вместе вышли из дома, они сели в машину и укатили, а я пошёл в парикмахерскую. Наконец-то.

Вернувшись, выпил чаю и сел за уроки. Сделал не только на понедельник, а вообще всё, что можно. Почитал учебник литературы подальше, чем требовалось, заполнил дневник.

Вспомнил про «Двух капитанов» и зарылся в мешки с книгами, сваленные в гостиной. Нашёл и начал читать. Книга была не то, чтобы скучной, но какой-то пустоватой. Я пропускал целые абзацы, а когда окончательно надоело, накатал «Положение о должности старосты в общеобразовательных учебных заведениях». Получилось очень красиво, но я запнулся о то, что не знал, есть ли в школе какое-то самоуправление, типа Ученического Совета, Совета Старост или чего-то такого. Да и на Федеральный закон об образовании было неплохо бы сослаться, а я даже его номера не знаю. Сидеть дома уже надоело, и мне в голову пришёл очень экзотичный вариант времяпровождения — сходить в библиотеку. Хотя, пожалуй, в этом времени это было нормально, но для меня-то это было очень необычно.

Я позвонил в справочную, и узнал, где расположена районная библиотека. Оказалось, что поблизости их две — обычная и детская. Детская располагалась подальше, в Боткинском проезде, а обычная взрослая вообще, считай, рядом, в двух кварталах. В принципе, можно записаться и туда, и туда, но я решил уточнить по телефону. А то всё-таки мне только тринадцать лет, вдруг взрослая мне не по чину, а в детской нет Федеральных законов.

В телефонных переговорах выяснились любопытные детали — обе библиотеки состояли из читального зала, где книги не выдаются на дом, и «абонементов», то есть таких отделов, где как раз выдаются. Но законы были только в читальных залах, то есть взять домой я бы их не смог ни там, ни там. Но, в принципе, мне и не надо, я могу и в читальном зале посмотреть.

Я быстренько собрался, прихватил из серванта своё Свидетельство о рождении и пошёл в библиотеку. Ощущения были довольно необычными, я поймал себя на том, что даже слегка волнуюсь — всё-таки *в библиотеку* иду.

Свидетельство не понадобилось — в читальный зал пускали и так, и после десятиминутного ожидания выдали нужный мне закон. Был он совсем свеженьким, этого, 1996-го года, и со странным, обратным, номером: № 12-ФЗ.

Я бегло пролистал его, вычленив то, что мне нужно — уже есть такие формы образования, как семейное, самообразование и экстернат, и допускается их сочетание. Хм, может, стоит русский сдать экстерном, чтобы классуха не придиралась? Были и сюрпризы — например, учредителем образовательного учреждения мог быть и просто гражданин, в том числе и иностранец, а ещё бросить школу можно только с согласия родителей и при достижении пятнадцати лет. Не то, чтобы я собирался... Ещё из интересного были льготы по налогам учредителям образовательных учреждений, и то, что от имени школы можно вести предпринимательскую деятельность, покупать акции, например, или что-то производить и реализовывать, а вот репетиторством хоть и можно заниматься без лицензии, но регистрационный сбор (не знаю, что это) нужно платить. А ещё школа должна государству возместить ущерб, причинённый некачественным образованием, если учеников пришлось переучивать...

В общем, я просветился достаточно, сдал книжечку с законом и отправился домой. Обед уже хорошо улёгся, так что я провёл полноценную двухчасовую тренировку, принял душ, а там уже и родители приехали.

Мама была в полном восторге от дачи — от её расположения, от участка, от речки, от дома и от мебели в доме. Даже жалела, что бабушка, по каким-то своим причинам, так рано вернулась в город, и меня не отправить на выходные «дышать воздухом».

Я слушал с дальним прицелом — как уже выяснилось, у бабушки был только один ребёнок, мой отец, так что я единственный потенциальный наследник всех богатств. А дача, как оказалась, была куплена бабушкой только в этом году, мама там за лето ни разу не побывала, и теперь многословно сожалела об этом, упрекая отца, что он скрыл от неё такую красоту, при том, что ребёнок после болезни был вынужден торчать в душном городе. Отец мрачно огрызался.

Перед сном мама напомнила, что завтра мы едем к бабушке в Ясенево, помогать с уборкой и разбором вещей. Я не возражал.

Глава 26. Идентификатор попаданца

От визита к бабушке я ничего особенно не ждал — ну приедем, попьём чаю, поможем какие-то дачные вещи разобрать. Надо ведь хотя бы узнать, как она выглядит, поскольку её фотографий в семейных альбомах не нашлось. А то вдруг окликнет меня на улице какая-то старушка, или домой к нам придёт, или в школу, а я бац — и родную бабушку не признаю. Странно может получиться.

Отец всю дорогу ныл, как ему трудно ехать в такую даль, да ещё второй выходной подряд, да что сама бабушка его об этом и не просила, да что и живёт она получше многих, спасибо, хоть с него денег не тянет. Честно говоря, такое отношение взрослого мужика к собственной матери казалось мне просто отвратительным. Получше многих она живёт, ну не урод ли? Деньгами он ей точно не помогает, это и мама упоминала. Видал я на улицах стариков, которые всю трудовую жизнь строили коммунизм, и вдруг оказались посреди Перестройки. Вряд ли кто из них доживёт до спокойных времён и «московского долголетия». Грустно.

Я наклонился с заднего сидения и тронул маму за плечо.

— Мама, когда тебе будет, как бабушке, я обязательно буду приезжать, и на дачу тебя возить, и всё тебе покупать, что захочешь, — как можно более наивно сказал я.

Отец заткнулся, нахмурился, и дальше ехали молча.

Бабушка меня поразила. Это оказалась не старушка с гребёнкой в жиденьких волосах и в бесформенном стареньком платье, нет. Это была пожилая Дама. Вот прям Дама! В широких брюках и лёгкой блузке, с покрашенными губами, с причёской! Ростом она была примерно с меня, во всяком случае, ей не пришлось наклоняться, чтобы расцеловать меня.

— Ванечка, дружок, как мы давно не виделись! Ты изменился! Выглядишь гораздо взрослее.

— Здравствуй, бабушка! Приятно слышать, — я улыбался, и выглядел, наверно, глупо, но почему-то я был ужасно рад, что моя бабушка оказалась именно такой.

— Скорее мойте руки, сейчас будет чай!

Сняв кроссовки, я наконец-то огляделся, и увиденное поразило меня не хуже бабушки-дамы. Я ошеломленно глядел вокруг, и это, конечно, не укрылось от хозяйки квартиры.

— Ах да, ты же ещё не был у меня, ведь я уехала на дачу сразу после ремонта! Давай я проведу тебе экскурсию, похвастаюсь! — довольная моим удивлением, предложила бабушка.

А удивился я потому... Ну, короче, вокруг был дизайн двадцать первого века. То есть буквально, как в двадцатом или двадцать втором году. Светлые стены, светлая мебель, замысловатые, но простые светильники, яркие акценты типа пуфика и картины на стене... И ничего лишнего, и всё на своём месте. По сравнению с нашей просторной, но захлавленной всякой всячиной квартирой — просто небо и земля!

Я стоял посреди гостиной, а пожилая женщина с удовольствием рассказывала, как она всё организовала. От окна в углах комнаты симметрично стояли столы: справа — письменный, а слева — со швейной машинкой. От него дальше по стене шли стеллажи — ближайший со всякими швейными прибрдами, сложенными в корзинки почти как из Икеи, а следующие с книгами. В углу стоял невысокий комодик с телевизором на нём, а диван, с которого предполагалось смотреть тв, стоял у противоположной стены. И в этой же стене был дверной проём, ведущий на кухню. Посреди комнаты стоял круглый стол с двумя

стульями, но при этом, благодаря грамотному оформлению, комната не казалась загромождённой.

— Пришлось делать перепланировку, вот этот проход на кухню, раньше он был прямо у входной двери, очень неудобно. Зато теперь у меня гостиная-столовая для приёма гостей, и рабочий кабинет! На кухне, конечно, столик тоже есть, мне большой ведь не нужен, — объясняла хозяйка.

Мы прошли на кухню, и как раз вернулись родители, мывшие руки. Кухонный гарнитур был нежно-голубого цвета, а стены просто покрыты белой штукатуркой, без обоев.

— И что за удовольствие жить в голых стенах? — фыркнул отец.

— Сейчас такие красивые обои продаются, — робко поддержала его мама. — Виниловые, флизелиновые, всякие!

Но бабка оказалась не промах, не поддалась на провокацию:

— Вот у себя дома и клеите красивые. А мне нравится так. Пойдём, Ваня, спальню покажу, — и гордо подняв голову, вышла из кухни.

— Мне очень нравится! — утешил я её. — Всё так красиво и... — я запнулся, не зная, как выразить, — современно.

— Современно? Забавно, — усмехнулась женщина.

Спальня была в зелёных тонах, и очень уютная, здесь хотелось отдыхать. Без всяких атласных покрывал, расшитых индийскими рисунками, как у моих родителей. Одну стену полностью занимал шкаф-купе со светлыми дверцами. Кровать, у окна кресло под торшером, парное к тому, что стояло у меня в комнате.

Бабушка посетовала:

— Не успела найти кресло под стиль, хочу, знаешь ли, такое вольтеровское, с «ушами». Как у Шерлока Холмса в фильме. А это убожество выкину наконец-то.

Я обиделся.

— Чего это «убожество»? У меня в комнате такое же, между прочим.

— Да? — удивилась бабушка. — Но вроде вы купили новую мебель? Ирочка говорила.

— Вот у неё и спроси, — выкрутился я. Ещё не хватало, сейчас начнёт сравнивать, как было, как стало, а откуда бы мне знать.

Бабушка нахмурилась и поспешила в гостиную, бросив мне на ходу:

— Иди руки помой пока.

Ну, я пошёл мыть. В ванной тоже явно была перепланировка, её сделали совмещенной с туалетом. Один угол был свободен, туда отлично бы вписалась душевая кабина... если бы они были доступны. Честно говоря, не знаю, когда они появились.

Когда я вышел, то застал отголоски какой-то ругани, кажется, бабушка за что-то выговаривала родителям, но при виде меня свернула разговор, и принялась злобно накрывать стол в комнате. Я помог притащить стулья с кухни и занял место. Откуда-то появилась кошечка необычного коричнево-черепахового окраса.

— Гермиона! — позвала её бабушка, и я вздрогнул. Какая, нафиг, может быть Гермиона сейчас? Но через мгновение я вспомнил, что это вроде греческое имя, и у Шекспира в «Зимней сказке» тоже была Гермиона. Вот, наверно, бабушка удивится лет через пять, когда «Гарри Поттер» начнёт шествие по миру.

Кошечка между тем, осмотревшись, ловко запрыгнула маме на колени и быстро цапнув с её бутерброда кусок копчёной колбасы, молниеносно скрылась за диваном.

— Десять баллов Гриффиндору! — заржал я, уверенный, что мою шутку никто не

поймёт.

Мама испуганно ахнула, отец зачем-то вскочил, видимо, собрался колбасу отнимать, а бабушка... Бабушка прижала стиснутые руки к груди и смотрела на меня совершенно круглыми глазами.

— Невоспитанное животное, — бубнил отец, не замечая такой странной реакции, но мама махнула на него, встревоженно спрашивая:

— Нинель Фёдоровна, что с вами? Вам плохо? Да подумай, колбаса!

Бабушка смотрела на меня, как на привидение. Я занервничал под этим странным взглядом. Наконец, она с трудом выдавила:

— Ты... кто... такой?

Мама испуганно прижала руки ко рту. Отец застыл у стола. Я растерялся. Кажется, меня спалили. Но как? Она что, поняла, что перед ней не её внук... по словам из будущего? Она что...

— Нинель Фёдоровна, это же Ваня, ваш внук, Сашин сын, — плачущим голосом запричитала мама.

Бабушка взглянула на неё с удивлением, и как будто только что увидела, какую реакцию вызвали её слова.

— Ты что, Ирина? Конечно, я знаю, что Ваня — Сашин сын.

— Но... но... — забормотала мама и оглянулась на отца. — Нам показалось... что вы его не узнаете.

Отец крупно сглотнул и с размаху уселся на стул, будто его ноги не держали.

— Не выдумывайте, — чопорно ответствовала бабушка, уже справившись с собой, и глотнула чаю. — Возьми вот этот, с корейкой, очень вкусная, — повернула она блюдо с бутербродами другой стороной к маме. На меня она не смотрела.

Я выдал себя, и она поняла, что я попаданец, лихорадочно думал я, поглощая бутерброды. Это возможно только в одном случае — она тоже знает будущее. Ой, блин, как же это? И что она теперь предпримет? Я же вроде как её внука заместил. Или нет, если она — попаданка, то не её внука.

— Как тебе новая школа, Ваня? — спросила она, очень внимательно глядя на меня.

— Неплохо. — напряжённо отвечал я. — Там довольно интересно, хороший ремонт и в целом оснащение. А главное, недалеко от дома.

— А учителя?

— Классная — русичка, довольно равнодушная. Историк просто супер. Математик вроде тоже хорош.

— Всё равно я считаю, что все эти экспериментальные школы — сплошное надувательство, — вмешался отец. — Как будто в наше время плохо учили! Зачем ещё что-то выдумывать? Вот разве что к дому близко, это да, аргумент.

Напряжение за столом упало, и в целом чаепитие закончилось на позитиве.

Потом мама с отцом разбирали на лоджии дачные тюки, поволокли какие-то одеяла в машину, чтобы сдать в химчистку поблизости, и бабушка улучила момент, чтобы требовательно призвать меня к ответу.

— Так откуда, Ваня, тебе известно про Гриффиндор?

— Ну так из книжки, из фильма, — обтекаемо ответил я, не называя названия. Пусть сперва сама признается, что попаданка.

— Хмм... — протянула бабушка, оценивающе глядя на меня. — Ты ведь не Ваня?

— Теперь Ваня, — с опаской ответил я. — А ты? Вы?

— Расскажу позже. Надо бы сличить реальности. Путин?

— Да.

— Курск?

— Что? — затупил я, при чём тут Курск, но сразу спохватился. — А, «она утонула». Да.

— Норд-Ост?

— Это что?

— Хмм... Ну тогда Беслан.

— Ох, — передёрнул я плечами. — Да.

— Ммм, — бабушка прищурилась, раздумывая, что бы ещё такого спросить. — Крым наш?

— Наш, — согласился я. — А вы из какого года?

— Из двадцатого. Болела короной, и, видимо, умерла, точно не помню. А ты?

— Болела короной? — переспросил я, игнорируя последний вопрос. — Так вы себя помните?!

— Что? — не поняла пожилая дама.

— Вы помните свою прежнюю жизнь? Потому что я про себя всё забыл, совершенно!

— То есть как? А про Гриффиндор, значит, не забыл, и про «Курск»? — озадаченно переспросила она.

Тут прозвонил домофон — это вернулись родители.

— Нам надо поговорить подробнее, — решила она. — Я завтра приду к вам. Родители ведь на работе будут?

— Да.

— Я к девяти приду.

— Но я в школе!

— Пропустишь денёк, ничего страшного, — категорично заявила она. — Мне уже не терпится. И так ночью глаз не сомкну, надо всё хорошенько обдумать.

Я пребывал в полной прострации, и не стал возражать, когда родители, не раздеваясь, распрощались и потащили меня на улицу.

По пути, конечно, обсуждали, что за глюк случился у бабушки, раз она не узнала собственного внука.

— Это может быть началом деменции, — утверждала мама. — Это очень, очень тревожный признак! Вот у Кати так же с матерью было... — и она поведала душераздирающую историю своей знакомой, у которой мама сперва тоже пугала родственников, потом стала забывать включенным газ, порвала свой паспорт и мазала стены какашками.

— Нет, нет, что ты, Ира, — отрицал всё отец. — Не может быть, что бы у неё такое было. Её просто расстроила кошка, тварь такая.

Я помалкивал. Наконец, мы приехали домой, я закрылся в комнате и, для конспирации разложив учебник химии, стал размышлять. Ещё один попаданец, вернее, попаданка, это очень круто! Но почему в той же семье? А вдруг нас много тут таких? А вдруг мы были родственниками в первой жизни? Давно ли она здесь, в этом времени? Может, она вообще попаданка в саму себя в молодости? Голова шла кругом, да, хорошо, что она придёт утром, в школе завтра от меня было бы мало толку.

За ужином родители не переставали препираться — мама настаивала на бабушкином

обследовании, отец отнекивался. Ему просто не хотелось лишнего головняка, а хотелось, чтобы всё было случайностью и рассосалось само собой. Совершенно инертный тип!

— А раньше такое случалось? — невинно поинтересовался я. — Почему бабушка на пенсию ушла, не из-за таких проблем?

— Вовсе нет, — ответил отец, — её наоборот просили остаться. Но она сказала, что ей хватит работать, и пора отдыхать. Да ты помнишь, это ведь этой весной было, мы сразу квартиры менять стали. Она как ремонт в новой сделала, так сразу на дачу уехала.

Я кивнул — это я знал. Но только сейчас понял, что весной квартиру сменили не только мы, но и бабушка. Но ведь это не могло быть разменом — документы о продаже я нашёл на однокомнатную, и вместе с ней мы точно не жили, это я ещё раньше выяснил — она всегда жила отдельно. Ничего не понимаю.

Глава 27. Разговор с бабушкой

Утром пришлось заняться конспирацией — я встал как обычно, сделал зарядку, принял душ, позавтракал, и ушёл типа в школу. На самом деле я поднялся на двенадцатый этаж и сел на подоконник, решив скоротать час до отъезда родителей здесь, не хотелось таскаться где-то под дождём. Благо, еще не зима, и в подъезде было довольно тепло.

В девять я спустился пониже, на пятый, и понаблюдал, как родители садятся в машину и уезжают. Выждал на всякий случай ещё десять минут, и вернулся в квартиру. Домофон уже разрывался — бабушка пришла, как обещала, чудо, что не столкнулась с родителями.

Приняв у неё плащ и расположив зонт сушиться над ванной, я поставил чайник. Бабушка осматривала квартиру, она была здесь впервые после переезда, но как я понял, в просмотре подходящих вариантов принимала деятельное участие.

— Могло быть и хуже, — вынесла она вердикт, когда мы устроились в креслах в гостиной. Я было предложил попить на кухне, но она брезгливо поджала губы — гостиная и нужна для приёма гостей. — Я бы, конечно, всё сделала по-другому, но ты же понимаешь — совок есть совок.

Видимо, она имела в виду мироощущение моих «родителей», отразившемся в оформлении квартиры.

— Они просто пока не знают, что можно по-другому, — заступился я за них. — Всё-таки они родились и росли в брежневских интерьерах, и это так просто не переломишь.

— Да, ты, безусловно, прав... — она рассеянно прокручивала по ладони шёлковый шарфик, поглядывая на меня, и наконец, собравшись с духом, спросила:

— Скажи пожалуйста, а Ваня... Он... пропал? Ты его чувствуешь?

Я застыл, как молнией прошибленный. Неужели она могла решить, что я убил её внука? Пусть случайно, но убил, и занял его место! Её взгляд был непонятным — то ли она надеялась, что он есть где-то внутри меня, то ли просто спросила, чтобы знать.

— Понимаете, — осторожно начал я, — я сам не знаю. Я ничего не помню ни про себя, ни про Ваню. То есть сначала я думал, что я и есть Ваня, просто потерял память по какой-то причине. Но потом... я не знаю, как объяснить... Всё вокруг было *не таким*... И при том я ЗНАЛ, каким должно быть на самом деле. Ну, то есть, что должны быть смартфоны интернет, Путин...

Женщина напряжённо слушала, сведя брови. Я сглотнул.

— Я, наверно, непонятно объясняю... Ну, в общем, я понял, что это не я, не моё тело, то есть. Но сознание не из этого тела, а из какого, я не помню. Вы... понимаете?

— Пока не очень.

Она бросила шарфик и потёрла виски пальцами. Я обратил внимание, что ногти у неё покрашены.

— У меня всё было не так. Я прожила жизнь до старости, заболела, и меня увезли на скорой. Последнее, что я помню, это приёмное отделение, «красная зона». Мне было плохо, я потеряла сознание, а когда очнулась, поняла, что я в другом месте, в другом теле и в другом времени. Это, конечно был шок! Но я отлично помню, как меня звали, помню где я родилась, где училась, как работала!

Она посмотрела на меня с сочувствием.

— Это, должно быть, ужасно — ничего не помнить. Но ты уверен, что Ваня... что его

больше нет?

Я кивнул, опасаясь, как она это воспримет.

— Но ведь он не умер, — медленно проговорила она, о чём-то размышляя попутно, наморщив лоб. — То есть его тело... технически оно ведь живое, просто с другим сознанием... Может, его сознание тоже переместилось в другое тело? То есть он может быть где-то жив, в другом времени? Я имею в виду, он ведь не старый, как я, чтобы уйти в никуда?

— Но ведь вы ушли не в никуда, а сюда... — пробормотал я непонимающе, но тут же спохватился — женщине просто хотелось бы верить, что её внук жив, поэтому я горячо поддержал такую мысль. — Да, такое вполне может быть, наверно, он тоже перенёсся во времени! И пространстве!

— Пространстве? Почему в пространстве?

— Так неужели он бы не пришёл сюда, если он где-то рядом!

— Так может, ещё придёт? Если он в будущем? Хотя нет, ведь мы оба попали в прошлое. Ох, это не для моего ума задачка!

— Не для моего тоже, — согласился я, в глубине души надеясь, что Ваня не появится здесь, ни в прошлом, ни в будущем. — Мы можем только гадать.

Мы погрузились в молчание. Я думал о том, что ей, несомненно, повезло куда больше, чем мне, раз она помнит прошлую жизнь. Да что толку сокрушаться.

— Но послушай, — наконец, заговорила она. — Как же тебе удалось притвориться Ваней?

Я даже как-то растерялся от такого вопроса.

— Знаете, — с недоумением осознал я, — а мне и не пришлось притворяться. Я просто веду себя как обычно, и всё. Никакие старые знакомые не появлялись, а тут меня никто не знает ещё. Школа новая, место жительства новое.

— Но родители! — поражённо воскликнула бабушка.

Я пожал плечами.

— Просто решили, что я взрослею.

— С ума сойти... Хотя Ира мне говорила, что у тебя сменились вкусы в еде, и меня это обрадовало — раньше ты ел сплошные пельмени и макароны, а теперь требуешь овощи! А ещё — что ты стал меньше спорить, и помогать по дому.

— Да? Но ведь это неплохо! А что, вам пришлось сильно притворяться?

— Ты даже не представляешь, как! — воскликнула она, и стала рассказывать. *История, рассказанная бабушкой, в отдельном рассказе).

Я слушал, раскрыв рот. Просто поразительно, чего она сумела достичь, причём не привлекая к себе внимания ни органов, ни бандитов, ни, что самое удивительное, своей семьи. Короче говоря, за годы здесь моя бабушка не хило сумела приподняться, но так аккуратно, что никто ничего не заподозрил. Я был в восторге от такой бабки! Ясное дело, нам с ней по пути!

— Понимаешь, Ваня, — говорила она, — всё-таки шестьдесят лет есть шестьдесят лет. Я часто думала, что будет после меня. Завещание написала на Ирину и на тебя, но как вы им распорядитесь? Ну, Ира, понятно, всё мужу отдаст, и он, скорее всего, профукает. Но, может, хоть задумается, почему ей, а не ему. А ты... Ну, то есть Ваня? Я никак не могла представить его взрослым, понимаешь? Будет сдавать московские квартиры и жить на Гоа? Пойдёт дальше, станет преумножать капитал, или расслабится и деградирует? Но теперь-то всё будет по-другому...

— Да, — задумчиво протянул я. — по-другому... Я-то рассчитывал спокойно закончить школу, и с появлением интернета там занять нишу, пока конкурентов нет.

— Да? И в какой области деятельности? — осведомилась бабушка, как мне показалось, немного обижено.

— Ещё не решил. Но явно что-то такое, что будет интересно молодым. Ну, то есть будущим молодым, ну, чтобы влиять как-то на них, чтобы не тупели совсем уж, — смутился я.

Честно говоря, никаких долгосрочных планов я вовсе не строил, как-то было не до того.

— То есть стать блогером? — брезгливо поморщилась бабушка.

— Видите ли, я не знаю, к чему у меня есть способности и склонность, — осторожно пояснил я. — Думаю, школа поможет мне это определить, и тогда уже можно будет строить дальнейшие планы более конкретно.

— Да... Да, ты, безусловно, прав, — прояснилось её лицо. — Интернет как таковой может стать хорошим инструментом хоть для чего. Кстати, тебе нужно называть меня на «ты» и «бабушка», а то могут возникнуть ненужные вопросы.

Мы снова погрузились в длительное молчание, размышляя каждый о своём. Я думал о том, что после её смерти мне обломится такое наследство, что о куске хлеба можно будет не беспокоиться, и действительно, надо найти дело по душе.

Время уже было обеденное, мы перешли на кухню, и основательно подкрепились, всё в таком же задумчивом молчании.

— Знаешь, что я думаю, Ваня? — после обеда заговорила бабушка, составляя посуду в раковину. Не дожидаясь ответа, продолжила. — Хотя время сейчас слегка улучшилось, по сравнению с тем, когда попала я, но и тебе придётся нелегко. Не только из-за потери памяти, а в основном из-за того, что ты ещё ребёнок.

— Да, я и сам это уже понял. В прошлой жизни я явно был старше. Я это заметил по одноклассникам — я просчитываю последствия, в отличии от них. Но иногда на меня что-то находит, и я ощущаю себя подростком. Не знаю, отчего так.

— Я не об этом, — выслушав, отмахнулась бабушка. — Я к тому, что вовсе не обязательно ждать моей смерти, чтобы воспользоваться деньгами. Я с удовольствием куплю тебе всё что хочешь, что не могут позволить твои родители.

Я как-то растерялся.

— Да вроде у меня всё есть...

Бабушка закатила глаза.

— Не глупи, Ваня. Услышать такое от подростка совершенно невозможно. По крайней мере, новую одежду я тебе точно куплю.

— Одежду? — встрепенулся я. — Да, вот это точно не помешает.

Я рассказал, как мне пришлось отстаивать своё право на носки и трусы. Бабушка пришла в ужас.

— Мы немедленно едем в ГУМ! — объявила она. — Собирайся. Денег у меня с собой достаточно. А ещё часы! Мужчине просто необходимы достойные его часы!

Я машинально взглянул на электронную «Монтану» на запястье. Стало смешно. Каждый считает, что достоин золотого Ролекса. Но все носят Монтану почему-то.

И пошёл одеваться. Бабушка в это время дозвонилась до своей портнихи Маши и пыталась стрясти с неё координаты мужского портного. Маша таких не знала, и вообще предполагала, что чисто мужских портных не осталось совсем, и предложила сама пошить

требуемое. Я, слушая разговор, робко напомнил, что ещё расту, и выкидывать бешеные деньги просто нерационально. Бабушке пришлось смириться, и договорившись о визите на сегодня, мы отправились по магазинам.

* История, рассказанная бабушкой, выложена отдельным рассказом

Глава 28. Крутой шоппинг

Дождь прекратился, на улице похолодало.

— А почему ты, бабушка, не купила себе машину? — поинтересовался я уже в метро.

Она пожала плечами.

— В прошлой жизни я не водила, и сперва мне просто в голову не пришло. И вообще — осваивать правила, незнакомые дороги в незнакомом городе, гаишники сейчас наглые, а всякие автосервисы кишат криминалом... Это того не стоит. Метро быстрее, да и бомбил сейчас полно... А вот тебе мы обязательно купим машину.

Тут бабушка вспомнила про магазин, в котором был отдел Кельвин Кляйн, и нам пришлось выйти раньше.

Да уж, ходить по магазинам с бабушкой оказалось совсем не то, что по рынку с мамой. Построив в голове мой будущий стильный образ, она чётко понимала, чего хочет, и совсем по-другому вела себя с продавцами.

— Вечная классика, но с поправкой на возраст, — бормотала она вроде как себе под нос, но так, чтобы я слышал, когда мы, огибая лужи, перемещались в следующий бутик. — Но начать всё же с базы. И элементы спортивного стиля будут кстати.

Я не возражал — платит-то она. Но в основном не возражал потому, что предложенные мне вещи действительно мне пришлись по душе — и рубашки, особенно одна, тёмно-синяя, и футболки, и лонгслив, и мягкий джемпер с V-образным вырезом, и синие джинсы, и псевдо-военные штаны с накладными карманами.

Наконец, у бабушки закончились деньги, что её ужасно раздосадовало — не хватило на обувь, ведь сейчас она продавалась в отдельных, обувных, магазинах, в которые нужно было специально идти, по дороге они нам не попались, хотя отмахали мы прилично. Улиц я не знал, но вроде как мы крутились в пределах Садового кольца.

Тут она спохватилась, что мы договорились с портнихой Машей, которая жила у Самотечного бульвара, и мы поchapали туда. Маша оказалась довольно вульгарной бабёнкой с волосами, крашеными в цвет воронова крыла. Она окинула меня таким плотоядным взглядом, что я попятился. Но оказалось, что её интерес был вполне профессиональным. Велев мне раздеться до трусов, она принялась снимать мерки. Бабушка сидела тут же, занимаясь конспирацией — срезала ценники с новых вещей и избавлялась от фирменных пакетов. Время от времени она поглядывала на меня, и когда Маша закончила, спросила вполголоса:

— Ваня, а ты бы не хотел заняться спортом?

Я вспыхнул: понятно, почему она это спросила — Ваня был хилак хилаком, но я же не виноват, что мне досталось такое тело, могла бы понимать!

— Хотел бы, но не знаю, где и как. Зарядку начал делать вот, — одеваясь, ответил я.

Она на секунду задумалась.

— Плавание! Это самое лучшее, с чего можно начать. У вас же там «Динамо» рядом.

— Ага, рынок «Динамо». К тому же я не знаю, умею ли я плавать.

— Да, проблема... Но ничего, я займусь. У моего внука будет всё самое лучшее, — повысив голос для Маши, возвестила бабушка.

Маша тем временем копалась в шкафу, недовольно прицокивая языком.

— У меня нет подходящей ткани, надо бы на Большую Дмитровку сходить, в тот

магазин, помните, мы там были, Нинель Фёдоровна? Вот хороший кусок, но его мало, на костюм не хватит, — она показала рулон тёмно-коричневой, прямо шоколадной, ткани в клетку «гленчек».

Бабушка пощупала и одобрительно кивнула.

— Пусть будет на ещё один пиджак. В конце концов, его можно и с джинсами одеть, а брюки из такого будут не очень на подростке.

— Пиджак с джинсами? — ужаснулась Маша. — Ну вы и выдумаете, Нинель Фёдоровна. Ещё скажите, сарафан с кедами можно носить!

Бабушка заразительно рассмеялась.

— Сарафан с кедами? А что, вдруг и такая мода будет!

Маша фыркнула, показывая своё отношение к таким фантазиям, я спрятал ухмылку.

— Что ж, — подвела итог бабушка, — главное сделано, мерки сняты. Остальным я займусь сама.

— Только, пожалуйста, ткань в полоску не берите, — попросил я. — А то буду как итальянский мафиозо.

— Не беспокойся, Ваня, всё будет отлично, — бодро заверила меня бабушка.

Мы ещё выпили у Маши чаю с капустными пирожками, и вышли на улицу. Бабушка решила пройтись до метро «Цветной бульвар», и там сесть на свою серую ветку. Мне это было не очень удобно, но я всё же решил тоже спуститься в метро, а не ждать троллейбус. В итоге до дома я, нагруженный огромным пакетом с новой одеждой, добрался лишь в половине восьмого, родители уже были дома.

— Ваня, что происходит? Где ты был? — это мама выскочила в прихожую на звук ключа. Уставилась на баул, который я притащил с собой, но не отвлеклась на него. — Мне на работу позвонила Ольга Борисовна, говорит, тебя не было в школе!

Упс! Совсем забыл согласовать показания с бабушкой по этому поводу.

— И почему ты не сказал, что тебя выбрали старостой? — продолжила она допрос, не давая мне ответить.

— Потому что меня не выбрали, а назначили, чувствуешь разницу? — озадачил я её контрольным вопросом.

— Что-то нет, — сварливо ответила она. — Результат-то один. А ты промолчал!

— Потому и молчал, что меня назначили. А сегодня, наверно, уже назначили кого-то другого.

— Ты поэтому и прогулял? — грустно спросила мама.

— Нет, не поэтому. Я был с бабушкой. Давай я помою руки и расскажу, ладно?

Я подхватил свой пакетище и потащил к себе в комнату.

— Что это? — появился из недр отец.

— Это одежда. Мне бабушка купила. На начало учебного года.

— Одежда? — встала в стойку мама. — Показывай!

— Да пожалуйста! — я перевернул пакет над кроватью и смотался в ванную.

А когда вернулся, на всех поверхностях в моей комнате были разложены вещи — на кровати, на кресле, стульях и даже на письменном столе. Мама и отец топтались рядом, и, кажется, ссорились.

— Мама, напиши, пожалуйста записку для Ольги Борисовны, что я отсутствовал по семейным обстоятельствам, — сделав вид, что ничего не заметил, попросил я.

— Ладно... Только расскажи уж, пожалуйста, почему ты не был в школе, и при чём тут

эта одежда?

— Бабушка меня перехватила, и мы вернулись домой. Она посмотрела ремонт, мы поговорили, поели, и поехали по магазинам. Вот и всё.

Мама почему-то торжественно взглянула на отца.

— Вот видишь, — обличающе воскликнула она при этом. — Я же говорила, она начала совершать странные поступки. Наверняка потратила на это всю пенсию! Тебя совсем не волнует, на что она будет жить весь месяц?

— Ну может, это всё можно вернуть в магазин? Чеки есть? — промямлил он.

Ах, вот в чём дело! Мама ищет подтверждения бабушкиной деменции. Плохо.

— Вовсе нет, — поспешил вмешаться я. — Она долго готовилась. И у неё есть накопления, она сама сказала.

— Го-о-осподи, ну откуда у неё накопления, — чуть не плача, запричитала мама. — Как ты мог спокойно смотреть, как она тратит свои сбережения! — напустилась она на меня.

Я просто не знал, что сказать.

— Мама, я совершенно уверен, что это не последние её деньги.

Она махнула рукой и ушла звонить бабушке. Пока они разговаривали, я поужинал, развесил новые вещи в шкафу, потом достал гладильную доску и погладил новую синюю рубашку, чтобы завтра пойти в школу в ней. Мне нужен был телефон, позвонить Арине узнать новости и задания на завтра. Наконец, мама наговорилась и ушла в спальню. Я быстро схватил трубку и набрал уже ставший привычным номер.

Узнал задание, и — надо же — что я всё ещё староста. И другие новости — что учительницы английского вернулись со своих курсов, и завтра семь уроков. И Верка, оказывается, сегодня была в школе. Не перевели её, значит.

Глава 29. Снова учёба

Наверно потому, что я перед сном думал о ней, Верка приснилась мне в эротическом сне. Я проснулся до будильника, с колотящимся сердцем и перемазанный засыхающей спермой. Фу, пропасть, такого со мной ещё не случилось — со стояком бывало просыпался, и часто, а от такого я предпочитал применять превентивные меры.

Смущаться, стыдиться или рефлексировать я не собирался, сон вызвал у меня разве что недоумение главной героиней — Верка мне не нравилась совершенно. Я бы Арине и то меньше удивился.

Я поскорее ломанулся в ванную, хорошо хоть родители ещё спали. Стоя под прохладными струями душа, я вдруг понял, что чувствую себя отомщённым — как будто тем, что Верка вытворяла во сне, она искупила все доставленные мне неприятности. Продоминировав и даже некоторым образом унизив её во сне, я больше не злился на неё в реальности. С лёгким сердцем я отправился завтракать.

У ворот школы Макса не оказалось, и я даже слегка расстроился. Пришлось в одиночестве переодевать сменку и идти в кабинет географии. Захожу, а там на моём месте, рядом с Маркизой, сидит какой-то хлыщ, и что-то шепчет ей на ухо. Заметив, что я остановился рядом, он встал и нагло оглядел меня с ног до головы.

— А это, как я понимаю, наш новый староста! — возвысив голос, театрально объявил он.

Послышались смешки, хотя ничего смешного он не сказал. Так это же Гайворонский, — понял я, — тот самый отдыхающий лидер. Имя вылетело у меня из головы.

— Привет, — как обычно бросил я Анжелике, а она, как обычно, меня проигнорировала.

Я повернулся к Гайворонскому. А он хорош — загорелый, с правильными чертами лица, в белоснежной рубашке и сверкающих ботинках. Ростом вот только куда ниже меня. Это всё я заценил, тоже смерив его взглядом.

— Хочешь сесть на моё место? — склонив голову к плечу, вкрадчиво спросил я.

Он взглянул на стул, с которого только что поднялся, потом, видимо, сообразил, что я имею в виду место старосты, засомневался, так ли это... Это всё отображалось у него на лице. Жидковатый какой-то лидер. Пауза затягивалась. Наконец он передёрнул плечами, процедил: «Посмотрим...» и свалил на своё место. Тут же все загомонили, и я понял, что в классе стояла тишина, пока мы разглядывали друг друга. Я плюхнулся на свой стул, тут же вошла географичка, и, как и на прошлой неделе, следом за ней завалился Макс, и с точно такими же словами:

— Извините, Марьвасильна!

— Дежавю, — пробормотала себе под нос Анжелика, и я усмехнулся.

Не верилось, что прошла всего неделя — столько всего уже случилось.

Урок шёл своим чередом, несколько раз я ловил на себе взгляды Гайворонского через весь класс — ему приходилось оборачиваться, чтобы посмотреть на меня. Ну вот чего ему надо? Лидер, блин.

Верка тоже была в наличии, она, наоборот, глядела или прямо перед собой, или на парту. Ещё на меня пялилась Наташа Петрова, и даже пыталась что-то сигнализировать мне мимикой, многозначительно поднимая брови и кивая. Этой-то что надо? Ах да, мы же

договаривались на экскурсию по школе, я совсем забыл, а она вот помнит. Ответственная девочка. Я покивал ей в ответ, и она успокоилась.

После географии я хотел посмотреть, забрал ли Карпов журнал, но Петрова отвлекла меня, против течения учеников протиснувшись к моей парте.

— Ну что, Ваня, пойдём школу изучать? — с надеждой осведомилась она.

— Да... конечно, пойдём, — после некоторой заминки всё же ответил я. Вообще-то мне интереснее было пообщаться с Ариной, но Наташа горела таким энтузиазмом, что было неловко её расстраивать.

И мы пошли. Раз уж мы были на втором этаже то решили его и осмотреть в эту перемену, а то следующая будет занята переодеванием к физкультуре. Второй этаж был самым неинтересным: тут были только кабинеты, Наташа добросовестно перечисляла их, преданно заглядывая мне в лицо, словно проверяла, нравится мне или нет, что, вообще-то, выглядело глупо.

Я её ещё попросил контролировать Карпова, чтобы он не забывал журнал, и, похоже, такое поручение ей понравилось.

— Слушай, — сказал я, когда мы уже направлялись на следующий урок в кабинет МХК, — я тут Положение о старосте набросал, что-то типа должностной инструкции. Можно с тобой посоветоваться, вдруг что-то добавить надо?

— Конечно! — с восторгом согласилась она. — А когда?

— Давай после физры, нас ведь раньше отпустят. Быстренько осмотрим первый этаж и сядем в холле на диване, — предложил я.

Кажется, от радости она готова была пуститься в пляс. Ой-ой, какого же джина я выпустил из бутылки? Из неё бы вышел хороший комсомольский вожак, или как там они назывались. Вожатые?

Что странно, Макс перед физкультурой снова пропал, как и на прошлой неделе, и появился в зале, когда уже все построились. Это было подозрительно, у меня даже мелькнула мысль, что Макса бьют дома, и он таким образом скрывает следы побоев. Но эта мысль тут же мной была и отброшена — хоть я у него ни разу не бывал, на жертву домашнего насилия Макс совершенно не походил. Пожалуй, надо выяснить, в чём дело, попроситься к Максиму в гости, а если не получится, то на следующей неделе остаться в раздевалке до упора и вытрясти из него причину.

Я даже не удивился, когда он не появился в раздевалке после урока, и не стал его дожидаться, переоделся с остальными, а при выходе из раздевалки меня уже поджидала Наташа. В принципе, первый этаж уже тоже мной изучен — физкультурный зал и примыкающие к нему тренерская, комната для спортивного инвентаря и раздевалки, потом шли трудовые мастерские — для девочек и для мальчиков. В противоположном спортзале крыле располагалась столовая, туда я заглядывал и раньше, но ничего не ел — очереди там были огромные. Перед центральной лестницей стояли рядами скамьи, на которых переодевали сменку, и в углу притаился очень твёрдый кожаный диван, на который мы с Наташей и уселись. Удачно я заметил и Карпова, который шёл из столовой, при этом не разлучаясь с журналом.

— Саня, я тут документ про старост придумал, тебе интересно? — позвал я его. На Наташином лице отразилось разочарование, похоже, она надеялась на тет-а-тет со мной. Так, лишь бы не влюбилась в меня. Или она уже? Вот блин...

Карпов пожал плечами и, чавкая булкой, сел на подлокотник слушать, как я зачитываю

Положение. В процессе чтения выяснилось, что никакого самоуправления типа Ученического Совета в школе нет, и эти абзацы пришлось вычеркнуть.

— Вот только про помощников старост не знаю, что написать, и надо ли вообще, — закончил я. — Как вы считаете?

Наташа серьёзно наморщила лоб:

— Наверно, не имеет смысла, я так поняла, это только в нашем классе такое есть, да и то, это вроде бы временно, — неуверенно сказала она.

Карпов пожал плечами:

— Не, не надо. Чем меньше официально закреплённых обязанностей, тем лучше.

— Хм, здравый подход, — одобрил я, и он порозовел от удовольствия. Видимо, не часто его хвалят. — Ах, да, я ещё хотел спросить, Ольга Борисовна упоминала концерт ко дню учителя и Осенний бал. Это что вообще такое?

— Ну концерт он и есть концерт, тили-тили, трали-вали. — Пожал плечами Карпов. — А бал... вон пусть Наташка расскажет!

— Ой, у нас три бала в году — Осенний, Зимний и Весенний. — Захлёбываясь эмоциями, затрещала та. — Зимний это маскарад. Весенний это на двадцать третье февраля и восьмое марта, рыцари и принцессы, конкурсы всякие между классами. А Осенний в конце первой четверти, он на разные темы бывает, сперва типа ярмарки, оформляется стенд от класса, там всякие угощения и поделки можно продавать и покупать, а потом просто танцы, дискотека.

— И при чём тут бал? — озадачился я.

— Ну, когда-то, в первый год как школу основали, проводили балы, вот и осталось. Но постоянные балы — это как бы не очень, пришлось разнообразить.

— Ах, вон как, — понял я. Обычные школьные мероприятия, просто так обозвали для привлекательности, но школьники быстро прочухали, что к чему. Я задумался. По всему выходит, надо готовиться, сперва к концерту ко Дню учителя, потом к ярмарке.

Тут как раз звонок с урока прозвенел. Наташа вздохнула — ей явно хотелось пообщаться подольше.

— Щас биология, идём! — скомандовал Карпов.

И мы порысили на третий этаж. Около кабинета слонялся Макс, нашлась пропажа. Я только глянул на него, и у меня в голове как будто что-то щёлкнуло — уж очень удачно на него падало солнце — одна половина его тела была на свету, а вторая в тени. Так-так-так...

Глава 30. Идея домино

Всю биологию я просидел в задумчивости, черкая на бумажке. Надо бы блокнот, что ли, завести... У меня была пятёрка за прошлый урок, и что меня вызовут, я не опасался. К концу урока концепция и смета концертного номера были готовы.

Со звонком я поднялся и кинулся к Арине.

— Есть календарик? — перекрикивая шум, поднятый одноклассниками, спросил я.

Она отрицательно помотала головой.

— У меня есть, — впервые при мне открыла рот Савостикова. — Вот! — она торопливо вынула из-под обложки дневника карманный календарик с изображением красивой женщины в купальнике. Но женщины меня сейчас не интересовали. Я перевернул его и быстро нашёл пятое октября — это суббота, значит, скорее всего концерт будет накануне, в пятницу. Осталось две целых недели и кончик текущей, маловато, но успеть можно. Лишь бы нашлись желающие выступить, а то, судя по собранию, инициативных тут вообще нет.

Я вернул Савостиковой календарик, и мы пошли на русский. Я раздумывал, не сделать ли объявление о наборе желающих участвовать в концерте в присутствии классной, или лучше пойти другим путём, как бы в частном порядке. Пожалуй, начну в частном, а если результата не будет, в понедельник привлеку нежелающих принудительно. И я начал действовать.

— У меня есть идея потрясающего номера ко дню учителя, — сказал я Арине через голову Макса. — Называется «Домино». Надеюсь, ты поучаствуешь. — И, видя, что она замылась, быстро уточнил. — Ничего сложного, а эффект обалденный. Гарантирую, все участники станут звёздами. Ой, надо ведь Наташе тоже предложить!

И, не давая ей возможности что-либо сказать, я рванул вперёд. Но крем глаза успел заметить, что две девчонки из нашего класса, шедшие позади нас, явно услышали мои слова и переглянулись. Отлично!

Конечно, Наташу я уже застал в кабинете. Ольги Борисовны ещё не было, и я сразу направился к Наташиной парте.

— Слушай, я подумал, ты тоже наверно хочешь принять участие в номере ко дню учителя? — Вопросительно так сказал, как будто сам номер уже дело решённое. — Это что-то с чем-то, просто огонь, так ржачно, а подготовки минимум, не беспокойся.

Она не успела ответить, зазвенел звонок, и вошли все отставшие, в том числе те двое, что грели уши, и сразу кинулись к стайке девчонок на первой парте, разглядывающей журнал.

— Обсудим позже, — шепнул я Наташе.

Тут зашла Ольга Борисовна, и прямо на ходу скомандовала:

— Белов, к доске! Домашнее задание на стол! Остальные открывают тетради и записывают!

Я вытащил учебник с вложенной тетрадью и пошёл к доске. Хорошо, что я вчера подготовился, разбор предложений никаких трудностей не вызвал.

— Садись, четыре, — с каменным лицом сообщила классная.

Я забрал тетрадь и сел, не став уточнять, за что и почему четыре — за домашку или за ответ. Других она вызывать не стала.

— Начинаем новую тему!

По классу порхали записочки. Надеюсь, это обсуждают мой вброс. Потому что если нет, то прям и не знаю...

Я вздохнул и достал тетрадку по биологии, где на последней странице я схематично изобразил суть номера — шесть человек (минимум) в костюмах, половина которого белая, а половина чёрная становятся в шеренгу — белой стороной к белой, чёрной к чёрной. Получается иллюзия, что стоят три человека в белом и два в чёрном, боковые чёрные половинки теряются, а особенно при этом выделяются одноцветные ноги, стоящие рядом. И вот этими ногами можно выписывать разные кренделя — например, поднять одновременно, согнув в колене, или не сгибая, помотать в воздухе, изобразить шаги или балетные па. Крепко стоя на одной ноге это несложно, а у зрителей будет впечатление, что люди в белом и люди в чёрном парят в воздухе. То, что при этом видно, как это сделано, добавляет комический эффект. Очень зрелищный номер, если придумать движения и подобрать подходящую музыку.

Сперва я нарисовал человечков слишком далеко друг от друга, и теперь перерисовывал, но так получилось даже нагляднее:

Требовались костюмы — шесть футболок и шесть колготок, которые нужно между собой правильно сшить. Требовалась музыка — я представлял это так: летка-енка на проигрыши и по чуть-чуть канкана, какого-нибудь медляка и наоборот, что-нибудь бодренького. Тут в ходу кассеты, то есть записать на одну кассету, но как это делается, я не представлял. Ещё рассчитать хронометраж... Но главное — найти шестерых танцоров.

Урок пролетел незаметно, последним остался английский и домой. Тут внезапно выяснилось, что на английском класс делится на две группы, занимающиеся в соседних кабинетах, и в которую идти нам с Ариной, мы не знали. Макс позвал меня с собой, а Верка — Арину.

— Сядешь, да и всё. Скажешь, хочешь с нашей училкой заниматься.

Тут вошла и сама англичанка. Ого, с такой училкой я бы позанимался хоть чем — довольно молодая, с роскошной фигурой, с длинными светлыми волосами... Просто отпад! Я сглотнул, Макс понимающе усмехнулся моей реакции. Остальные парни тоже подобрались, пожирая глазами учительницу. Я поискал взглядом Гайворонского, но он был в другой группе.

— Добрый день, ученики, — начала она по-английски. — Рада увидеть вас после каникул. Проверим, кто присутствует.

Она зачитывала список и приветливо улыбалась каждому. Я действительно оказался в этой группе, как и Арина. Когда учительница дошла до фамилии «Звягинцева», я встал и сказал, по-английски, конечно:

— Звягинцева не знала, что она в нашей группе. Я могу сходить и позвать её сюда.

Она улыбнулась.

— Да, пожалуйста, сходи...

Ну, я пошёл, по пути подбирая английские слова. Вроде получилось неплохо, когда я, постучавшись, сказал с порога:

— Добрый день! Наш учитель просит Арину Звягинцеву присоединиться к нашей группе в соседнем классе.

— Оу, — удивлённо уставился на меня учитель-мужчина. — Ты отлично говоришь. Да, Звягинцевой нет в моём списке. Арина, можешь идти.

Арина грустно улыбнулась Верке и взяв вещи, пошла к выходу. Я придержал ей дверь.

— Козззёл, — услышал я в спину от Гайворонского, но дверь уже захлопнулась. Арина испуганно взглянула на меня, я почесал в затылке, не зная, как реагировать.

— Да ну его, пошли.

На уроке мы беседовали на тему «Как я провёл лето». Я вкратце сказал, что переехал на новую квартиру и обустроивал комнату. Остальные в основном проводили лето в деревне, на дачах, несколько человек были в лагерях, и только двое отдыхали на Чёрном море. Про границу не сказал никто, надо же. Английский у всех был чудовищным, я разговаривал лучше всех в группе, кроме, конечно, учительницы.

После урока Арина твёрдо сказала, глядя на меня:

— Я обещаю подождать Веру, мы вместе пойдём.

Кажется, она ждала возражений, но я пожал плечами:

— Ну пойдёмте.

Мы спустились в вестибюль, я с удовольствием оглядел своё отражение в большом зеркале — рубашка была мне очень к лицу. Вторая группа ещё не вышла.

— Слушай, я хотел про номер к концерту рассказать, — громко сказал я вроде как Арине, но с расчётом, что ещё кто-нибудь заинтересуется.

Заинтересовался Карпов.

— Вы готовите номер? — тоже громко спросил он. Подыгрывает, похоже.

— Номер будет — огонь и бомба, звёзды и химеры! Послушаешь тоже?

— А давай!

Мы пошли к тому же дивану, где уже сидели сегодня. Макс недовольно скривился: наверно, обиделся, что я не ему первому рассказал, но пошёл с нами. Сверху начали спускаться ученики второй группы. Я замахал руками:

— Наташа, иди сюда! Мы обсуждаем выступление!

Вместе с ней подошли ещё несколько девочек, в том числе и Верка, и двое парней. Гайворонский прошёл мимо.

— Вот смотрите, надо шесть человек, но можно и больше, конечно. Вот в таких костюмах, в двухцветных футболках, — я показал страничку из тетради. — Они встают вот так, — я обхватил за талии с одной стороны Наташу, с другой Арину, и расставил ноги. — Ноги так же сделайте! Ближе к моим! Из-за костюма будет казаться, что две половинки — это два разных человека. И ногами одного цвета делают всякие фигуры, например вот представьте, что у нас ноги одного человека.

Наташа была в тёмных брюках, как и я, поэтому я показал на ней. Послышались смешки.

— А ну-ка, — Саша Карпов пристроился к Арине другого бока, пытаюсь повторить.

— Вы по росту не подходите, дай я, — закричали сразу несколько человек. Я выдохнул — заинтересовались, слава богу.

Кое-как желающие выстроились в шеренгу напротив зеркала. Блин, плохо, что я не всех ещё помню по именам. Я поднял ногу.

— Делайте, как я! Саня левую, Вера правую, красный левую, следующий правую, — командовал я. Ржач стоял такой, что прибежала гардеробщица.

— Немедленно прекратите! Расходитесь!

— Ну, идея понятна? Кто хочет?

— Я точно! — первым крикнул Карпов.

Вера несмело подняла руку. Наташа тоже. Она всё ещё прижималась ко мне бедром,

хотя в этом не было никакой необходимости.

Подняли руки ещё несколько человек.

— Если кто-то сомневается, может стать запасным, — громко объявил я. — Ещё нам нужен костюмер и звукорежиссёр, музыку записать. Давайте я всех запишу. Извини, я не помню как тебя зовут, обратился я к кудрявому мелкому пареньку, который в классе сидел сразу за мной.

— Саша Карташов, — крикнул он мне в ухо, перекрикивая галдящих девчонок, бурно обсуждающих необычный танец.

— Дальше!

— Настя Галденкова! Ксюша Астраханцева! Дима Фагамиев! — посыпались имена.

Я всё записывал. Вдруг с лестницы раздался громкий голос Ольги Борисовны.

— Что здесь происходит? На вас жалуются! Что за базар?

Я встал.

— Ничего не происходит, просто я записываю желающих принять участие в концерте ко дню учителя.

Она поражённо замерла на предпоследней ступеньке, слегка возвышаясь над всеми, и с удивлением переспросила:

— В концерте? Это что, столько желающих? И почему так громко?

— Ну извините, так получилось, — пожал я плечами.

— Так, — она помассировала виски. — Вам следует договориться с Алевтиной Михайловной, завучем, и согласовать время репетиций. Они проводятся в физкультурном зале и на сцене, а не в вестибюле, — раздражённо заявила она.

— Я не знал же, — так же раздражённо ответил я. Она меня достала, могла бы и помочь, а так мне сразу захотелось всё бросить. Но на меня смотрела половина класса, поэтому я сказал: — Мы так и сделаем, а сейчас я просто запишу желающих участвовать.

— И сразу расходитесь! — оставив за собой последнее слово, она развернулась и поцокала обратно вверх.

Я скривился ей вслед, что не осталось незамеченным, и одноклассники стали выражать мне поддержку, как они это понимали.

— Да она вечна всем недовольна! Она вечно придирается! Не обращай внимания!

— Ладно, — буркнул я. — Все, кто хотел, записаны? Завтра русский первый, кто может, придите на десять минут раньше, обсудим кое-что до начала репетиций.

Глава 31. Воссоединение

Потихоньку все стали разбредаться, а я так и сидел на диване в какой-то прострации. Наконец, тряхнув головой, я вернулся в реальность и увидел, что рядом остались Макс, Арина, Верка и — внезапно — Наташа Петрова. Я сходил за сменкой и переобулся.

— Ну что, идём?

Мы вышли на крыльцо.

— А тебе чего? — спросил тут Макс Наташу. Арина и Верка тоже смотрели на неё как-то недружелюбно.

— Да я просто так, — пролепетала Наташа и, не глядя на меня, быстро пошла вперёд.

— Петрова в тебя влюбилась, — проводив её взглядом, сообщил мне Макс.

Я помрачнел. Я и так это понял, а теперь ещё и они все тоже. Верка явно собиралась что-то сказать, но сразу осеклась, как-то опасливо глянув на меня. Арина вдруг взяла Макса за руку и потянула вперёд.

— Догоняйте, — бросила она нам с Веркой.

Понятно, дают нам выяснить отношения. Мы медленно двинулись за ними.

— Белов, — начала Верка, когда мы миновали школьные ворота. Сейчас извиняться будет, понял я. — Я, конечно, перед тобой виновата, что подозревала тебя, а ты оказался не при чём. Но извиняться я не хочу, — я вскинул брови, и она зачастила, приглушая голос, чтобы не слышали Арина с Максом. — Ты сам виноват, что так себя вёл! Подозрительно и нагло! Как будто ты самый умный!

Я пожал плечами. Мне её извинения были не нужны, просто хотелось понять, до сих пор ли она считает меня врагом, и будем ли мы дальше общаться, и если будем, то как именно.

— Что ты молчишь? — она дёрнула меня за рукав, заставляя взглянуть на себя.

Я отряхнул место, за которое она схватилась, расправив ткань, и остановился. Она тоже, и мы встали лицом к лицу.

— Молчу, потому что пытаюсь осознать всю глубину твоей мысли, — я ухмыльнулся максимально издевательски. — «Я, конечно, виновата, но ты сам виноват в том, что я виновата!», — кривляясь лицом, изобразил я её.

Она вспыхнула. Как же приятно её дразнить!

— Ты прекрасно понял, что я имею в виду!

— Давай конкретней! Извиняться ты не хочешь, я понял. А чего тогда тебе надо от меня?

— Мне?

— Тебе, тебе!

— Ничего мне не надо! — сердито воскликнула она.

— Ну и прекрасно!

Я поправил сумку и устремился было к друзьям, но она заступила мне дорогу. Хоть хватать не стала на сей раз.

— погоди! Я хотела спросить... То есть узнать... То есть... Короче, ты можешь меня простить?

«Л — логика», — всплыла в голове подходящая фраза из будущего. То есть извиняться она не хочет, но хочет, чтобы я её просил? Хм, а что-то в этом есть, и вообще-то совпадет с

моими желаниями — ведь я и так уже простил по-настоящему, и без извинений. И я сказал это вслух:

— Да я простил тебя, Савостикова. — И добавил, просто чтоб она не расслаблялась: — На этот раз.

Кажется, она не ожидала, потому что недоумевающие вытаращилась на меня, а потом резко покраснела. Я почувствовал неловкость. Стоим тут, объясняемся. Не к месту вспомнился сегодняшней сон.

— Пошли уже, что ли? — буркнул я, пряча смущение.

Мы догнали их уже у перехода. Арина любопытно блестела глазами, Макс стоял насупившись.

— Ну что, по домам? — спросил он. — Сегодня не собираемся?

— Ну если ты приглашаешь... — закинул я удочку, вспомнив, что хотел побывать у него.

— Не, у меня отец сегодня дома, — мотнул головой он.

— Ой, а вчера ведь Виктора Николаевича выпустили! То есть выписали, — вспомнила Арина. — И бабушка сегодня собиралась нанести им визит. Может, что-то узнает.

Я закатил глаза:

— Слышать про него больше не хочу, живой — и слава богу.

— Э, нет, — оживился Макс. — Раз уж мы участвуем в этом деле, то надо выяснить всё до конца.

— Что опять вы хотите выяснить? — с досадой спросил я.

— Куда доллары делись, конечно!

— Тьфу, пропасть! — сплюнул я. — Опять двадцать пять!

Арина хитренько улыбнулась, мол, никуда ты не денешься, и лисичкиным голоском сказала:

— Если бабушка узнает что-то, я вас обзвоню.

Я поморщился, махнул Максу и нырнул в переход.

И, конечно, она позвонила. Я уже успел пообедать и даже начал делать русский на завтра.

— Есть новости, — возбуждённо шептала она в трубку. — У тебя можно собраться?

— Приходите, — обречённо сказал я, и пошёл готовиться к приёму гостей.

Первым пришёл Макс.

— Помирились, значит, с Савостиковой? — спросил он, снимая кроссовки.

— Выяснили отношения, — уточнил я.

— А с Петровой что делать будешь?

— А что тут можно сделать? — вопросом на вопрос ответил я.

— Ну, много чего. Смотри, как она тебе, нравится?

Я задумчиво почесал нос.

— Ну, она полезная. Как зам старосты, — пояснил я. — На неё можно положиться. Прощколу мне рассказала, про учителей.

— Я не про то. Будем её к нам принимать?

— К нам? Куда — к нам?

Макс слегка смутился.

— Ну в нашу компанию.

К такой постановке вопроса я был не готов. Это тут сейчас так принято? Компания у

нас сложилась, это да, и, видимо, это подразумевало какие-то правила внутреннего общения. В нашей дружной, перспективной, динамично развивающейся компании. Брр! Я потряс головой, выгоняя неуместные мысли.

— Нет, — решительно сказал я. — Это школьные дела, они отдельно.

— Тогда готовься к осаде, — он многозначительно поиграл бровями и вольготно расположился на диване.

Раздался звонок, пришли девочки. Когда все расселись, я кивнул Арине.

— Рассказывай.

— Ну, если с начала, то дело было так. Виктор Николаевич ещё весной одолжил у своего знакомого две тысячи долларов, и должен был вернуть через полгода, четвёртого сентября, как раз в тот день. Пошёл он, значит...

— Стой, — прервал я её. — Одолженные он значит, потратил, а эти откуда взялись? Он их в банке взял?

— Нет, не в банке, они с женой все полгода их постепенно откладывали с выручки от бизнеса. Последние он принёс накануне, всё пересчитал и положил в портфель. И понёс, значит, отдавать. Но в подъезде на него накинули простыню, отобрали портфель и доллары рассыпались. Это мы сами видели. Ну вот, а когда мы их собрали, он поднялся к себе переодеться, и ещё раз их пересчитал. Не хватало только ста.

Арина многозначительно взглянула на Макса, а потом на меня. Что удивительно, Верка промолчала.

— Дальше, — поторопил я.

— И на него снова напали, прямо на лестнице! Снова накинули простыню и дали по голове, он отключился, а очнулся в незнакомом месте.

— В магазине! — в возбуждении вскочил Макс с дивана.

— Ну, тогда он этого не знал, и очень испугался.

— Ещё бы! — Макс плюхнулся обратно, и заметил, — Но ведь это мы и так знали.

— Да? — удивилась Савостикова.

Упс!

— А зато знаете, что? В том магазине работал родственник того знакомого, который одолжил Виктору Николаевичу деньги! — с торжеством выпалила Арина.

— Ага! — завопил Макс. — Значит, этот знакомый и был наводчиком! И денежки у него! Настоящие отобрали, а фальшивые раскидали, чтобы Виктора Николаевича и обвинить.

— А вот и нет! — Арина сделала загадочное лицо, но тут же продолжила. — Когда Виктора Николаевича похитили, то его били, чтобы он признался, куда дел настоящие доллары.

Я озадаченно нахмурился. Что-то не сходится.

— То есть... — медленно проговорил я, — Получается, что они... подменили фальшивые доллары на фальшивые? Так?

— Вот именно! — Арина оглядела нас с таким радостным видом, как будто эти доллары ей на день рождения подарили.

— Не понимаю, чему ты радуешься, — проворчала Верка.

— Погодите, а где тогда настоящие? — с глупым видом спросил Макс, почему-то меня.

— Откуда мне знать? — возмутился я.

Тогда он повернулся к Арине.

— Действительно, чему ты так радуешься? Они нашлись?

— Эээ... нет, не нашлись... Я радуюсь, что... Ну, не знаю почему. Просто это так глупо, что даже смешно... Нет?

Меня почему-то тоже разобрал смех, но я смог выдавить:

— Нет, Арина, это совсем не смешно, — и расхохотался.

Макс покрутил пальцем у виска и тоже засмеялся, глядя на нас. Даже Верка фыркнула. Наконец, мы успокоились.

— И что теперь? — в пространство спросил Макс.

— Ах, да! — спохватилась Арина. — Ещё вот что — тот знакомый утверждает, что о планах родственника организовать грабёж ничего не знал, и если сговор не докажут, то возвращать долг всё равно придётся.

— Прикол, — растеряно сказал Макс. — Куда же они могли деться?

— И, главное, когда? — подхватила Арина. — Настоящая загадка! И очень загадочная загадка!

— Белов эту загадку уже разгадал, — мрачно сказала Верка.

— Это когда же, Савостикова? — недовольно спросил я. Мне не понравилось, что она назвала меня по фамилии. Макс с Ариной тоже изумлённо смотрели на неё.

Она усмехнулась.

— А вот когда мы тут вместе это обсуждали в прошлый раз. В среду вроде, да?

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась Арина.

Я тоже не понимал. Как, видимо, и Макс, судя по его виду.

— Я имею в виду, что деньги подменили на фальшивые раньше, ещё когда они лежали у Виктора Николаевича дома, — небрежно сказала Верка.

Я хмыкнул, но сказать ничего не успел — раздался телефонный звонок. Я подошёл.

— Ваня! Как хорошо, что ты дома! — услышал я голос бабушки. Скорее всего, она звонила из автомата, на заднем плане слышались голоса. — Я нашла бассейн неподалёку от вашего дома, на территории какого-то закрывшегося завода. Необходимо подойти туда в течении часа, договориться о твоих посещениях. Я зайду через пятнадцать минут, будь готов.

— Бассейн? Сейчас? Но у меня даже плавок нет!

— Ничего, там всё продаётся, приготовь только полотенце. Жди! — и она отключилась.

— Фу, блин, — проворчал я, оборачиваясь к друзьям, которые горячо спорили, пока я разговаривал. — Так, через пятнадцать минут придёт бабушка, и мы уходим. Что решили? Я считаю, это всё надо обдумать, и узнать, кто бывал у них дома, мог знать про долг и всё такое...

— Не представляю, как это выяснить иначе, чем спросить у самого Виктора Николаевича или у его жены, — сказал Макс. — Но они с нами разговаривать даже не станут.

— Ну со мной-то станут, — возразила Верка.

— Хорошо, — рассеяно отозвался я, копаясь в шкафчике стенки, где ещё при летнем обыске квартиры видел стопку полотенец. — Поразговаривайте. Хотя, наверно, это зря — в милиции не глупее нас люди работают. Но просто на всякий случай...

Они заспорили, а я ушёл переодеваться. Вскоре раздался звонок в дверь. Бабушка была великолепна — в тёмно-бордовом костюме с лиловой блузкой, в жемчужных серьгах, с укладкой на седых подсиненных волосах.

— Ванечка, здравствуй, дружочек! А я с подарком. Вот, смотри, полезные вещи, тебе

пригодятся.

Из лакированной сумочки она вытащила два предмета: телефонную книжку-блокнот и ежедневник, оформленные в одном стиле — с парусным фрегатом на обложках.

Ребята высыпали в прихожую, с робостью разглядывая такую шикарную даму.

— Спасибо, бабушка, мне очень нравится, — довольно произнёс я. — Познакомься с моими одноклассниками: Арина, Вера, Максим. Нинель Фёдоровна, моя бабушка.

Они все трое жутко засмутились, когда бабушка каждому пожала руку.

— Мы как раз уходим, — пробормотал Макс. Он держался неестественно прямо, видимо, пытаясь изобразить светского юношу.

— Да, у нас с Ванечкой тоже организовалось неотложное дело.

Я прихватил сумку с полотенцем, и все вместе мы вышли из квартиры, отправляясь в разные стороны: мы — записываться в бассейн, они — спорить дальше о нелёгкой судьбе Виктора Николаевича.

В пятницу я пришёл из школы позже обычного — состоялась первая репетиция нашего номера. Наорался я там до хрипоты. Надо немного перекусить, сегодня я уже самостоятельно иду в бассейн, мне согласовали график посещений: понедельник, среда, пятница с четырёх до пяти.

Не успел я снять куртку, как раздался телефонный звонок.

— Ваня! — раздался взволнованный голос Арины. — Ты представляешь, Ваня, дело Виктора Николаевича раскрыто, деньги нашлись. Знаешь, кто их украл? Племянница его жены! Она бывала у них в доме, всё знала, и обворовала их!

— Вон оно как, — пробормотал я.

— Нет, ты понимаешь, что это значит?

— Э-э-э... Что?

— Мы раскрыли это дело! Ведь мы обо всём правильно догадались.

— Так милиция же...

— Ну и что! То милиция, а то — мы. И потом, — она понизила голос, — ведь это ты спас жизнь Виктору Николаевичу. Знаю-знаю, — торопливо зачастила она, предчувствуя, что я готовлюсь возразить, — это не ты, это совпадение, и всё такое. А вообще, это доказывает, что мы сами можем расследовать преступления, или какие-нибудь таинственные происшествия. У нас получится, я знаю!

— Ни-за-что! — отчеканил я и бросил трубку.

Вздыхнув, я пошёл к себе, но у порога споткнулся о коробку. О, это же скамью для пресса привезли, пока я был в школе, мама оставалась встречать доставку. Рядом на полу лежали две пары гантелей — на три и пять килограммов.

Я оглядел свою комнату. Было тихо и как-то просторно. В солнечном луче плясали пылинки. Посредине пустого письменного стола лежала подаренная бабушкой телефонная записная книжка. Я подсел к столу, открыл её и вписал своих друзей — Максима Бочкарева, Арину Звягинцеву и Верку Савостикову.

Конец

Послесловие от автора

Вот книга закончена, но окончания нескольких сюжетных линий в неё не влезли, просто потому, что они не могли быть раскрыты в том же временном промежутке. Вообще-то я планирую написать ещё одну, но, повторюсь, с фантазией у меня совсем плохо, и даже если она получится, то это будет не скоро. Поэтому стоит закрыть хвосты тут. Итак:

Макс не переодевался со всеми на физ-ру, потому что стеснялся того, что он толстый. Дома у него тоже не всё благополучно, как и с сестрой, но это совсем другая история.

Ивану настойчиво предлагали пересесть от Маркизы, потому что первого сентября, уже после уроков, в школу приходил её отец, и сообщил, что после похищения Анжелики, которое было весной, у неё возникли некоторые психологические проблемы, а также проблемы с памятью, и просил для неё комфортных условий обучения. Администрация школы пошла навстречу состоятельному человеку.

Бабушка настойчиво привлекла Ивана к написанию детских детективов, они стали писать в соавторстве, но Иван взял псевдоним, чтобы избежать внимания сверстников. Псевдоним такой, потому что Вася — это почти что Ваня, а Чернов — это почти как Белов, только наоборот.

Такие дела.

Лайк?